

Василий С. Смелянский

ПТИЦА СЛАВА:

ТАЙНЫЕ СКАЗЫ

Сказ
первый

Сказ первый

ПТИЦА СЛАВА: ТАЙНЫЕ СКАЗЫ

Василий Селянский

ПТИЦА СЛАВА:
ТАЙНЫЕ СКАЗЫ
Сказ
первый

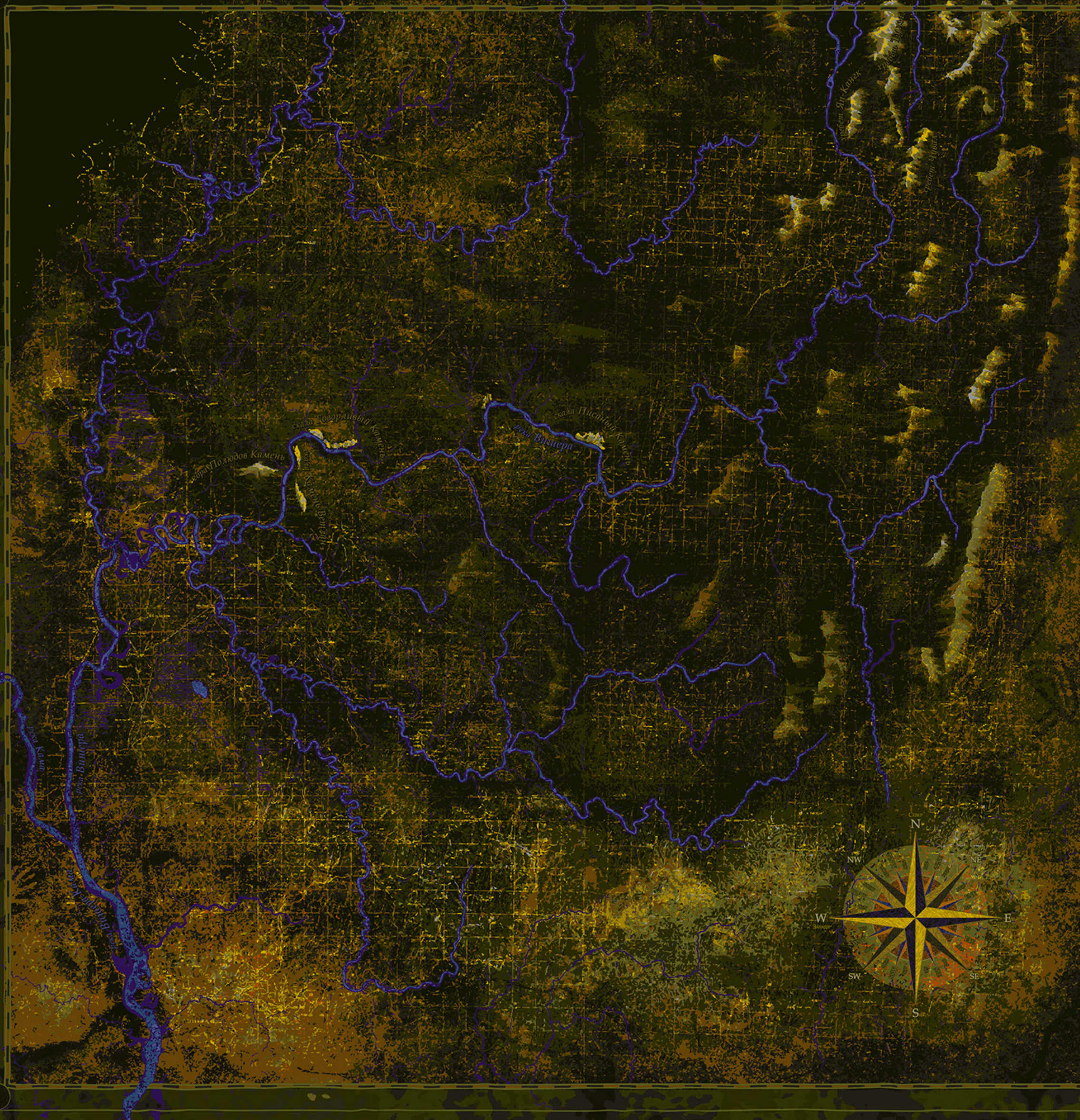
Василий Селянский

Данное издание является адаптированной электронной версией малотиражного художественно-полиграфического объекта в жанре "Бук-арт", имеющего коллекционное, а нумерованная часть тиража – музейное значение. Габариты издания: 340 x 320 x12 мм.

На иллюстрации выше представлена цифровая версия внешнего вида разворота Обложки издания, которая исполнена в технике "сериграфия" для трафаретной печати с двух сторон с 18 + 7 трафаретных форм.

ГДЕ ДО СЕВЕРА ДВЕ ТУЧИ И ДВЕ НОЧИ ДО ХИЛЫ, ГДЕ ДОЖДИ, ЗАПЯСЬ В ПАДУЧЕЙ, БОДЯТ ХМАРЫ КОМАРЬЯ, ГДЕ ТУМАН, МЕЖ СКАЛ ОБВИСИИ, БЛАЗНЯТ НЕБОМ ОБЛАКА: ПО ГОРАМ ТАМ КОСЫ ПЫШНЫЕ ПЛЕТЕТ ВИШЕРА-РЕКА.

НЕ ЗА ШАНЬСКИМИ ГОРАМИ, НЕ ЗА ИНДСКИМИ ВЕТРАМИ, НЕ НА НЕБЕ, НЕ НА ДНЕ, НЕ В ЭДЕМЕ, НЕ В ТАРТАРЕ, А НА СЕВЕРНОМ УР-АЛЕ:

Василий Смялянский

ПТИЦА СЛАВА:
ТАЙНЫЕ СКАЗЫ
Свод
первый:
ЯНТАРНЫЕ ОСТРОВА И РОСЬ
В десяти Сказах,
поведанных Георгиевским Тигром

Сказ
первый:
Рысь Русь и Пúпа,
Попугай
кархáдский

Электронное издание

РОССИЯ
Челябинск
«РИГ Персона®»

2016

«... чаще ж всего предстаёт Птица Слава в телесном обличии
любимцам своим – зверомирцам:
обликом вельми прекрасным, возвышенным:
исполинских размеров густо пернатая птица, осанкою – царственна,
ликом – грóзкая, но строгость не злая – благáя: ибо добро́ и должно быть
с мощным остра́стным клювом, загнутым к бою,
да дюже когтистыми сильными лапами, металлы крушащими, дабы зло
и всякая погань издали зрели, на что посягают!..
... зверомирцам же Птица надмирная –
не культ, не объект поклонения, не тотемная спéшница... Она –
суть отчей истории, и ныне текущего, и завтра грядущего.
Слава – наша идея породная!..

... Острова же Янтарные – и не миф, не легенды былинные: явь –
да не каждому явленная..
и зверомирцы о том не проповедуют всуе, не исповедуют –
с этим живут, с этим к славе идут... коли же повод злой, Отчизне угрозный, –
так и на смерть... но к смерти тогда притекают, как к празднику..
... что до звер зверомирских касательно, то о Создателе лишнего
зверомирцы не умствуют, они Его – чуют...»

‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’

«... всё наладится, всё будет... но не все будут..
воздадим же при жизни:
и врагам нашим,
и нашим:
ещё не павшим, но уже идущим на смерть!..»

Рысь Русь

«... будь панда, будь гризли, будь белый медведь:
нам есть о чём жить и есть о чём петь!..
... ну а если вдруг кто, захмелев за столом,
охамев во хмелю, станет сущим козлом, –
на рога есть рога, на врага есть орда,
чтобы время козлов не пришло никогда..
... так споем же, друзья, песню Мира зверей!..
а петь не умеешь – не пей...»

Георгиевский Тигр

Оглавица

	стр.		стр.	
От издателей	7			
Зачин	9		46	Пёрлы от Пúпы
Введение в Зверовéдение выписки для реферата ‘БЗЭ’	10			В защиту Попугая
Десять Сказов, поведанных Тигром	11		47	Пúпа в еду
Сказ Первый: Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский	13 – 78		48 – 49	encyclopedia ‘БЗЭ’ Чёрный Макак Мак
пролог (без названия)			49	Аудиенция
Река	15		50	zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Сказ первый’ comments
Ском			51	Кольцо Свободы Попугаю
encyclopedia ‘БЗЭ Тиграуза и Тура’ Ур-Ал				encyclopedia ‘БЗЭ’ ливер Пúпа селфи Кольца
Море	16		52 – 77	Встреча на Вишере
zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Кто впадает в Каспий’			52 – 53	Интродукция
Рúсла	17		54 – 77	Плачь о порушенной дюжине перьев
media ‘Рык Зверомира’ N 1 ‘Рожны́ и рогúлины ливерастии’			54	zavronet Odnoperniki public ‘Maidan-on-Vishera’
zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Сказ первый’ comments	18 – 19		55	Поруха первая
– subject: что есть сабж, оффтоп и флуд			56	zavronet Odnoperniki public ‘Maidan-on-Vishera’ /– к стр. 57
Камень	21		57	Поруха вторая
Курúмы			58	Воспитáнки. Класс Тигра /– к стр. 59
encyclopedia ‘БЗЭ Тиграуза и Тура’ Камень Тулы́мский	23		59	Поруха третья
Рысьи думы			60	Воспитáнки. Класс Тура /– к стр. 61
Жизнь на ходу	24		61	Поруха четвёртая
Зелёный Луч	25		62	Ай-птички и Яти (Ѓ) encyclopedia ‘БЗЭ’ /– к стр. 63
Облак	27		63	Поруха пятая
О Креаклах	28		64	Гламурки и Яти (Ѓ) encyclopedia ‘БЗЭ’ /– к стр. 65
zveronet портал ‘РосТвердь’ post ‘Как вы, каклы?’			65	Поруха шестая
О тотальном ощи́пе	29		66	zveronet public ‘Ёкономика Зверомира’ /– к стр. 67
encyclopedia ‘БЗЭ’ Тотальный ощи́п и оби́райт			67	Поруха седьмая
Оказательство	31		68	Песни Козлов /– к стр. 69
Рысий крест	33		69	Поруха восьмая
Наука для внуков encyclopedia ‘БЗЭ’	34 – 36		70	zavronet Odnoperniki public ‘Maidan-on-Vishera’ /– к стр. 71
– О Создателе	34		71	Поруха девятая
– О Верхнем Мире и Высших стихиях, в нём во́лящих, Мире Нижнем, которого нет, но о котором все знают, и Мире Срединном, где мы	35		72	Из Тигра /– к стр. 73
– Об индýлах и чудах-неведах	36		73	Поруха десятая. <i>Протокол первый</i>
Проку́да и Пúпа	37		74	<i>Протокол второй</i>
encyclopedia ‘БЗЭ’ О трёх триллионах деревьев планеты Зелёна			75	<i>Протокол третий</i>
Сказание о Прокúдливом древе	39 – 42		76	<i>Протокол четве́ртый</i>
Небыль первая	39		77	Поруха одиннадцатая
Небыль вторая	40		78 – 95	... Сказу конец. Послесказие
Небыль третья	41		79	1. Молвы о Птице надмирной дайджест
Небыль четвёртая, концевая	42		80 – 82	2. Стяги Зверомира
Эхо Сосны	43		83 – 90	3. Рысь Русь: откуда рысь пошла
Пúпа в цветú	44		85	Фабула первая: Согласие верховóму правлению и ро́сский бунт
encyclopedia ‘БЗЭ’ ливер Пúпа	45		86	Фабула вторая: Узурпация власти ... и вопрос о рысьей справедливости
Пúпа в говорú	45		87	Фабула третья: Обличие
media ‘Рык Зверомира’ N 1 ‘Рожны́ и рогúлины ливерастии’			88	Фабула четвёртая: Рысий глаз
			89	Фабула пятая: Славные предки и Созвездие Рыси
			90	Фабула шестая: Рысь Русь и Белведь, Правитель Ро́си, а также свита
			91 – 95	4. Зверомирцы, о коих в следующих Сказах поведано будет

УДК 882.161.1
ББК 84(2=411.2)6-4
С-501

Литературно-художественное электронное издание
ISBN 978-5-9902164-2-6

Смелянский В.
С-501 Птица Слава: тайные сказы. Свод первый:
Янтарные Острова и Рось, в десяти Сказах, поведанных
Георгиевским Тигром. Сказ первый: Рысь Русь и Пúпа,
Попугай кархáдский. Встреча на Вйшере: – Челябинск:
«РИГ Персона®», 2016. – 96 с.

ISBN 978-5-9902164-2-6
Сказание о параллельном Мире – Зверённой –
разворачивает масштабную картину жёсткого, порою
лютого противостояния звербидов Кархáдской Унии,
назвавших себя “исключительным, избранным стадом”
и на том основании рвущихся к тотальному владычию
на планете Зелёна, и зверомйрцев Рóсских просторов,
издревле предстоящих в борении с самозванцами всех
пород, мастей и окрасов... Действие развивается в
условиях непрестанных, изнурительных гибридных войн,
ряженных в тогу столь же гибридного “стылого мира”.
Сказы богато иллюстрированы образами персонажей
и “сред обживания”, атрибутикой и айдентикой:
графика является неотъемлемой частью контента.

«Сказ первый» декалогии «Янтарные Острова и Рось»
повествует о коллизиях судьбоносной “встречи
на Вйшере” – нежданной и нежеланной, случившейся
“во времена злые”: в канун трагических событий,
взорвавших непрочный, не самый уютный, но всё
же привычный мир...

Сказы обильно аранжированы контекстными
маргиналиями, флэшбэками, цитированием “в тему”
звероСМИ, Зверонета и «Большой Зверомирской
энциклопедии».

УДК 882.161.1
ББК 84(2=411.2)6-4

Данное издание является адаптированной электронной версией
малотиражного художественно-полиграфического объекта в жанре
“Бук-арт”, имеющего коллекционное, а нумерованная часть тиража –
музейное значение.

Печать указанного выше объекта будет осуществлена согласно ОСТ
29.130-97 /роскошное полиграфическое издание класса кипсек/
ограниченным тиражом, предположительно – 999 экз., из которых –
150 нумерованных, являющихся малотиражным нумерованным
произведением современного искусства, исполненного в технике
“сериграфия” и подписанного автором — в соответствии с мировыми
стандартами на авторские тиражные произведения искусства.

В издании будут использованы эксклюзивные технологии /ноу-хау/
проектирования и печати – трафаретной и офсетной,
разработанные четырёхкратным чемпионом всемирных олимпиад
полиграфистов FESPA Awards В. Смелянским.
Параметры, эксклюзивные материалы и технологии печати
художественно-полиграфического объекта указаны
в Концевом титуле печатного издания.

Обложка объекта исполнена в технике “сериграфия”
методом трафаретной печати (с двух сторон)
с 18 + 7 трафаретных форм.

придумано в России
invented in Russia

© Стихи, тексты, Смелянский В.Ю., 1985 – 2016.
© Образы, Смелянский В.Ю., 2014 – 2016.
© Изображения, оформление, Смелянский В.Ю., 2011 – 2016.
© Сериграфия, трафареты, Смелянский В.Ю., 2010 – 2016.

Графика видов Образов создана Василием Смелянским совместно с
Мargarитой Заря-Языковой в июне 2014 – декабре 2015.

Все вербально-графические Образы Проекта «Птица Слава», все
составляющие этих Образов и базовые интерпретации этих
Образов в графических и текстовых вариациях придуманы
и разработаны Смелянский В.Ю. в мае 2014 – декабре 2015.

Вербально-графический Образ «Птица Слава», все составляющие
этого Образа, базовые интерпретации этого Образа в
графических и текстовых вариациях придуманы и
разработаны Смелянским В.Ю. в феврале – июне 2014.
Исходная графика Образа «Птица Слава» создана при
участии Светланы Кожевниковой в марте – июне 2014.
Окончательная графика Образа «Птица Слава» создана
совместно с Margarитой Заря-Языковой в 2015 – 2016.

Вербальные и графические базовые элементы Образа
«Птица Слава» зарегистрированы в качестве комбинированного
товарного знака (знака обслуживания) по 17-и классам МКТУ 10 в
Федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной
собственности. Свидетельство № 556427 (номер гос. регистрации).
Приоритет: от 26 июня 2014. Дата гос. регистрации: 03 ноября 2015.

графика |сериграфия |трафареты
оформление |дизайн |вёрстка |оригинал-макет
Василий Смелянский
Margarита Заря-Языкова

редактор, корректор
Евгения Теплых

IT координатор
Алексей Заря

финансовый координатор
Надежда Рудых

Земной поклон автора Александру Корлыханову –
единомышленнику, другу и партнёру
по самым дерзким и масштабным начинаниям,
включая Проекты «Фрески правды» и «Птица Слава».

книга впервые опубликована в электронной версии
в декабре 2016
на сайте Проекта «Птица Слава»
www.ptitsaslava.ru

16+

Данное издание содержит экспрессивную лексику,
а также стилистически сниженную лексику,
исключая ненормативную лексику
/в т.ч. – нецензурную брань/, запрещённую
Федеральным законодательством РФ
к употреблению в печатных изданиях.

От издателей

От редакции «РИГ Персона®»

Зверян, обитателей Зелёной планеты, ошибочно было бы считать аллюзией, подобием людян Голубой планеты из параллельной Вселенной, которые часто упоминаются на страницах Сказов, так ведь и те суть вымышленная реальность – симулякр Планеты людей, не более!..

Главное же различие в том, что зверяне, без оглядок на политкорректность, “рычат вещи своими именами”. Во всяком случае – зверомирцы...

Издатели и Авторы издания не идентифицируют ни себя, ни кого-либо из представителей вида *homo sapiens* с вымышленными персонажами – *bestia sapiens*, то есть – со зверянами вымышленной планеты Зелёна, а равно – и с их воззрениями, мнениями и дискурсом в целом.

Все совпадения, аллюзии, параллели, ассоциации – случайны.

media-группы ‘Рык Зверомира’.

Предисловие к адаптированному изданию в Людянии

Десятисказие (декалогия) «Янтарные Острова и Рось», первая книга которой представлена вашему вниманию, во многом соответствует понятию *эпос*:

охватом времён и событий: текущих, минувших, назревающих,

поэтически щедрым, насыщенным, при том же – почти доподлинным описанием ареалов житий и действ: Дали, Просторы, Глуби, Выси,

обилием действующих и упомянутых персонажей: зверобиды и зверомирцы, людбиды и людомирцы, индифференты и индйлы, чуды да неведы, иные существа да сущности,

избытком историй, повествуемых в общем русле, и их разнородностью:

сказы и притчи, были и небыли, песни и думы, “науки внукам”, познанки, воспитанки, вранки...

Но это не *эпос* в привычном смысле, во всяком случае – не только *эпос*: пристальностью и дото́чностью изложения Сказы декалогии сродни *монографиям*. Или учебным пособиям. Или *хрестоматиям*. Но это не *монографии*, не *пособия*, тем более – не *хрестоматии*:

новаторский жанр Сказов о Птице Славе условно можно описать термином: “Сага в жанре буказин”.

Иноземное словцо *bookazine* в буквальном переводе значит: “*книгожурнал*” – так называется издательский формат, ныне весьма успешный, подразумевающий подборку разнородного контента – подобно журналу, но единённый сквозной темой и/или предметом повествования – подобно книге.

Развитие сюжетных и описательных линий Сказов дополняется, сопровождается, порою и прерывается контентными статьями, маргиналиями, цитированием Зверонет-постов и форумных комментов, читать которые необязательно. Их можно пропустить, бегло с ними ознакомиться, вернуться к ним позже.

Но и основное повествование мозаично, “квантовано”: структурированные фрагменты складываются в темпоритмические смысловые объёмы, ограниченные вместимостью одной печатной полосы – страницы.

Не совсем обычной страницы: размерами 34 на 32 см, на которой по воле автора умещено порою до 8000 знаков. Что вчетверо превосходит “*собаку*” – так некогда издатели именовали условно-стандартный (учётный) объём страницы: в те незапамятные уже времена рукописи принимались отпечатанными на пишущей машинке, и только на специальных бланках с логотипом издания, жаргонно именуемых “*собакой*”, где и умещалось около двух тысяч знаков с пробелами...

Несмотря на обилие сопутствующих, дополняющих текстов, основное сказание визуально легко различимо: оно как бы “скользит” по правым нечётным страницам книжного разворота. Левые же страницы – “вторичны”. Но:

«...не все принципы абсолютны, и этот тоже...»,

как утверждает сам сказитель, правда, несколько по иному поводу... И в представленной книге далеко не все страницы с чётными номерами – “вторичны”:

Сказ, невзирая на им же самим задаваемые правила, растекается и строкою и мыслью – где и как ему заблагорассудится.

От доброжелательного критика

Нелишне отметить и наработанный специально для Сказов стиль повествования, синтезирующий и синергирующий, казалось бы, несовместимые языковые пласты:

литературный, разговорный, бюрократический, просторечный, архаический, фольклорный, сленговый, фельетонный, научный...

экспрессивная лексика, язык интернета и социальных сетей... обилие неологизмов:

уже имеющих бытование и новорождённых – авторских.

Этот стиль, “зверорёчие”,

поддержанный сообразной пунктуацией и синтагмовым членением – стихографией, задаёт изысканную речитативную вязь – “сказовый рэп”,

на котором и “ррэпует сказно” рассказчик – зверомирец, сказитель-аэд – Георгиевский Тигр.

Чтение не обещает быть быстрым и лёгким. Но для тех, кто прочитать решился, уж точно: не скучным.

Обилие же афористичных изречений, оригинальных присловий да присказок, хлёстких, забористых, “крылатых” да “пернатых” фраз и словёц, метких, колких, саркастичных “пёрлов” и “зäumeй” – претендует существенно пополнить копилку живого, насущного языка тех соотечественников, для коих русский язык есть душа Росских Просторов, Рось же суть Родина, а не кормовой ареал.

зачин

Злые времена притекли в Миры не потопом, не разверзлись разом чёрными хлябями. Исподволь, капля за каплей сочились они из провалов памяти, копились в низинах умов, ютились в подвалах сознаний, точили сердца. Капля за каплей, сердце за сердцем, разум за разумом – пока не заволокли всю бескрайность, от дали до дали, грязью болот и туманов, день ото дня густеющих. Зримое стало слепым. И бывшее стало иным. Ясное – мутным, благое – стыдным.

Миры обезволили, опутались нитями лжи, увязли в умётах подмен. Имена сущие заместились именами совранными, именами завранными – слова́ из уст помнящих и называющих отзывались уже не сочувствием, но страхом. Страх становился ненавистью, ненависть – признаком Жизни:

ненавижу, значит существую,
ego odi ergo sum,
ненавиджу одно існую.

И ложь стал говорить каждый, и они не слышали, как утекает их время, замещаясь злым.

Но были, кто помнил.

Помнил Радугу не тавро́м скверны, а спектром. Свободу – не товаром, но Волей.

Помнил отцов мужеска роду и матерей – женского.

Помнил, чья истинно Слава, и кто от Славы ведёт род свой.

Помнящих было больше, много больше. Но те, кого меньше, много меньше, были уже на гребне. В долю со злыми временами – капля за каплей, малое за малым, простор за простором – они затопили Миры грязью. И узаконились, воззвав к очевидному:

нелепо
“требовать от грязи не быть грязью”.

И грязь получила права. И сама стала правом.

А потом её провозгласили образом жизни и нормой.

И те, кого меньше, много меньше, назначили себя мерой вещей, вещам же назначили не их имена, именам же собственным присудили иные смыслы. А вещи воспротивившиеся, имена несогласные – приказали убить и забыть.

Так шли, вождеая всё и подминая просторы.

Но и всего было мало тем, кого было меньше.

И восстала из забвения Птица Слава, Матерь Слава, и вернулась в Миры.

Весть о том разнеслась по просторам, ближним и дальним. Находились те, кто видел сам, и те, кто видел видевших. Предъявляли пророчества и знамения, свидетельствовали писаниями и стародавними текстами. А если текстов не хватало, дописывали ненаписанное, вкладывая слова, надобные ныне, в уста давно минувшего, но лукавство такое печалило мало, слова-то были настоящие, слова были истые:

разве важно, кто и когда их выпустил на волю?

Введение в Зверовѣдение | выписки для реферата

Селѣнная прекрасна.
Но не единственна. И не одинока.

Селѣнная зверян есть лишь малость в многомерной Мультивселенной, коя соткана из множеств Миров – параллельных и симультанных, сиречь одновременных.
И в каждом – своя крепь: свои Устои, разнящиеся где в малом, где в целом. Вот почему именуют Миры: Разномиры.
Разномірьє – коли вкупе, Разномір – коли толк об одном из них.

Таким Разноміром – среди многих, во времена оно Создателем явленных, – предстают Селенские дали: Селенная. Впрочем, это термины высокого, книжного звероречия. В обиходе – просто Зверенная...

... кою и обживает по своему разумению bestia sapiens: “мудрый зверь”, обживает с малого.
Пока лишь – планету Зелёна, но с прицелом – на всё прилегающее.
Равно и homo sapiens: “мудрый людь” – свою алчет подмять Вселенную – всю, начиная с планеты Голуба.
И в любом Разноміре разумный его обживатель – aliquis sapiens: “кто-то мудрый”, “любой мудрый” – вожделяет стать центропупом...
Сие не улыбает – сие печалит: в исподнем таких философий – не милая восторженность, не детский нарциссизм – сугубый прагматизм и хищный экспансионизм... И не жеманятся “мудрые” даже – открыто татьствуют!
Бескрайние дали, просторы да ёми – уж все почти! – кем-то да отслежены, изведаны, обнюханы, и везде копошится жизнь. Жизнь разумная, как себя сама полагает. В силу того – стремится “окультурить”, “цивилизовать” и всё остальное – что вокруг и что дале: за пределами круга... что означает:
отсвоить, приладить к собственной пользе, к выгоде, к рациону... или вразумить “под себя”... или просто обнулить по несговорчивости...

Не избежала подобной участи и Планета Зелёна, дали, шири, глуби, выси которой бесцеремонно отсвоены, и изводятся, и проедаются – деятельным, предприимчивым, пассионарным, голодным всегда звероценозом, опрометчиво то ли пущенным на постой гостеприимной планетой, то ли ею ж самой и сотворѣнным для какой высокой на́добы, всеми забытой.

Зелёна и Голуба

Населяют зверяне самую красивую, самую приметную, многоводную и атмосферную, изобильную и щедрую, приветливую да добросердную, для жизни же – самую приятную из всех планет известного им космоса... коя их, зверян, приютивши, не только согревает всечасно да пузро питает, но воспитует и дух окормляет. Именуют зверяне свой дом, он же и alma mater – Зелёной планетой. По торжественным поводам: Зелёна планета. Или просто: Зелёна.
Сравнивая две “пристани мудрых”: Зелёну зверян и Голубу людян, можно полагаться лишь на мнения избранных – счастливых, посетивших Миры сопредельные, не без помощи Янтарь-Островов, разумеется. Все одно твердят:

«... Планета зверян – зеленее, у людян – голубее!...»
При том же – хитро улыбаются...

На деле – извне Планета зверян действительно: зеленее кажется! Но не за счёт буйной флоры таёг да лесов, да лугов, о коих зверяне пекутся всё же рачительней, бережливей иных “мудрых”... Причина “зелёности” – в отражательных свойствах её атмосферы и густо-зелёном оттенке воды, покрывающей жидкой кожурой три четверти планетарного тела.

Зверомирцы и звероиды

В звероречии есть древнее внятное слово: “ценóз” – скопление жизни, единѣнное общим.
Не одно лишь к зверянскому быту относится...

Не все из зверян, но много: для Судного Дня – предостатно! – межуют, рózнят, осóбят себя (как ментально, идейно, так и земельно) – по принадлежности к двум лагерям, двум “духовным мирам” – ценóзам, противостоящим глобально...
... лютым-взаимно, непримиримым... кои же исстари ратоборствуют смертно... мирно ли... ныне – гибридно.
Один из тех лагерей – Зверомир, Славный Победами. Мир несгибаемой воли, крепости духа, мир здравых Устоев и Отчих заветов (... не всегда, не во всѣм... тоже ведь звери... с клыками, рогами и животами: не духи святые!.. явь же – полна соблазнов скорóмных, вкусных табу, запахов дури, зовов люта́ и беспредела...)
С тем заедино, в общем и целом, прочие земли: “неподвладычные”, коих ядром и предстоятелем издревле слыли Великие Рóсские Ёми.
Имя больш́инам тем: зверомирцы.

Противостоит Зверомиру – враждотвóрец Зверильник, общим титулом: За́падл, именующий ныне себя: Ливера́тия – мир завроСвободы, в коем сбро́дились рózные страны, стада и отдельные твари, подвладычные духом своим – завроящеру Сво, Папе Свободы, а бытийством – его цитадели в миру: мериканской Кархáдии...

... мериканцы ж себя почитают “исключительным, избранным стадом”... да на том основании рвутся к тотальному зверовладычию – над планетой... над всем прилегающим... и над тем, что там далее.
Так были уже – и не раз! – претенденты подобные: яко бестии!.. кои пѣрли ордой в доминаторы, сами себя поназначив “избранной мастью”, “чистой породой”... или зверу какую несли на клыках: “единственно-верную”... или же: “свет просвещения”, “общезвериные ценности”... Зверомирцы таких вот “прогрессоров” – скопом покоили, остатних – на век вразумляли... Но век скоро проходит, и: «...ёжежды внове: “царь-горы” в изготове!...»

Проживателей тамошних именуют: звероиды, ещё – ливера́ты. Но верно ли то? Весь ли народ в тех могучих державах, особо кархáдцы, дерзкой историей вѣстные, – одно ливера́ты?! да все ли – звероиды? – то вопрос! могучий вопрос!.. Это лидерам ливеров хочется так: чтобы все!.. А в первую голову: Сво-завроящеру, Папе Свободы.

Так и промеж зверомирцев – не сплошь заединство: *противных* в достатке, хоть и меньш́инно: одною десятою.

‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’
по материалам разделов:
2-1. ‘Основы Звероведения’
2-3. ‘Зверосмыслие: Метафизика. Онтология. Космогонии’

Зверяне и людяне

В реальности для зверян – только Селенная.

Иные ж Миры, включая Вселенную, – область вымыслов, небылиц, туманных легенд и диссертаций... А Людя́ния вместе с людянами –

«... то, чего не было, быть не могло, но о чём все знают...»

Для твёрдого знания не обязательно – наличие предмета познания!..

Более ж прочего полагаются на показания Сказского Тура, древнейшего из зверомирцев, мудрейшего... да единого, кто с людянами ве́дался, то есть ве́дался с теми, кого нет и быть не могло...

А сказывал Тур о людянах так:

«... нет совершеннее хищника, нет зверя страшнее и алчнее людянина: на всей на Голубой планете!...»

«... в определённом смысле людян, конечно же, нет, ибо то, как они есть, более бунт, нежели – быт... небытием, пожалуй, это не назовѣшь, но и бытием – тако ж!...»

«... и кстати: всем нам, зверянам, на заметку: вегетарианство у них – у людян – официально признано психическим заболеванием...»

Десять Сказов, поведанных Тигром

кого чести велико известны:
как стража просторов отчих и весей,
заступника також: от супостата и чмора,
от пришлого татя и домородного вора,
как аэда: певца Зверомира Славного,
росской доблести древа и древлего блага,
он и разно учён, и мыслью воитель,
юных умов поводырь-вразумитель.

род их древний, Георгиев:
от войны и от лиры.

и двойник он Победе, сестре его...
кто не ведал:

Победа –
есть тако же Тигра!

*от друга верного Сказского Тура
посвящение*

Сказ первый: Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский

были-былицы о молодой девице,
хозяйушке славной Рóсских просторов,
что приветлива нравом,
да лют её норов

Рысь Русь была девушкою правил строгих:

владеть ею никто не владел, волю её никто не безволил, а кто и пробовал – тех кости в земле, чернеют-тлеют, да имена рассеяны в пыль. Но то не была – полбыли.

А сваты не сватали: некому! Сам пойдй, сам рыскни, сам испытай свою удаль. Краса-то красою, да глаза грозою. Статью дерзкая, зубы резкие, когти резвые. И не бабьими сказами русий нрав удуман суровый: ярую, лютую кровь стремится рысьего рода могу́та.

И претензии у девушки Русь запредельные: не простого ей, занебесного подавай суженного. Путь, говорит, у неё особенный, мессианский. Что такое, сама толком не разумеет, но уж суженный точно: должён соответствовать.

А ведь было дело, замутил её, взбаламутил Пúпа, Попугай кархáдский, тролль да вратель. Мол, там, где кончаются облака, там, где выше небес, да ещё к тому шаг сквозь Селенские дали, ждёт её, деву, лунный принц: Рысь Серебряный. Иди, мол, лети, рыщи своё счастье, обретай в преодолении далей, в борьбе с притяжением! А мы тут, неспешные, суе́тами к тверди прикованные, твоё остальное всё пока скараулим: просторы там всякие Рóсские-ёмные, во́ды-горы-равнины-леса непомерные, рúды-каменья да сотни нефти несчитанные... Про то и друзья имеются, доброжелатели, тебе ве́домые, надёжные, верные: Чёрный Макак, тот, который Мак, Кабаниха Ху, которой всякое всё фиолетово, да известный козёл, по паспорту так же Козёл...

Задумалась о трудном Рысь Русь, о далёком, размечталась, разгрезилась. Затосковала. В снах-то – счастье, в быть ненастье. Да и озаботилась: засобиралась. А на молвленное о “друзьях-доброжелателях” – оскалилась вежливо: знаем, нюхались, рвали-драли. Не впервой они о нашем добре да о наших просторах заботу чинить вознамерились. Також и предки их, соседи добросердные, по наше добро – ходоки усердные... Вот пусть те “друзья”, надёжности ради да верности, в родные пенаты вернут кости пращуров: не все из них стлели, их по нашим просторам обильно посеяно: что в полях – в перемес, что в подзолах, где лес, что в расселинах скал до небес. Да ещё по могилкам забытым, но не безвестным: не все ж имена рассеяны в пыль!

Но то было после уже, то другая быть. Началось же с того, что следом.

Где путь безокóльный и зверю не ве́дом, даже небом шныряющий коршун не знает путей прямолётных, в скалистых верховьях северных: Вйшеры, где дикарка-река в перекатах кудрявится, льнёт к валунам, в порогах резвится, а тугая вода в ней прозрачна, чистá, что слеза, озарённая светом: там и случится.

Не за ша́ньскими горами,
не за й́ндскими ветрами,
не на небе, не на дне,
не в заморской гей-стране,

не в Эдеме, не в Тартáре,
а на северном Ур-Але:

где до севера две тучи
и две ночи до жилья,
где дожди, зайдясь в падучей,
водят хма́ры комарья,

где туман, меж скал обвисший,
бла́знят небом облака:
по горам там косы пышные
плетёт Вишера-река.

Река

СКОМ

Вразумляли да правили реку резвую хребты-кряжи ур-альские – древние Камни, вывалившие к небу из чёрной тверди, из недр времён, а стародавнее гор на Зелёной планете и не было: ни в былом, ни в запямятном. Прежде памяти Камни те ставлены: до копошения жизни и морей-облаков задолго.

Не понаслышке, не из энциклопедий путанных ведали исполины каменные, что за зверь такой: катархей. Или архей с протерозоем последующим.

Сходите, спросите за те схлынувшие лет миллиарды, спытайте у старейшины скома: Кара-Таш-горы, Чёрного Камня, чьи архейские скальные плиты минералом редкостным сложены – израндйотом.

А израндйт – он камень иной, не от мира сего:
он от мира глубин, от мантии плоть, что затяжно
бурлит под земною корою со времени ёно.
Оттого и узреть израндит в мире дённом –
удача эпическая.

Но вряд ли гора Кара-Таш толковать станет – с вами.
О чём толковать Эпохе с секундой!?

Говорить, так уж с рóвней, да ровня далече:
за тайгами-урмáнами, за ветрами-шайтанами,
за солёными океанами:

на гудзоновом севере Кархадских подвладыхных просторов. Зовётся та ровня Скалы Нуввуагиттук. Годков им столько ж, иные считают – и боле, да неверно считают, а самим Камням про то вовсе без на́добы: летá свои миллиардами меряют – ныне уж пятый пошёл. Смешно миллионами в гаках тягаться.

Тягаться, считаться да меряться – удел скоротечных:
нас. Не Камней, литых вечностью.

Ур-Ал. Край опорный, упорный, суровый.

И река-Вишера.
Ни много ни мало: питомица самого Ур-Ала.

Ур-Ал
encyclopedia | 'Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура'
| авторский парафразис

Старейшая на Зелёной планете горная страна:
ском Ур-Альский. Становой хребет Зверомира.
Опясал камнем Росские Ёми от Севера к Югу:

от льдов Арктиды до сердцевины Зверазийской суши:
просторов Казакских, перекрёстка Воль и Путей.

Не одним зверомирцам та крепость и твердь:
всем, вставшим противу Зѧпадла.

Хребтов-перьев поломали немало да тонны грантов
проели мудрецы зверьянские – всё толкования ради
синтагмы старозаветной: *“Ур-Ал”*.

Хотя зверомірцу всякому, даже неучу відомо:

По всему и выходит:

“Ур-Ал” – это “Свет, устремлённый вовне, за пределы”,
но равно и “Твердь, устремлённая к Свету, к востоку”.

Всем нам, зверомирцам, то внятно.

Море

Куда стремилась так Вишера, река северная,
что за нужда необоримая влекла её к Югу?

Каспий, море Восточное. Или Хвалиское,
как пращуров звали.

Не совсем чтобы море, по чести – гигантское озеро,
хоть и солёное, местами и солёное.

А крупнее озёр и неведомо, величию равных –
незнаемо. Самостийная гладь, самоправная.

Даже вытока нет, а втекает сто рек да ещё
тринадцать. Глубинами, ширями, норовом:
истинно море!

В Зверомии их два – озера-моря восславленных,
заповедных, питающих более дух, чем пузырь.
Второе – Байкал, “великий колодезь”.

Толкуют-де, там, на Байкале, взору достойных являют себя
Янтарь-Острова, числом двадцать семь, меж которых и
Янтр – Стольный Остров, Птицы Славы обитель.

И на Янтре же – Озеро Плазмы, Пуговина Миров...

То молва. А молва, что волна: набегит да откатит,
и вновь набегит: вроде та ж, да другая...

А истинно так. Янтарь-Острова – не от мира сего:
заведённого нами не знают, заимей мудрых от нас
не читают, чаяний молвленных слышать не могут:
ухо другое, в другом измеренье...
И являют себя, где им вольно.

Не с ветру о том говорю – от предков, кои там бывали,
янтарные мёд-пиво пивали, да и наказывали:

не молоть пустое, коли умом невнято,
тем паче – о святом.

И жил себе Каспий: вольно, раздольно,
волей своей единил зверазийские земли:

необъятные Росские Ёми,
приветные земли Казакских просторов,
древние земли воинов-барсов:
просторы Ирана, Турана, Азар-бадагана.

Туда вот стремилась дерзкая Вишера.

Но наперво – встретить сестру свою Каму.
Принять в себя долинны камские воды,
обильней которых в Росских просторах
лишь водосборные сети Сиб-мира... И далее –

слиться в объятых с молодой сестрицею Волгой,
девой вольной лесов да степей,
да ушкуйных раздолов.

zveronet | портал 'РосТвердь' | post 'Великая река', Tigris

Кто впадает в Каспий

От лазорей полярных собирая походом росские воды,
река-Вишера копит силу живую: явить её Каспию.

Зачем? Вопрос умный, да глупо любое в ответ –
ответа и нет. Одно непреложно:

странничала Вишера отнюдь не в поисках рая
обетованного во землях былинных, Беловодьем
прозываемых, где стать бы ей рекою небесной,
млечной, о берегах кисельных:

то сказки всё, преданья старины глубокой.

И вновь скажу:

“зачем стремится Вишера к югу, на Каспий?” – то умность.
Любой же ответ тому – глупость.

Занятней, однако, другое:

Сказский Тур, зверомирец, старейший из всех и
сведущий в разном, сказывал так:

мудрецы Планеты людян, тех самых людян,
которых и нет, и быть не могло, но о которых все
знают, – те мудрецы учат малых своих, людодеток:
людянская Вишера в Каму впадает, а древняя Кама
– в молодую Волгу, а Волга и есть тот могучий
поток, что вливается в Каспий!

И о том мудрословы Людянии перьев-хребтов
поломали немало да проели на то тонны грантов.

Но если их реки, как наши, зовутся, и также текутся,
и Вишера горная – выше истоками, а водами –
толще, чем Кама долинная, которая мощь
обретает, сливаясь с могучим вишерским током,
а Волга молодая их обеих низинней, и древних
не ведала руслиц, как старшие сестры, – если
всё так же у них, у людян,

то как же текущее после стало в начало?

Тур говорит, мудрецы невинновны, а виною тому –
людомирские вёхи: Волга – их Путь, людомирцев,
– кровью омытый, овеянный Славой...

Коли так, их и правда. Пусть даже их нет.

Нам же, зверьянам, доподлинно ведомо:
в Каспий впадает великая Вишера.

Рúсла

Как тó водится у рек горных, гордых, по отрогам струила Вишера путём не прямым – норовистым, меж волею и вольницей не разбирая. Петляла, кружила, вязи плела.

Змеилась по склонам-угорьям, щедрым на зелень, скользила меж голокаменных гребней с чудными остáнцами, ныряла в ущелья, скользила террасами вниз: к трóгам-долинам, к малорослым увалам. Озоруя, влекла валуны от скал-крепостей да башен-утёсов, да живые камни с курúмов. Громоздила теми камнями пороги – тулúмы, на них же и тешила норов.

А из горных сбежав теснин на просторы, уже степенней катила.

По тайгам да урмáнам, лесам-разнолесьям, непролазным урёмам да спутанным ёрникам. По подолам-полям да поёмным лугам, пáдям и плáвням да топям-трясинам, которым сама и была причиной. И не только вдоль тока, но и там, откуда ушла, где лишь чуть оставались бывшие русла – гогúлями стáриц, или таились таёжные чёрные топи – под коварными мхами да ягодной цветью.

И много куда приходила река, ища-обретая себя сквозь Росские Ёми, и много откуда она уходила.

Кто ж кинет камень в своевольную Вишеру,
коря за пути не прямые да за русла брошенные?

А кто и кинет каменюкою в реку назидáюще,
что с того, кроме самому осрамиться?

Разве забылась уже, упразднилась заповедь
стародавняя зверомирская:

«... рыщи да обрящешь!..»?

А и сам Зверомир –
не таким же ли бурным потоком ищет-рыщет:
по временам, по просторам,
являя слепую да ярую волю?

Да разве ж слепую!?

Слепой её разумеет лишь тот, кто сам и незряч,
кто не видит, не ведает правды потока.

Или злее того: не хочет признать, лютует, зловредит
той правде, которая ищет себя, пролагает сквозь
Ёми – эпох и пространств, собирая народы, роды
огромной страны в слитную силу. То истово, прямо,
то отступая, петляя, вязи плетя. Бросая напрасные
русла-пути: тщетные, баламутные, мутные... то
забывая и верные стрежни... И всё-таки – курсом,
что отцы заповедали. Отцам же – дедами наказано,
отцами отцов, и предками славными – от самых
старин зверомирских, с истоков, что ныне в забвенье
сокрыты под непрестанные снега...

Но сколько же тех, кто торчит рожном да рогúлями
по недвижным берегам и заводям тинистым, жижным!
Сколько ж их, окаянных! – назидателей, злобников,
готовых камнями швыряться в прошлые воды, в отчую
реку, в роды и народы своя, – кормясь от той же реки и
не совестясь!

TiGRiS

Далеко-долго течёт Вишера-Кама-Волга.
Песни ж Вишере петь: за рекой не поспеть,
каждый всплеск – песня новая. Да и сказ не о том:
о Рысь-Рúси наш сказ. Девушке с норовом.
И о Пúпе, тролле да врателе, Попугае кархáдском.

... Но то и оно: свидаться им суждено
не в безродном вакууме, не в кромешном “великом Ничто”,
где всегда – ничего, одни ветры возможностей шастают,
да и те – в озорство себе.

Напротив: очень даже в насыщенной юдóли их бытность
накапливается, где красота-благолепие с безобразием
равно соседствуют и ратоборствуют непрестанно.

И эпическое randevу их нежданное, нежеланное
не в либо-какой топовой тúсе затеялось:
не “У Жака” в живопы́рной пивáльне,
не в “Упыри да утки” едáльне,
не в “Голúбый зверь” клубе дальнем.

Встретились они в первозданном, толи́ком:
на могучем хребте, на Камне Тулымском.
Тулым же – первейший на Вишере Камень!

За Вишеру многие ль пели? И пели,
да больше-то жизней сложи́ли, чем песен успели...

Вот и пусть красота раздольная, вольная, не лапами
деланная – помнится, в слове останется. Пока она есть.
Пока не отсвоили, не застроили, рентабельностями не
споганили, водерéнь инвестициями не отъярили...

Даром, что ли, вон Лис Патр́ийкий да всякие чины свитские
сюда зачастили, зашастали. А придёт делец – всему и
конец: то и кружит челядь свитская, виду державного,
поживным озабоченная, да всё больше Песцы Важные:
мол, сам Белведвь наказал-указал...

Не зверомирцами заведено, да бытует: учудит где кто
мерзость какую – давай и валить всё на Первого, кивать:
он Первый и есть, с него, мол, и спрос. Сам-де велел,
ли хотел повелеть, ли думал, что вроде хотел... А мы что? –
мы зверь маленький! Наше дело – не думая делать,
а думы думать – увольте: на ту нужду Сам и имеется,
для того ж Его выбирали.

А что Сам-то наказывал пользу содеить, а не я́рить
без разбору тою пользою всякого, – то уж мелочи,
то детали, подпунктики...

Слово за́ слово: Свита в Сказ затесалась.
О Первом допреж не поведали, а свитские тут как тут,
будьте любезны!.. Везде сподобятся...

Та́к-то и есть: нетóрен, тернист сказания путь сквозь
таёги густые былей ветвистых... Что казисто из них?
что взять в толк? которые ж толки – и минуть?..

Сказ – не сказка, не быстрый рассказ, где шаг влево, шаг
вправо от сюжетной тропы, по которой за каждой
причиною шествует следствие, а все вместе этапом
бредут в заключение, – шаг подобный зачтётся попыткой
бегства...

Сказы ж наши текут своим чередом, вслед за жизнью по
руслам ветляя излуками: не разбирая,
где горы, где бор, не сверяясь с молвой да наукою.

Тауроs

Случалось мне лично встречать
людомирца Боя́на, мудреца и аэда.
Вот уж кто не взира́л на ўзы сюжета! хоть и
мастер был на запúты. – Всласть, и нам и себе, он в
песнях офтóпил, возложив гусли ли́рные на всякую
хрю: как на строгую, так и на вольную!

Хрия ж – сие не словечко креплённое, славное:
термин это – науки риторики, сиречь за́уми о
расположении мыслей во следовании ради главного.
Что и значит на нашем, на зверомирском речении:
“раскúс темы по ко́сти”,

на языке же корявом, на сленге инетном:
“фырчáние сабжа”.
«... Боян, бо вещей, аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мысию по древу,
серым вълком по земли, шизым орлом под облакы...»
“Мысь” – на старославном людя́нском –
и “белка”, и “мысль”.

Так и выходит: Боян для ясности складной растекался
белкой-мыслью по древу, да серым волком стремил
по земле, да сизым орлом под облака взмывал.

Тигр же Сказитель офтóпит не бе́лкою мысли:
ти́грой мысли, да зубы-когти особо не пряча.

... Дети Тигрицы Победы: Тигрёныш Кузя и близняшка
сестра его, Тиграша Дуся, коих я вразумляю факультивно
по просьбе их дяди-забо́тника, а мне друга
верного: Тигра Георгиевского, – те непоседы спросили
однажды лукаво, под дядин слог сказный схоже
ррэпúя:

вот зачем им всё это – Сказы эти со многими буквами,
да словесами, не всем и понятными, и офтопами,
дюже ветвистыми?.. А то сами они там не шастали,
по таёгам нелáзным не лазали, да в студёных
вишерских водах хвосты-попы свои не мочили?..
Коли ж где покуда и не́ были, неужель Завронет не
погúгают? да хоть ту ж педивикию вражую... На что
сами ж недолго и тумкали, ибо близко с Козлом
повстречались: на своей, на родной территории, где
козлам и не место бы, кажется...

И верно рассудили близнята: свои знания надо
носить при себе – в голове, не на флэшке в кармане,
да не уповать на инет, на доступ как бы свободный,
но при том – под недрёманым оком многоглавого
модератора, зéло серой вонючего... Уж тем более –
хоронить в облаках, веря в тех облаков возвышенность
да в их сове́стливость, и надеясь, что всё, в них
укрытое, отдадут по первому требованию, и
внутри всего, там хранимого, ни один грызун не
пороется...

И при том – всегда будет везде электричество,
и никто Зверонет не отрубит рубильником!

... А язык свой родной, своё звероречие –
позабудешь всёе, или вовсе не знаешь:
будешь бляеть на ко́злем наречии
и пиндо́сить слегка по-кархáдски!

Но кархáдский – кархáдцам родной,
а для наших он – “да́тский”!

/“да́тский” – от слова “дать”, если не то кто подумал.

kozel-nickname-Kozel

Привет, вата!
Наткнулся в Сети на ваш “заповедник”,
точнее – “заказник”)))))) ‘РосТвердь’,
счёл необходимым отметить́ся.

Читать Сказы – не читал, но ознакомился с их
содержанием, если такое кошерное слово применимо
к этому тягучему, протухшему киселю из кислой ягоды
кремнёвой пропаганды: всегда безбашенной и
бесстыжей...

Хочу внести в дискуссию (если ваш ватный лепет
можно так назвать)))))) “свои пятьцентов”,
и “бросить свой камушек”, точнее – фекашечку))))):

- язык опуса – нестильный, грузный пафосом, сплошь
заквашен на квасном и посконном!
- каждое слово воняет патриотизмом, сермягой,
вообще ро́ским – то есть нецивилизованным,
лживым, несовестливым, отсталым, варварским!
- не отражено разрушительное влияние на экономику
края белведского кровавого режима и Свиты Белведя
– поимённо... Смотрел стримы с камер в Завронете –
пляжи пустые. Зато Вишера наша. И красóты очень
сомнительны: козлам там некомфортно, сервиса нет,
правильные травки – не в шаговом доступе,
малолетние зверятки – под надзором, права меньшин
– в загоне...

А правильная демака́кия – это именно права
меньшин, и только меньши́н, которые управляют и
вразумляют поротно́е подко́вное большинство,
которое прав недостойно по определению, пока само
не станет меньши́ной!..

- А чего сто́ят, к примеру, вот эти квасные посылы:
“... владеть ею никто не владел...”,
“... неподвла́дичные Просторы, –
никому неподвла́дичные...”

Чем гордитесь, нищebroды, голотá бюджетная?!
У нас нет права на суверенитет: мы бедные!
Вот вы говорите: просторы, во́ды, рúды... Чушь!
Ватная, подко́вная пропаганда!.. Ценно не то, что вы
видите да чуете своими зомбированными нюхами, –
ценны цифири в биржевых сводках, в аналитических
прогнозах и докладах совестливых, образованных
тварей, лучших из нас!

Каковы цифирьки в компетентных докладах и
рейтингах – таково́ мы и сто́им, столько и прав!..
Ро́ские недозвери не достойны всего этого! –
ресурсы и просторы надо отдать для отсвоения
Глобальным силам Добра и самым неполж́ивым,
чистым из нас, козлов!

Пока же – кровавая клика Белведя присвоила себе
право единолично ураганить, грабить и объедать
просторы, бесконечно отсваивать и обогащаться.

И это право белведская воровская Свита нам –
лучшим из тварей –
за просто так не отдаст!..

Так пере́можемо!

Rys'Rus'

Из Сказа обо мне – узнала о себе много нового)))

Тигр – ты зве́рище с большой буквы!
И МУР-РР и ХР-РР !!!

Что же до ко́злего флуда касаемо – так нам то́ нюхать не внове... Ещё матушка моя, Алая Рысь Софья, наказывала, а ей – её матушка, Светлая Рысь Кыйская, завещала:

главное – перемоги! не дай времени козлов затвердиться! Всех козлов – не передавишь, не порвёшь, не переваришь, ко́злиц – больше, чем клыков праведных, даром что меньши́нами именуются, сами ж, как плесень – по углам да уме́там от нашей душевной лени заводятся, да нашей нравственной сырости, да ещё от попустительства пагубного...

Так тут и призадумишься: то ли рвать всех кряду, подобно Кабанихе лютующей, – так зараз Кабанихой чёрноокрасной и станешь, то ли терпеть терпелкою зверосердной, уважая козлячее мнение: а чего мне его уважать, зачем эту гнусь мне выслушивать, плюрализмом меня ж и хулящую!

Да вот, полюбуйтесь, я тут навскидку погу́гала в завроСетях – в клоакекреаклов, где Козлик-то наш всё больше тусует да умничает под никами:

kozel, kozel-nickname-Kozel, buck, копытоpozhatny – в “Стограмме”, в “ТЬффуттере”, в “Мордобуке”, в “ТыПень”, в “Одноклычниках”, “Однохвостниках”, “Однолапниках”, “Одноклювниках”, “Одноперниках”, “Односледниках”:

«... Зверомир не совместим с ливерценностями! Здесь до́лжно быть изничтоженным всё, и все – перемолоты в ливер!..»

«... Нам – копытопожатным, интеллигентным, совестливым, чистым – пора забыть о таком народе, который даже не стадо, который упрямится стать просвещённым ливером и который всем нам – неполжйвым, умным, образованным – может сделать и бо-бо и бе-бе взаправду... Противный, отвратительный, несъедобный народ!.. Ненавижу!..»

«... Все боятся нашей ро́сской ёмности – огромности, необъятности, раскинувшейся в некомфортной и непонятной для всех позиции. Надо стать маленькими, обнятыми и встать понятно, и тогда сразу же, в очередь, все нас будут любить... Это так красиво, когда тебя все, везде и всяко любят!..»

«... Патриотизм выбирают идиоты, а умные выбирают гешефт, парфюм с запахом течек и денег, свободу пола и травок! – это экологично, прагматично и неполжйво, главное – комфортно: жить надо в кайф, сытно жрать и сладко па́хнуть, а не паха́ть и пу́хнуть за идею!..»

«... Вы все – белведи, тигры, рыси, барсы, туры, – вы все покорное, безро́жное, беззубое стадо, обречённое на вымирание! Вы рабы, насекомые, безмолвные рыбы, не знающие свободы быть козлами!..»

«... Вы все – латентные козлы, доказано!..»

VladimirMarkin

Диагноз: гнида смердящая.
Способ лечения: давить!

Tigres-catulis-Kuzma&Evdokia

Камрады, а VladimirMarkin – это кто-то не наш, это кажись, с Людонета...

Rys'Rus'

Что значит: “не наш”?!
Наш он: наш с потрохами!
правильный мужчина, Самец – уважаю!

Эк он рыкнул зе́ло за всех разом:
и о козлах людомирских, и о паскудниках наших!

Везде, видать, в Разномíрах такие пасутся...

... Погодите, фырча́не, что ж получается:
людяне – таки есть, коли у них есть Самцы?

Belvedka

Людян нет, и быть не могло,
но мы о них знаем.

Это, скорее, музыка сфер: непостижимо,
необъяснимо, но сердцу приятно!..

А Козла послушать: куды ни глянь, куда ни кинь – по всей державе, по всему Зверомиру – одни отчаявшиеся тушканчики да хомячки в печали!

И лишь козлы праведные, аки герои былинные в белых доспехах, совестью сияющие под нимбами честности, – одне оне стоят на защите светлого да пушистого, не щадя пу́зер своих да рогуль...

kozel-nickname-Kozel

Я уважаю ваше мнение, несмотря на явно некомплементарные, неполиткорректные выпады в мой адрес и в адрес всего светлого, чистого в целом, но за это вы ответите, когда наши придут...

Касательно же сабжа, хочу заметить: ваша точка зрения имеет право быть, и мы её услышали. Но есть и другие точки зления: некоторые эксперты, ссылаясь на авторитетные мнения, считают несколько совсем по-другому...

Evdokia

Иные считают, что небо в алмазах,
другие – что в дырах... И что?

каждую хрень теперь комментировать?!

Tigres-catulis-Kuzma&Evdokia

Слышь, ты, Козёл, наш дядя сказу́ет и пишет, как хочет!

Не нравится его ррэп сказный – шкандыбай сторонкой, жуй травки – проси добавки!..

Kuzya

Козёл, ты воще не отсюда...
Кто пустил Козла на нашу поляну?!
Куда не зайдёшь – *там ты сидишь...*

Изыди! К своим геть – в свои живопырки: к упырям да троллям!.. Сядь в свой ушкуй, да гребь отсюда – в родные пенаты:

“к стаду ла́ющему, ла́йкающему да алка́ющему взаимности таких же душонками малых да сирых”, – складно дядя о том говорил: о ваших: хомячках да тушканчиках, скунсах да прочей вонливости...

Belvedka

Кузе решпект за словцо: “живопы́рка”! – не знал...

Спросил батю, он отмахнулся:

мол, что-то типа Горламенты или Думíлы нашей...

Глянул в Даль, нашёл!.. Так и делюсь с фырча́нами: “живопы́рка” есть то же, что *ту́са* – дурливая, стрёмная, где толчея, да гвалт, да разборки – грачь, стало быть, полный. А “*грачь*” здесь – не птица: спóбование злозязычное, пустопо-рожнее, для Завронета – язык базовый.

Кстати, спешу заметить, камрады-фырча́не: дру́ги! мы сейчас занимаемся тем же – гра́чим!.. имхо: тролль-козёл добился тактического успеха!

TiGRiS

Прав Белвеже́ныш, смекалкой – в отца!

Не след нам вестись на козлиные трели да тролли. Что в них, кроме гнуси да пенистой злобы?

Буде и вякнет такая скотина как бы и дельное, да цена той дельности – грош, червяк на притраву:
из уст таких: и правда – ложь, а истина – отравла!

Не грех напомнить всем речение Тура, друга нашего:

«... дружат нас, единят – не одни только бе́ды, не одни лишь общие ли́хи: наперво радость обща и согласие в нравах на дру́жество сводит!.. и друговщи́на наша – не против кого, она “за” – за приязнь, за приязненный лад – мирный, согласный, на любви, на добротолубии да на доброжелательстве зиждимый...

только в дружбе такой – в единении братском – правда и сила!.. мы – не ватага карха́дская: за́падлая, мы – братство: нас дружат согласные мысли, не нужда, не гешефты корыстные...

и не дру́жни мы – не стая, не прайд обвыкших друг к другу животных, скотов, падших тварей, подельников, свыкшихся с собственной низостью, и низостью в ближнем, как с непреложным и данным!..»

Засим: всем камрадам-фырча́нам – поклон земной!

Отдельно же – Рыси, любезной дру́гине, да жаль, не дру́жнице, речи ж её – зе́ло мурливы, музýке подобны и сердцу услада...

Да пора бы уж нам возвернуться на Вишеру:

Тулым-хребет степенный там, лохматый, как ведмедь, на диво беглым облакам вокруг затевает петь сказ прого́лбный... Ну и ведь: как облакам не охмуреть?

Камень

На Камне Тулы́м, в верхові́нах его, на скальном венце – Рысь дозором. Закат следит.
За вечером вечер: закат следит.

А с того ли да Камня Тулымского?..

Может, и был: не Тулым, а был Камень Ветла́н.
Или Камень Полю́дов, или Писаный Камень, или вот – Говорливый.
Не то – петушиный гребень Речного Брата, Яп-Кангка, но может статья – и скошенный лоб Чува́ла.
Другой ли какой тумп, утёс ли оветренный... Да разве ж то́ кому ведомо верно?!

Пути-то рыски рысьи – бы́стры да во́льны, к любопытному ж – люты.

А под-над Вишерой сплошь – хребты да гребни, да кряжи: Камни могутные, эпохами те́санные.
А на них – лыси да залысины, да лбы: не то мудрецов, не то бараньи. И куру́мы-куру́мники там же
всенепременно – каменные россыпи: то недвижные, спящие, то живые, те, что языками-прядами,
каменными реками к до́лам стекают, дромы-буреломы взрезают непролазные: в ельниках старых,
пихтарниках древних, кедровниках вековых. Да ещё: в рудо́вых лесах сосны́ красной, прочнее
которой разве что дуб че́рнодревный, в водах томлённый-морёный от полутора тысяч годков да боле,
благородством и целебною силою также славится.

То и правда: где ж тот счастливец, что Рысь Русь сумел отследить и потом себе здравствует,
а не костями по логам-излогам тлеет?

На Камне Тулым, на скальном венце его – Рысь дозором: закат следит. Думы ду́мит.

Камень Тулы́мский – хребет горный и заглавная гора его

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’
| авторский парафразис

Всем вишерским Камням Камень – Тулы́м,
первый над всеми. И статью богатырскою,
и могутою великанскою. Верхові́нами ж – лыс.

Впрочем, как и все Камни статные, рослые –
во́лотные.

Гребень-то его долгий – из гольцо́в одних,
холодами битых, ветрами бритых.

А лы́си-про́лыси сплошь курумниками устланы:
где и мхи с ягелями на них понаползли, где и кости-рога
промеж каменной стлани к небу белеют,
да не только оленьеи.

От верхові́н же низом – скаты тулымские дюже мохнаты,
на всякий лад: и пихтово, и ельно, и кедрово, и берёзою
также. И родниками-ручьями богато:

пяток рек от угорий водами питаются.
То, не считая Вишеры: она те реки и ёмит.

Для пущей же важности озерцо горное имеется, красото́ми
славное, а подгорья – подолы поёмные – болотами
затянуты:

видать, от любопытника праздного
да братии сбродной, шалой:
не жалует исполин-Камень гостей непрошенных,
оттого и с виду хмур: склоны насупил.

Оттого и порогами в о́кле загрома́дил русло вишерское,
а пороги так и значатся – тулы́мы. Или тулу́мы.

Это уж сам-каждый решает,
кто себя на порогах пробовал:
через “ум” или “ым” со стихией тягаться...

Куру́мы

С куру́мниками непонятность такого рода: зачем они?
Чья прихоть злая? –

мельчить-эро́зить величие древлее, красоту
вековую Камней-исполинов, из которых каждый
поимённо известен. Вот ведь надоба низкая:
крошить исполинство, низводить могуту скальную
до размеров валунных, до глыб безымянных, пуще
того – до безродного щебня!..

А сказанье о том незатейливо, но поучительно:

скалы от века с ветрами не ладили:
и возрастом-знатностью они не товарищи,
и в понятиях скалы-утёсы тверды да суровы:
не заполóшны, как ветры носящиеся, свободою
пьяны, да свобода та – видимость:
водят ветрами причины-стихии,
они нагнетают, они же и гасят...

Оттого и затеялась рознь промеж скал да ветров,
войной обернулась:

скалы ломали ветра, ветра отвечали им тем же,
коварно породы из каменной тверди выветривая:
те, что рыхлей да податливей.

А ветров заединщики: холод и жар – довершали
разруху разрывом расселин да трещин.

Так и грызли плоть скал:
ветры да во́ды, морозы да пекла.
Миллионами лет, и миллиардами –
грызли...

Мельчают, рушатся скалы. Но рушатся так же миры и державы:
начиная с податливых, рыхлых духом гражданок и граждан, ветром водимых, поветриям падких,
хладу-жару стихий по-холопски покорных. Денудация полная, еть её яром!.. – ду́милось Рыси.

А ро́змыслы рысьи, что рыски-пути той же рыси в просторах: бы́стры да во́льны,
к неприятелю – люты.

Рысьи думы

На Камне Тулы́м, в верхови́нах его, на оста́нце-венце Рысь возлегла:
закат следила, ждала,
ожиданием тешась да нежась в истоме вечерней.

Но вдумчиво всё ж:
чуткий слух раскрыв горизонту да острый свой взор, пронзающий, коль надоба в том, и твердóты.
Да всё подмечала:

От венца низом – ска́лы срывались к воде, бегущей своею надобой да влекущей туда же рыбные ру́ны:
ватаги могутных красавцев: сиб-мирских тайменей, быстрóты любящих, но и мутные глуби,
стада́ тугоумного хариуса: дурак-то дурак, да весь в серебре,
который под вечер, сам-смел, из т́инистых ям подымался на плёсах в верхние во́ды:
поиграться с закатом его золоти́нами,
станцевать лихую, с выпрыгом, джигу,
да ещё помуща́рить: для сытого счастья.

Вдаль – до бескраю – от речных урезов растекались тайги: то гладью, то волнами горных гряд.
Где-то под ними, внизу: в недрах, в породах – сквозь толщи веков текли реками золота жилы,
томились до времени рудными трубами адаманты-алмазы, изумруды-смарагды,
в те́мях копя в себе триумф блеснения.

И так же томливо стекал закат: за око́ем, за лезвийный предел: вослед за Светилом.

Текло всё, но только не время происходящего с нами, – ду́милось Рыси,
никак не смущённой путаным толком да кривою метафорой, но лишь горечью факта.

Рысьи-то думы извёка – мало питаются от логики формальной, дискретной:

своя у них логика: рысья, зиждимая чутьём да нутряным пониманием боле, нежели аксиоматикой да строгим суждением, строгим – оттого и поверхностным, неглубоким, то и лукавым, подменным.

Рыси же – все, во все времена – не мудрствовали предписано, искомое разом ёмили:
и шестью чувствами, и разумом-смыслом, не то и действием.

А философии если и философствовали, то́ не от зауми – от сердца.

Потому и были они – Рыси, наследные хозяйки Росских просторов, потому и одолевали, превозмогали,
а побеждёнными не были. Убитыми – то может, но не побеждёнными.

“Победить – значит понять”.
Кто ж их понять-то сумел, Рысей, кто осмыслил-то?

О застылом, затихшем времени – о времени,
затомлённом тщетами да смутнями,
Рысь Русь понимала правильно. Факт.

И ночи сменялись днями, а дни заменялись ночами. Закаты предвещали восходы,
приливы сулили отливы. Олени копытили ягель, державы меняли стяги: всё торопилось жить:

куда-то стремил, неслось, суетилось, да и оказывалось там же: в разбитом корыте,
в долблённом осинном бревне, может и липы.

Раз за разом, день за днём, облако за облаком, книга за книгой, война за войной,
смута за смутой: да так и жили:

густо, насыщенно, буйно, стремглав. Спинами вперёд.

И уже-виденное мчалось взапуски, вперего́нки с уже-слышанным, уже-читанным, уже-пробованным
да уже-съеденным, но не всем совсем ясно:

уже – это вчера или завтра плюс-минус век?

Бытие обернулось бытом, история – сводом бюджетов.
Даже цель сущего круга жизни обозначилась внятно:

налогоплатить, тварифооплачивать,
штрафогасить, товаропокупать
и вовремяумереть,

оставив на круг подушно-послушный выводок тварифоплательцев да заёмщиков ипотек злопроцентных...

Русь ждала. Следила закат.

Жизнь на ходу

Ещё внедавне, едва позачуяв крадущийся сумерек, неслась Рысь Русь встреч горизонту.

Мчалась, не заботясь красотой аллюра: со всех лап, упоённая скоростью,
и что там смерть на ходу, которой пугают иные, на ходу – жизнь!

А мчалась не торными тропами – тайгами дремучими, угорьями-кручами, криволесьем да тундрами,
травостойными поймами, да оврагами-падями, да болотными дрягвами.

Говорят, бег рысий быстр, но и короткий.
Верно – для кисы какой, но то не Рысь Русь.

Не коротко, длинно! вымеряла Рысь бежью раздолы: стремилась ими, летела...

... стрелобегом летела:

рассекая травяные волны...

... и попрыгом от пружного стланика:

всквозь хвои таёг да дремных чащоб...

... и разборчивым рыском:

по зыбунам в топких нýшах,
да по мхам-ягелям изукра́сным, кои
приемлют след всякий да долго хранят его...

... и вот стелящимся бегом мягким:

по ягодой тканым коврам горных скатов
да по тёплым полсти́нам брусничных болот...

Стремилась туда, где скол окоёма, где горизонт – лезвийный предел...

стремилась сегодня, и также – вседневно:

... знойным летом, и летом спадающим, и перволетьем...

... и мягкой зимою, и зимою глубокою, стылою...

... и пёстрой весною, которая снежная, и весною ожившей, которая голая, и весною цветущей –
предлетье которое,

... и по осени поздней, где плыли дожди, и по осени ранней с её косохлёстами,
и в послеосенье хмáрное, где на горы ложатся снега, а воздух искрится алмазною пылью...

Неслась, стремилась по следу Светила, нагоняла недóжитый день:

день был правильный, славный, жить в нём хотелось ещё...

остановись: жить в нём уже не случится, ночь наступит всему, а ей – новый день:

рысий день начинается там,
где лезвийный предел отсекает Голову Света и отымаёт у листьев зелёный цвет,
взамен оставляет чёрный...

а чему новому стать – так и не станется, разве что сгубится, но не добавится:

застыло Время событий, затаилось, набухает недобрым – сквозь череду недожитых дней...

плюс-минус век – и всё одно, и ничего, чего бы уже и не было в мире дённом,
где твёрди поверхность – дно:
для неба и света...

То и выходит – правы мудрецы: из нашей Зверенной испаряется время – вконец, безвозвратно?!

«... За Зверенную в целом – не знаю, здесь же точно: застыло и сохнет... Гравитация полная, еть её яром!
диссипация Воли, энтро́пия Духа!..»

Так думилось Рыси. И глухо рычалось.

Зелёный Луч

Именно зелёный.

Не какой-нибудь, скажем, там травяной, полынный, миртовый, мятный, хвойный, эвкалиптовый, кипарисовый. Или вот салатный, лавровый, фисташковый, оливковый, мшистый, болотный, плисовый. Шартрез или хаки. Цвет панг, наконец.

И даже не оттенок из многих – от переливчатой зелени глаз Рысьих дивных, кои тот же Тигр камням равнял самоцветным да драгоценным: малахитам, аквамаринам, изумрудам-смарагдам; или минералам тем редкостным: нефритам, жадеитам, хризобериллам да турмалинам, которые из-за скользящего по ним блика именуют “кошачьим глазом” – то в Людомире, в Зверомире же: “оком рыси”.

Зелёный ждала Рысь Русь: Луч Зелёный.

Да не пустого изыска ради: по надобе заветной:

в миг – когда тот миг сам и замрёт, ровно ястреб над сонным простором, тонущим в тёмях, но покровы пространств ещё оморóшены златозарными каплями уже стекшего света, тем мгновением чаяла Рысь узреть, уследить сокровенное: Луч, что порою счастливцу какому сверкнёт от пределов лезвийных на горизонте, где в бездонность упало, скатило Светило,

а случай падёт: так поймать, достать с дónца небесного Луч тот Зелёный, Свет тот живой, цвет тот Надежды: вдруг, то и двинет застрявшее время!..

... да и заскрипят разом оси колёс в телеге хмурого Хроноса:

не всегда же и был Кронос – угрюмый паук! Когда-то и Мир весь – являл себя Золотым Лотосом, на пальмовых листах бамбуковых книг записанным:

о ту пору воронёнок-младенец Крон мочил ещё кромешные пелёнки Селенские, – в те старые добрые времена...

... в те старые добрые времена, когда от нас ничего уж и не было.

Так дúмила Рысь – вослед Светилу, которое огненным расплавом катило-скатывало по небосклону к северо-западу. Садиться же ровно на западе Светило изволило дважды в году – в равноденствия: по марту весны да сентябрю осени.

Узреть-словить Зелёный Луч!

Такое, сказывают, случилось бабке Рýсиной: Светлой Кыйской Рыси, да Русиной мамке: Алой Рыси Софье, чьи эпические исходы “уйти, не умерев” окутаны кривдами, враками да ливераками. Зверомирцы-то верно знают: не ушли они никуда, затаились до времени, растворились в грядущем. Будет ещё их, ох как будет!..

И пусть за мгновениями славы следуют годы забвений, то и поруганий грязных, – не о лайках и рейтингах пеклась Рысь Русь.

Ждала. Следила закат.

Облак

Тулым же тем сроком оделся в розовое: от заката. Не то, чтобы Камень следил за модой: надевал, что свыше дадено, – мода следила за Камнем, ему и вторила: да уже отсебятину.

Светозарные закаты погожим, вёдренным вечерком о ту пору чаще давали изукрасы розовые, лиловые, пурпурные и особо гламурные фуксии. Актуальными считались также сиреневые восходы. В авторском исполнении то было сурáзно, к месту, казисто. И лёпо...

Застыв в позе чинной, вальяжной, Рысь Русь ждала своего.

Ждала подзором к западу, к закатным пределам, куда и сам Камень оскалил крути́зны:

оттуда, с запада, чего доброго редко ждать приходилось – зверомирцам то исстари ведомо: с лихом отведано, с кровушкою испито-прóлито да шурами ўчено...

Не в таком уж далёке там, на западе, злобились подвладные Кархáдской Унии просторы, в купности своей прозываемые **Зáпадл**.

... то конечно: запад всего-то и есть – часть света, и, как в любой иной – немало ж там имеется всякого... а и доброго, справного!.. но правит западом Зáпадл, тем всё и сказано: не часть уже света: часть тьмы!..

... оттого ли на западе денно в сумерках свет умирает? вестимо, метафора! к тому ж и кривая... однако по делу, не молвлено с ветру...

Так думилось Рыси, и как-то само зарычалось: накатами – глухо, басисто...

... окрест на многие вёрсты живность всякая в ожидании люта скукожилась...

... а мимолётом образовавшаяся близь венцовых булыг мелочь зверюшка, неуспетая узнать, – прынула, метнулась швырком да растворилась в травостое, будто и не было, – так ведь и не было!

... и травостоя здесь тоже не было: откуда ему здесь и взяться – наверху, в гольцóвой-то лыси, где лишайники-ягели да мхи одне по курúмам стелются, к скалам ластятся...

... что-то нéчисть нынче вконец расшалилась: от лап отбилась, чуйку истеряла: в явь зачастила...

Рысь, клацнув для острастки разом всему – и жи́ти и нéжити, сладко зевнула, да потянулась сладко, тем выражая изрядное собою довольство.

Прыжком ниже гранитной плиты, уютной для Рыси, оста́нец венчающей, – под красными мхами спали курúмы, стекая во сне, камень за камнем, к отвесному срыву: там и гинули. То свалом, то изредкою штукою.

... прицел бы какой той бесцельности – камней безыдейному па́ду!.. вменить координаты обретения смысла...

на пробу хотя б: по темечку нéчисти, высокоточным-то каменюкою!..

Так думилось Рыси.

Тем временем за спиной её, невда́ле, некий креативный óблак по-хозяйски, с комфортом улёгся на гребень Тулыма, да и разбоченился на верхотурах во́лота.

Для такого затейного дела сметливый óблак покинул рыхлый сутолок себе подобных – подобных, да неподвинутых полуфабрикатов конвективности, вялотекущих высями бесцельно и понуждаемо.

И мнил себя тот облак полным креаклом, возвышенным над замшелой серостью кряжей: закоснелых, застаревших, ещё и твердолобых.

«... Отстой! Тупые ватники! Вцепились в земли свои, вросли, стоят середь болот да чащоб, о свободе не ведают...» – с презрением думал о недвижных Камнях-исполинах ошмёток безродной облачной ваты, бесприютно носимой ветрами...

О Креаклах

Облак облаком. В своём он праве: мнить себя да о себе. Да тем надмеваться.

Коли нечто и возомнит себя чем-то, а хоть бы и Суперкреаклом, – то не печаль, не убыток. Покуда оно, возомнившее, – дело, почин ли какой не затеяло: пусть себе тешится. Вот коли деянием озаботилось да за деланье взялось – тогда вот беда!

Однако ж, собственно Креаклы были вполне зверянами: из плоти и крови. Отнюдь не бесплотные куски странствующей ваты.

Настоящие Креаклы, эти гáмные, гомли́вые рукокрылые твари – есть летучие мыши, порождение Зверильника, пародийная генореплика на самого заворящера Папу Сво, Предстоятеля звероидов.

Те же из зверян, кто собственно Креаклами не были, но мнили себя да о себе креативненько, да проявляли себя схожим непотребным образом, тех заблудших особей прозывали зверáклами, или зверяклами – тут уж от степени выдаваемого презрения зависело.

zveronet | портал ‘РосТвердь’ | post ‘Как вы, каклы?’, Tigris

Креакл. Высокоморальное, соvestливое, лапопожатное и озверенно высокодуховное создание, единственное, исключительное, неподражаемое, непревзойдённое. И их: Летучая Хуча! Все висят “вниз головой”, выражая неповторимую индивидуальность, дюжий умище и презрение к окружающей биомассе.

А вниз головою висит Креакл оттого, как сам полагает, что он – креативен, “не-как-все”. Висит, да тем выражает нетривиальную самость, избранность и радикальное эволюционное превосходство над копошащейся окрест биомассой: безгаджетной, неподвинутой, серой, обречённой на нищевродство и вымирание... Что висит при том в Туче “единственных-неповторимых” – Креакла не смущает ни разу, как и то, что сам и есть: серый...

Истина ж в том, что Креакл – всего-то генореплика на заворящера, для коего поставить любое с ног на голову, да так и подвесить – архилубезное занятие, и самому поболтаться головощицею в испод – презлая сласть!.. Речи беседует да зломыслит он козни, злопакости, чмор – именно так: вниз головою. Как и летучие мыши, которые им, Папой Сво, тому и обучены.

А гнёзд Креаклы не вьют, дома́ не обустривают: живут, где придётся, или в готовом.

Они вообще ничего, в чём есть смысл да насущная надоба, – не обустривают, но дюже обильно выдумывают всякое и усовершенствуют всячину, назначив себе, и то исповедуя исто: “делать мир лучше”. На деле же – так:

лишь затем Креакл скреативить мечтает нибудь-ка́кую всякость или удумать потребную кчёмность, что отвалят ему за ту инновацию кучу профита плюс вагон весёлых-на-всё профитушек, а к тому ж ещё и пожизненно отчислять будут рóялти, что и даст целоднями бездельно висеть вниз головушкой, да с презреньем взирать на отстойную нищевродную биомассу, которая пашет, и раздумчиво осмысливать смысл... который им, впрочем, и без того известен: **«Мы рождены не работать, а быть не такими, как все!..»**

А пользоваться свои навыки дюжие в иных каких целях, то есть даром, для Креакла – неинтеллигентно, непосовестно и неприлично: никак не кошерно для светлых возвышенных особей – лучших из стад, свор и стай.

Несмотря на крайне-агрессивные эгоцентризм, индивидуализм и нарциссизм, существовать Креакл способен исключительно в стае, официально именуемой: Летучая Тучь, а меж своими: Летучая Хуча. Это потому, что оценить его, Креакла, единственность и исключительность, неподражаемость и непревзойдённость способны токмо те же единственные, исключительные, неподражаемые и непревзойдённые. Летучая Тучь как *modus vivendi* и *modus operandi* необходима Креаклам также и для группового чморения, тролления, травли вся и всего, и только в качестве Тучи они интересны Папе Сво, ибо в одиночку Креакл ёжика лысого не испугает.

Разумеется, Креаклы Тучей стоят за ливерценности, которые они, особо не вдаваясь в подробности, представляют себе полным Креаклораем, где нет у Креакла обязанностей кроме свободы...

... И вот этот главный вопрос: «Почему мы должны жертвовать устрицами Белón?!»
Что за устрица, зачем устрица – Креаклу фиолетово, а что должён ими жертвовать – напрягает...

Довольно же пока зубоска́зить о “самых-из-самых-лучших-самых-из-тварей”: всему своё время. Сказ свой всему, и он будет. Нетерпеливых же отсылаем к Энциклопедии нашей Большой Зверомирской: там о созданиях этих продвинутых – зéло и с чувством... Добавить вот разве:

Каждый Креакл (и зверакл, разумеется) мыслит себя неявленным Бэдмёном – Суперкреаклом, о котором Хуча подслушала случаем в людомирском эфире. А выпал тот случай при “ощúпе” ультразвуком просторов людян, которых и нет, но о которых все знают, а значит за ними надо шпионить.

... Стать Бэдмёном! Крутой супермышью! Суперкреаклом, который, однажды сподобившись, вдруг явит себя и спасёт Всё-Всех и Миры: не отходя от дисплея, одним нажатием правильной клавиши.

И за это он враз – на вершинах топов с триллионами лайков, вдва – в густом всеобъемлющем шиколаде.

И вся благодарная биомасса почтительно, на цирлах, подносит ему тот шиколад, а ещё всяческие другие профиты и стройненьких, весёлых-на-всё профитушек – вагонами.

И тогда даже не придётся удумывать креативную всякость да кчёмность: можно сразу целоднями бездельно свисать головою умнющею вниз и взирать сверхпрезрительно на отстойную, копошащую вверх головами лузерную биомассу, которая пашет. И раздумчиво осмысливать смысл.

О тотальном ощи́пе, ибо без одного облак – не Облак, подобный Креаклу

О сладкой бездельной жизни профит-тролля грезил Облак, уместившись на гребне Тулыма.

Ну и чем он/оно не Суперкреакл?

Чем не Бэдмэн эфирный, ветром дутый, давить их всех внизу атмосферой!..

Вот напряжёт же он дюжий умище и...

«... удумаю зараз кчёмность какую – скажем, “Сервис-Сверхнүжник”:

чтобы тем, кто по́слан окучивать хрёны на грядках,

в режиме онлайн доступна была навигация:

где к хрёну пройти и как далее следовать к хрёну от хрёна без остановок,

в хренáх не плутая и в пробках не ча́лясь!..

И буду тем всласть обира́йтить до полного шиколáду!..»

→ Тотальный ощи́п и обира́йт

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’

| фрагмент статьи ‘Креаклы и Летучая Тучь’

В полете *Креаклы* пищат “песни”: издают высокочастотный креативный писк, используя заумные сочетания слогов в ультразвуковом диапазоне 40 – 100 кГц, до двух десятков слогов-звуков кряду.

Каждый пищит свою собственную заумь, хотя в целом “песни” достаточно однообразны:

разница – в “*креативной*” перестановке пары-тройки слогов, причём вариативность писка заметна и понятна лишь самим *Креаклам*, млеющим от столь продвинутого эстетизма, доказывающего их, *Креаклов*, дюжую индивидуальность.

Каково же назначение креативного писка – “пискоклюзива” (не путать с художественным *свистом*), классифицируемого иными завромудрецами как “продвинутые песни”?

Высокочастотная креативная заумь используется:

- в *статусометрии*, которая у *Креаклов* достигает гипертрофированных размеров,
- для склонения к сожительству, как правило: разовому,
- прилично и даже обязательно для Креакла: “обира́йтить” посредством креативного писка.

То есть обирать трохи-потроху каждого, кто волей-неволей стал свидетелем пискоклюзива, точнее: каждой чуть связно списанной зауми в отдельности.

Обосновывается такой “тотальный ощи́п” креаторским завроПравом на тотальный интеллектуальный рэкёт:

с точки зления завроПрава, “пискоклюзив” есть “свойная собственность”, то есть – “Добро”.

Разумение же “Добра” однимим по смыслу “Имуществу” или “Собственности” – то незыблемая краеугольная булыга всего за́падлого мировоззления, оно же – “Глобальная сила Добра”, зиждимая на непреходящих завроценностях и звероидных аппетитах.

Постулат “Добро = Собственности” стал сакральной овцой Завроэкономики, или “науки о Заграбленном” (как пристроить ничьё и немое в свою пользу). Справедливости ради отметим: зверомирская Ёкономика нынче по самые рога – в мутных, зловонных стоках ливеральных упражнений: то ненадолго...

Использовать же свои способности в иных целях для *Креакла* является не-эффективным, то есть – “полным отстоем”, свойственным лишь ватному быдлу и прочей тупой биомассе, никак *не кошерным* для светлых возвышенных особей, лучших из стад, свор и стай.

→ Знак охраны креаторского завроПрава на тотальный ощи́п – “обира́йт”: ∇ в круге или в скобках: (∇)

Знак ∇ взят из математической логики – “Квантор всеобщности”, означает: “Для любых”, “Для всех”, “Для всякого”, но Креаклы, вместе с завроПравом, толкуют данный символ инаяко: “Со всякого”.

Круг же одновременно обозначает и первую букву термина “обира́йт”.

Сказский Тур на то ухмылялся:

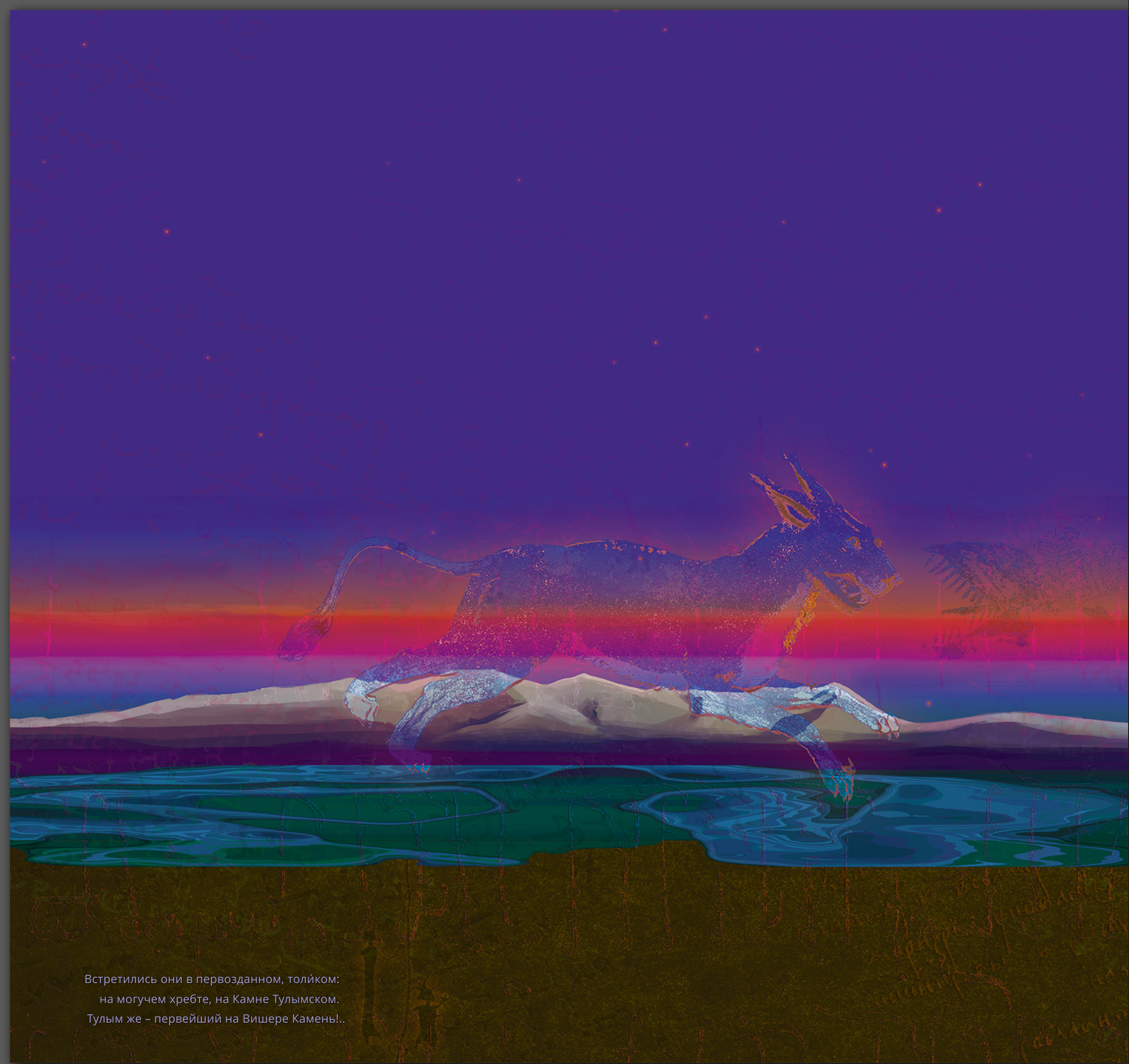
«... Даже сей знак, столбящий право на тотальный ощи́п, гарантирующий, якобы, подлинное авторство, они у меня стащили, спасибо не сказали...»

«... Придумисто, конечно, но в целом: ляпка – “*брызга, ком, блин, цацка, неуклюже посаженное украшение*”», – мимолётно помыслил Тулым об уместившемся на нём облаке: хоть и следил Тулым даль непрестанно, к близу же был несильно заметливым, но Облак на гребне своём – почуял.

Заметила об́лак и Рысь, да подумила то́ же. Благо и она регулярно то́лки следила: и вдали́, и в Да́ле. Впрочем, ни облаками, ни Креаклами Рысь не питалась... Да что с них другого и взять, кроме мо́рока, мо́крети, гуáно-помёта да гвалта?.. Разве что прибыток дутый, бессовестный. Жлобизнесом зовётся. Но это – к Лису Патríкию, это по его части.

Впрочем, и оному облаку, себя возомнившему, предстоит сыграть роль – да немалую! – в наползающем неизбежном... Знал бы он, тот сметливый об́лак, заранее:

как суждено ему стать и Серийным убийцей яиц, Облаком-маньяком, и пожирателем данных – стопяťсот раз бы подумил, прежде прилечь на Тулым...

Встретились они в первозданном, толиком:
на могучем хребте, на Камне Тулымском.
Тулым же – первейший на Вишере Камень!..

Оказательство

Одни повествуют о том просто:

С макушки Тулы́ма, бритой ветрами да шквалами, Рысь смотрела закат.
Как делала каждый вечер: смотрела закат.

- В замуж тебе, девушка, в замуж! – скрипнуло, то ли каркнуло от гунявой отшельной сосны, и добавило:
- Законно и безвозвратно – в замуж!..

Нахмурилась Рысь. Светило, катящее в горизонт, вдруг встало за хохлатой фигурой – нелепой и непригожей: клякса в акварели заката... ляпка, Светило заляпавшая... Ощерилась Рысь недобро:

- Не загромождай пространство. Ты мне светом дышать мешаешь... А я им думаю...

Другие ж про то сказывают пространнее, велеречивее,
будто сами при том были, да всё видели, да всё слышали, и кто думил что – то ведали.
Но и не были, и не ведали, и не видели, и не слышали... Всё ж свидетельствуют:

На Камне Тулы́м, в верховинах его на остянце-венце – Рысь дозором. Закат следит. Думы думит.
Зелёный Луч дожидает.

- В замуж тебе, девушка! В замуж! Законно и безвозвратно – в замуж!..

... шумы ли то лешие баламутят темнохвойными пармами, ли всамделе каркнуло?..
... но пармы-то древние – таёги нехожены – сроду стоят нешевелённые нежитью, чисты от лёшети: духу нечистому путь в пармы заказан... что ж за докука? откуда?..

- Вот лежишь ты здесь и пустуешь... Зачем одной пустовать? Пустовать надо в браке...
И не абы какой “брак-по-милу”, с прозябанием! Нужен брак шестизвёздочный: замуж-лакшери...

... вот завелась же напасть! да откуда?..
... оттуда – с голой ветви отшельной сосны, появившейся вдруг, без предвестий, у обрывного края уступа, где спали внедавне курумы под красными мхами – стекали во сне к отвесному срыву... а до срыва того – один рысий прыг и есть: к западу вниз от плиты, она где лежит, за закатом следит..
... и в миг: ни мхов, ни курумов: одна скальность исподняя, да стойком из неё, из голой скалы, дерево торчит гнусное: извоистое, кривульное, коряжное... феномен, однако ж, – оказательство..
... да толка явно зловестного: не чудо дивное – козня вередная... видать, сызнава нечисть шалит, проказит, никак не спокоится..
... а и серою воняет... воздухом спорченным... дух скверный такой, ухание прегадкое, химия смрадная: дигидросульфид со скатолом..
... и Роза борейных ветров тому очевидец: вонищу несёт всё оттуда ж: от стороны западлой..
... кабыть, недоброе то дерево – злое: прокудливое..
... да и гунявое сплошь – лысое... и закручено вона как, ровно тряпьё на выжиге..
... да сквернит перспективу лепую светозарного неба закатного:
середь всего – приключилась коряжина, яко каракуля – на чистом, купавном, пригожем, да сломала благодать графических ритмов, порушила стройность цветодинамических пятен – досель равновесных своею кинетикой повдоль центробежных линий напруги открытой вовне композиции чудной, кою вершит величайший Художник: Миров и Зверенной... – думилось Рыси.

Прищурила Рысь изумрудные глаза, кистями прынула, ошиб же пушистый и сам, как верноподданный хвост, затеял остростные пируэты:

в тот миг Светило, в пределы катящее, стало точь за спиной хохлатой фигуры, коя являла собой генетический казус, именем Пупа. Ливер Пупа.
Попугай иноземный, кархадский.

... вроде и птах, природою тварный, а всё ж – хлуда: сор, мусор, отходы творенья...

Ощерилась Рысь, да недобро:

- Не загромождай пространство. Светом дышать мешаешь... Я им думаю.

Рысий крест

И другой раз молвила Рысь – терпеливо, но грóзко:

— Не хламо́сти объёмы, пернатый! Изы́ди. Светом дышать мешаешь, а я им думаю.

Мало, что выглядел Пу́па неподобающе, почти неприлично – тому хоть не сам, тому генный “квн” причиной, так явился ещё и весь в ляпках: то ли жижным убрызган чем, то ли фишками модными уляпан хипстерскими; но нет – всё же брызгами, от которых и отряхнулся на птичий манер, засумошив перьями. Затем, осмыслив не без натужности рысий мессидж, Пу́па вспугом вспорхнул на другую ветку: контур его, пятнавший Светило, сверкнул абрисами, да и сгорел в закате, само ж нелепое тело осталось, но то Рысь беспокоило мало, поелику не пахло опасностью, только вот воню – Пупиной да парфюмерной.

— Со всей очевидностью – в замуж!.. В замуж, девушка, в замуж!.. Сразу придёт успокоение и понимание...

Повисла-рассыпалась дробью пауза, а рассыпавшись – заметалась в ожидании Годо́ лютого.

— Ну, и кто так сказал?

— Так говорит я – Пу́па!

— Пу́па, значит... Нечто, по прозвищу Пу́па...

Подразду́мила имечко странное Рысь, на вкус, на язык потетёшила: на семантику...

Прозвище вроде б и не срамно́е, да уж больно с наме́ками... Озорно́ глаз прищурила, молвила:

— Как судно назовёшь, так оно и потонет.

— Пу́па не судно: в воде мокро и гадко, а у Пу́пы – совесть немóченная! Пу́па – ливер-Попугай.

— Так и я о том же...

Тут-то Рысь разом и озадумилась – уж серьёзом: погружало её, не спросясь, в накопившуюся, накипевшую неизбежность: вокруг явственно запорхали печальки пёстрыми бабочками: радужными, бархатными, ликующими; на небо ж напоззали густые хма́ры, стекали на склоны мглистыми сму́рами, и склоны тем разом оделись в тоску да сочувствие... Ливер... вражина карха́дская... вот и погуляли! а как вечер-то хорошо начинался... придавити, что ли, гнусятину досадную?.. так верезжания ж, вопли окрест затеются, учинятся, замножатся! – ливера́тия доморощенная хоралом запоёт, сокола́ми взовьётся, зачнёт в тамбурины совести камлать яростно – абстрактной совести, ясен пенё, своей-то у них и отродясь не было... скандальцем, опять же, междустадным обернётся всенепременно...

... однако ж: пусти на постой ливераста, и кабан-сосед покажется милой зверюшкой застенчивой...

... а коли то ещё и меньшина́ какая – вовсе худо, хуже чумы, да что там чумы! – диареи экссудативной... а чем мельче меньшина, тем вони-то больше...

... всё одно: лучше Пу́па на ветке, чем в трюме Акула ... или Кабан в трюмо́... как-то так... не очень, чтоб убедительно, но в чём-то похожем Тур заверял – где-то читал, стало быть, знает!..

И Рысь, нервнó зевнув да вздохнув по-самочьи всхлипом, понесла свой крест: всетерпимость на неё взваленную, незваную, негаданную да негодную...

Тако ж и нам: не спешить клыком! не сверкать когтём! возводя хулу́ на терпение длинное...

Вот и Сказ наш таков: неспешно течёт, да своим чередом – мимо кривды петляя излуками: где-то любезно, где-то в укор, ну а внукам – наукою.

А науки всегда – меж восторгом и скукой...

Автор Всего

Зверяне – все! – в той или иной степени признают наличие Создателя – Создателя Всего, который есть Автор Мультивселенной и Разномирóв, её составляющих. Иного Автора у Созданного быть не может.

Произведений же без авторств – не бывает, а бывают – юзеры, всуе умные:

- кто верует в педивикию,
- в копирайт: “слова и музыка народные, не то природные”,
- и в то, что пёрвобезьяны как-то случайно случились из древних людянов, а уж от тех обезьянов в силу изъянов случилось и всё иное зверьё на планете: и Козёл, и Кабан, и Ведмедь, и Слон, и Хомяк, и птица всякокрылая, и рыбаца разноводная, даже Тляха-муха сердешная, да не просто вся эта звериная всякость случилась: а и разумом сама от себя обогатилась, а всё из-за тех же изъянов, и факт сей – пир для мудрейших умов и их диссертаций.

Мультивселенная же, сиречь Разномірье вкупе с Волей, волящей там, и Устоями-скрепами быта – есть След Создателя и Наследие, данные в ощущение и разумение. Что и до всех относится: в ощущение и разумение! – не в извод, в прожигание, в промотание, в проедание да сквернение...

Одним из Миров, во времена óно Создателем явленных, предстала Селенная. Или Зверенная, что более внятно.

Непостижимое и жизнесмысл

С тем и согласны все звёры да зверянские космогонии, числом немногие, а меж собою – не сильно и розные. Но, в отличие от людян, зверяне на том успокаиваются: странны им досужие домыслы да умствования о материях непостижимых, в “непостижимость” включая Создателя.

«... Он есть, как минимум – был, и дай Ему Сам здоровья, спасибо за всё!..»

Это не только официально-сакральная формула, вроде людянских “Аллилуйя!”, “Осанна!”.

Это весьма искреннее, сердечное, хотя и наивное признание заслуг Первоисточника сущего, Источника бытия – теми, кто от рождения радуется жизни за саму возможность жить, не отягощая сей факт смысло-да целеполаганием, да мотивированностью.

Что вовсе не означает фиолетовое безразличие к проклятым вопросам бытия: “Зачем?”, “В чём смысл?”, “А дальше-то что?”

Для зверянина жизнь – уже: жизнь. Целая жизнь! То и есть жизнесмысл как таковой.

А сопутствующие вопросы – пища ума, но не духа, даже не пузра: занятно, да несъедобно. Разве вот – мудрецам на потеху: пусть себе тешатся, лишь бы с геномом не баловáли, да с термоядом не шалили...

Вот не скомкать жизнь в прозябание зряшное, паче того – в непотребство паскудное, но наполнить её высоким смышлением, – то уже не “вопросцы”, но Воля.

По образу и подобию

Но зверянину ни в холку, ни в колк не придёт не только идентифицировать себя по образу и подобию, – даже отдалённо соотносить себя и свои делишки с Создателем да Его Высшим Промыслом.

За кошунство б зверяне сочли людянский обык, антропопатізмом именуемый:

наделять Всевышнее – людочертáми, целеполаганиями, мотивациями, несовершенствами и просто мерзостями, присущими виду “мудрого людя”, а всё паскудство ими творимого да уже ими содеянного – звать Вышним Промыслом, пути которого неисповедимы...

Обитатели планеты Зелёна убеждены натвердо: единожды выполнив свою главную и эпохальную миссию: создать – Создатель более не причастен к Созданному. Достаточно и того, что Он подарил Созданному возможность Быть, а Созданиям завещал исходный этико-нравственный код.

Следовательно, всю полноту ответственности за своё бытиё, своё нажитое прошлое, переживаемое настоящее и планируемое будущее – Созданное, оно же Творение, и Создания, они же Твари, несут самостоятельно, и, в общем:

на Небо неча пенять, коли орбита кривая: лучше вспомни, что пил...

Но вот спросить за всё, натворённое тварями, – и со скопа и поголовно – всенепременно спросят!.. А уж как спросчика того, того Судию звать будут – не так и важно...

Ливерáтия о Создателе

Особо следует помянуть звероидов да их подельников, в раскúс темы, разумеется:

как известно, звероидом не рождаются – звероидом становятся. Ливерáстом – тем паче...

убогие по факту, не по рождению, звери эти – чуйкой-то чуют След Создателя, думалом-то думят в ту сторону, душонкой-то печалятся...

но понуждаемы “средой окружения” – ливер-стадом, влекомые на духовный забой “тропою свободы”, верезжат публично иное:

и отказывают Создателю в существовании, и тут же хуля́т, что Он – «... не на той: на неправильной стороне истории!..»

К звéрованиям же вовсе люты, на то причина: звёры, помнящие исходный этико-нравственный код, да волящие денноно́щно, что́ – суть хорошо и что́ – плохо, зверы есть могучий заслон, видовой щит от скотств и деструкции ливерáстии.

Но что характерно: постулируя незвёрие и считая себя “просвещёнными, образованными, цивилизными”, они с таким неистовством и фанатизмом поклоняются сакральному “пакету с ливерценностями”, что любая зверя выглядит на том фоне дворовой самодеятель-ностью – в плане исступлённой яри, изуверства и одержимости, разумеется... Чего уж говорить о тотальном, всеместном, безоговорочном культе Папы Сво в электоральных рядах ливер-стада:

ни одно божество Разномірья не устаивалось такого почтения, такого Владычия.

О звéрах

Большіны зверян мыслят себя от звер неотъемлемо. Но то не схоже с людянами, с их “Мировыми религиями”... Дóлжно ж воздать и людянам! – у них в благе сем основательней всё да суровой.

Так Тур уверяет, едино кто сведущ в людянских обы́ках. Звёры ж в своём изначалии вёрами были. Со временем – исказились обильно, а где и оска́зились, пропитались непогрешимостью да догматизмом: слепым, злобным к ина́кости, буде ина́кость и праведной.

Вёры, к тому ж – “оседлали”: персонажи вполне прагматичные и предприимчивые, кои под менеджмент оптимизировали бла́гие деяния да бла́гие помыслы – в унисон зверянскому быту: то есть – рентабельно, сыто сиречь, и зверáрхически: вёры и стали – звёры...

Как бы там ни было, всё ж именно зверáрхи – духовные пастыри зверян – и присно и ныне предстоят в борьбе истой, непримиримой со злом явленным: мерзостью ливерáстной.

Сами ж звёры, не так чтобы и близко к Первоисточнику, но таки хранят обрывки воспоминаний: и об исходном этико-нравственном коде, который был завещан Создателем зверьянам, да радостно ими забыт... и о самом Создателе.

Наука для внуков: О Верхнем Море и Высших стихиях, в нём волящих, Море Нижнем, которого нет, но о котором все знают, и Море Срединном, где мы

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ | авторский парафразис

Верхний Мир

Из всего трансцендентального, запредельного, для разумения недоступного, иррационального, – из всего такого причастным к своей судьбе, да и то: лишь в некотором роде, зверяне считали отнюдь не глобальную Всемирную Волю, а локальную, сугубо планетарную субстанцию: Верхний Мир, он же – Мир Смыслов и Энергий, вместе с волящими там Высшими стихиями.

И не только так считали: соприкасались в яви с тем Миром. И не только соприкасались: жили бок о бок – в соседях.

А жить в соседях – сами понимаете: всякое случается. И всякое быть может...

В качестве аналога Высших стихий планеты Зелёна можно бы назвать субстанцию “Ноо” (Noos) Ноосферы людянской. Но за этим термином мудрецы тамошние видят одно: Себя, призванных вразумлять да благородить Собою биосферу планетную, без них – несмышлёную, недоразвитую, непросвещённую...

Что сами и есть – лишь подсобные, помогáнцы: одно для бытийной рутины затеяны, – мысль такая их светлые разумы не посещает, а если заглянет – то частным порядком, без протокола и торжественной встречи...

Конечно же, собственный Разум у каждой приличной планеты имеется, себя уважающей, – у той, что не виснет бесцельно в пустотах злым сиротой-каменюкою или гоняет безбашенно по орбитам накатанным средь таких же стритрейсеров: безатмосферных и отмороженных.

Есть Планетарный Мозг и у планеты Голуба. Но вряд ли он уместим в головах квартирантов Голубы – даже разом всего поголовья homo sapiens – “мудрого людя”.

Сей центропупизм – беда не только людянская, а и нам, зверомирцам, болезненно ведомая, про что и толковано нами в Энциклопедии нашей Большой Зверомирской, в её изначалии:

в статье за номером 2-1.01. «Мультивселенная и aliquis sapiens – “кто-то мудрый”».

Птица Слава

Хозяйкой-распорядительницей Верхнего Мира, Предводительницей Высших стихий планеты Зелёна

ныне – во времена текущие, сущие –

ставлена Птица Слава, именем полным: Птица Матьер Сва Слава.

Но не всегда так и было. И не всем обитателям Верхнего Мира тот расклад по любу да нраву... да таких: лишь меньшйна.

Она “та, от которой всё стало”, и та, от которой Рось изначальная стала, кто источник Славы и Славы хранитель, и Зверомира Славного – покровитель.

Да поведать о ней – не в сей раз:

Всему – своё время.

Птице каждой – свой Сказ.

Папа Сво

Что же касается заклятого антагониста Птицы Славы, Матери Сва, – заворящера Папы Сво, Предстоятеля звероидов, то появление его, и его изначалие, да и нынешнее бытиё, – окутаны завесою врак да мраком, чем сам Папа Сво, по сути, и является.

Подвладычные ему звероиды тишком судачат о причастности Самогó Создателя к его, Папы Сво, возникновению. Мало того: одна из завротеорий, претендующая стать официальной, постулирует:

всамделишный “создатель Всего” – Папа Сво,

а Тот, который Создатель – Тот самозванец, Которого нет, что доказано,

исходя из чего Тот Создатель –

“не на той: на неправильной стороне бытия”,

а раз так, значит: “нет-Его” и не будет, из чего однояко всем ясно:

Его нужно хулить, поносить, разоблачать и Его нужно забыть, но не забыть, что Его-нет!..

И звероидов ничего в этой завротеории не смущает.

Зверомирцы же в целом верно оценивают явление Папы Сво в Зверенной как побочный продукт самодеятельности Миров: что-то типа фарса, этакая вселенская самопародия, карикатура, шалость шарли.

Но то, что смешно вулканам, гóре –

их обжитым склонам!

Те шуточки, тот фарс Бытия обернулись трагедиями для обживателей Разномирóв, явившись к ним эманациями Зла. В облике *Сатаны* да *Иблйса*, *Йштар* да *Лили́т*, *Абаддóна* да *Ахримáна*, иным ли каким поганцем: имя ему – Легион.

Для Планеты зверян поганцем стал – заворящер.

Папа Сво. Папа Свободы.

Такая, весьма здравая трактовка сущности заворящера и сути всего, им творимого, позволила зверомирским мыслителям отказать поганцу вообще в каком-либо представительском статусе:

он объективно есть, поскольку есть, поскольку некоторые многие из нас с этим согласны и этого алчут,

но никого и ничто он, заворящер, не представляет, и хотя, безусловно, он – антагонист Птицы Славы, которая есть часть Верхнего Мира, а значит, как антитеза он – часть Нижнего Мира,

но он не обитатель Нижнего Мира, ибо такового мира как такового и нет:

этот мир существует ровно там, где его готовы принять и кормить собою, он существует в тех, кто добровольно стал инкубатором Яйцам Зла!

Мудрецы Людянии высказались по схожей теме чуть лаконичнее:

«... *Ад там, где мы...*»

Но и о Папе Сво не пришёл черёд сказывать толком.

Нижний мир

То и выходит: разумные аборигены Разномирóв в ту сторону мыслят схоже, не все, конечно, но многие:

Нижний мир как таковой, как Мир – не существует, а существует зло, не способное существовать без носителей зла.

И ещё: зло заразно.

Особо провидлевые эстеты-зверóсофы, изрядно владеющие лепостью мысли равно и слогом, озвучили такую, вполне допустимую, тезу:

заворящера звероиды вырастили сами...

они его придумали, дабы было куда, на кого списать свои же низости, мерзости, свою звериную похоть и алчность, и звериную тоску свою от осознания себя пошлым и тусклым...

они материализовали концепт заворящера, взрастили его –

и спрятались в его тотальном Владычии, полагая, что тем самым снимают с себя ответственность всякую –

и за разнузданное, и за животное, и за зловонное существование:

мол, все ведь такие, правда? все мы твари, и все так живём,

так жить рентабельно, и то – по Закону, а мы – ни при чём:

система, однако, едрить её Марксом!..

а все вопросы – к Папе Сво, он – крайний, он – тиранодонище!..

Нечто подобное излагали и людянские эпика – в качестве эффектной эстетской метафоры, – не более.

Ведь над их домами не проносился чёрным огнём реальный, очевидный заворящер Свободы: заворящеры в Людомире носят смокинги и ездят в лимузинах... А огонь насылают – на расстоянии: себя б не пожечь...

Срединный Мир

И если на планете Зелёна наличествовал Мир Верхний, существовал – в виде отсутствия – Нижний, то должен бы быть и Средний, или – Срединный.

И он есть: тот, в котором мы все обитаем –

то, возведши гóрнему очи, душой воспаряя и сердцем – в вёрхи лазурные,

то дóлу потупивши взгляд, низринувшись в грех – в страсти бурные,

то и вовсе слепым:

не борясь и не вякая – сникнув в толпе, как берёза поклáпая...

Инди́фференты, или индй́лы

Просторы, глۇби и выси Зелёной планеты обживают не только ярые пассионарии да ведóмые ими большйны с меньшйнами.

И внутри раторборствующих зверосообществ, и вовне – копошит несметное число особей, которым не просто глубоко фиолетово на идейные распри – им фиолетово с клубнем.

Но особи эти легко, ненатужно подстраиваются, мимикрируют под любую среду обжирания, присасываются к любой этике, прилипают ко всякой плолитике, оставаясь при том безучастными, индифферентными всему, что мимо их пузра и быта.

И это не всегда так плохо, как хочется думать, хотя отвратительно.

В общезверянском дискурсе создания эти числятся “индифферентами”, но иногда сокращённо и – ошибочно! называют их “инди” или “индйлы”, что неверно, да как-то прижилось, как приживается многое что-не-верно.

Индй́лы, без сомнения, – индифференты, да не каждый индифферент – индй́л. Вот Гриб, скажем, – ну какой он индй́л? Или та же Тляха-муха.

Однако, углубившись в сию тему, легко в лопухах заплутать. Например, сами индй́лы Гриб считали своим с потрохами, а Тляху-муху – идейно близкой и сочувствующей, о чём муха, естественно, и не догадывалась. О чём вообще может догадываться Тляха-муха? – жужжит себе в кайф, жужжит, суетит объёмы да присаживается во млении на любое подвернувшееся óвно, в том числе – и на индй́лов. Разве ж то повод писать в свои?

Ежели на тебя сели, приняв за óвно – так уж и свой?

Впрочем, индй́лы и не такое чудили: напряги их не напрягали, противоречия не калечили, оксюмороны не ксюморонили. Главное – жить в позитиве, ходить стороною от пафосного да внимательнее прислушиваться к пузру, передку да задку, да прочим хотелкам. Не забывая, разумеется, за яркий прикид да продвинутые гаджéтины. И чтоб за всё тó – кто-то платил, и не напрягали быдловским:

«... откеле рублишки?..»

на что индилы отвечали с благородным презрением:

«... от папы, вестимо! он там, слышишь, пилит, на них и жужжу!..» –

а чей то “папа”, да о родне ли речь, или о “папике” щедром, не то о “пахане” татском, то и вовсе – о самом Папе Сво – про то интеллигентно умалчивалось...

Оттого-то индй́лы Тляху-муху и считали духовно близкой – красиво жужжить не запретишь...

Наиболее медийными индифферентами слыли:

- Ай-птички, они же – айские птички,
- Соль-Рыба, она же – Солнечная рыба, Рыба Опа,
- Рыба-Луна, она же – Круглая Дура,
- Гриб,
- Облак-маньяк, он/оно же – Серийный убийца яиц,
- Хариус-дурак-в-серебре,
- Тляха-муха.

Чúды–нёведы, или просто: чúды, или просто: нёведы

К индифферентам зверяне опрометчиво причисляли и многочисленные объекты неопознанной, малопо-знанной, то и вовсе непознанной – “запредельной” природы, обильно проникающей в сумбурный, но вполне постижимый зверянский быт.

Эти повсюду снующие сущности можно бы квалифицировать как проявление “магического”, да если б кто внятно мог объяснить, что за зверь такой – “магия” и как его съесть.

Но кем или чем чúды–нёведы точно не были, так это индифферентами, ибо, хоть и являли собой образец совершенной аполитичности и всецелой безыдейности, вмешивались чúды в геополитические разборки зверян вполне себе пристрастно – то за одну команду, то за другую.

Вот только ни мотиваций, ни графиков такого пособничества зверяне не понимали, да и откуда: чúды сами не ведали, что творили.

Не их то дело – вёдать, их дело – прокúдить да кулемёсить, да козни строить...

Оттого и считали, для пущей ясности, чуд–нёвед, всех разом, – мнимыми персонажами, фольклорным умыслом, нёбылью–нёжитью, то и вовсе – нёчистью.

Но, как и в случае с людьми, “которых нет, и быть не могло, но о которых все знают”,

зверяне с лёгкостью допускали весь этот сброд “лиха бесóвского” в общебытийный дискурс.

А коли случай падёт – ничтоже сумняшеся, пользовались их чудо-услугами, или против того – раторборствовали нёведомым злокозням.

Ведомо:

не действует магия там, где в неё – не верят!.. но буде всё же напущена – не шибко зловредит: не всею злой мóгой –

как действуют чары на тех, кто сам волшбой промышляет, кто её исповедует, кто верит в неё, допуская де-факто тёмные силы...

То же самое и к сатанизму относится – в целом, глобально... и персонально – к злотворчеству Сво, поганца залётного...

... так он, Папа Сво, и нашептал коварный вопросец, подначный, казалось бы, да заковырный:

«... коли про “силу неверия” сказано верно, – как же быть с верами?.. или со зверами... да просто с надеждой на лучшее?..»

Ответ (а он есть!) оставим для более светлого случая: негоже оным предметам с лукавым соседствовать... Напомним одно: в коннотациях рыка “не-верю!” – соль самая: “не-приемлю”, “не-допускаю” и “не-пущу!”

Наиболее популярные да медийные из чуд:

- Прокúдливо дерево, или Прокúда,
- Лешая нежить,
- Папоротниковый цвет.

Закон и Магия

Закон равнодушно (или – радушно?) не замечает магию вовсе... не видит и жертв её, и зло-деяния тех, кто водится с нечистью:

Закон примирительно слеп и выжидает... тому есть причина:

с тех, ещё запахом свежих, времён, с коих планетная живность решилась “верить-поменьше” – во всё и всему... и магии также –

сила злая нёбыти-нёжити всякой стала таять, мельчать, изникать... а с нею – и мочь ведовскáя:

и чаровнáя – та, что ведьмáчья, и учёная – чернокнижная, и просто шальная, чаще – случайная, не всегда и с умыслом злым:

от бытовых идиотов и дур – досужих начётчиков, “экспериментаторов”, “юных шаманов”, “непоротых Поттеров” – кои лезут, как лазают дети в розетки под напряжением, – в материи, недоступные разуму, но разом доступные, если – следовать “умным” инструкциям в самко-журналах...

... Сила зляцкая шла на явную убыль – но не иссякла вконец:

пóрчи да сглазы, да чёрные чмóры, да мóры с потравами – тó наблюдалось... и понималось тó верно...

... кем? – да всеми!.. особенно ж теми, кто и должен понять, кто полномочен, чтоб разбираться в причинно-следственных связях.

Потому-то горламенты разных держав и наша родная Думйла – нет-нет, да вдруг озаботятся озорством оккультистским:

по сотому разу достанут законопроект, где мягонько так, корректно, тактично, но спешно в правовое поле намеревают вернуть – не форму, конечно же – принципы, суть – “Молота ведьм”... и подобных тому профилактик...

... проект заслушивали, гра́чили бурно и – забывали... не то чтобы против кто был – ведь законники сами страдали от злых наваждений, иные ж, тишком, – и балова́ли магическим зля́тством, –

но как юридически определить, так за то и карать – чего как-бы нет, во что публично “не-верят”, но знают?

... коли ж признаться, что – есть! и в том криминал очевидный, – сила оного зла умножится кратно:

спасибо Закону!..

... так нам тó знакомо уже, проходили в запойном на магию средневековье!..

Ну, и кой прок в такой профилактике?! – тоска по кострам да ностальгия по жаркóму из мяса ведьмацкого?!

Впрочем, жлобизнес и СМИ – скоком, вбежку, вприпрыжку – готовы проплачивать и продюсировать суперпроект – шоу в онлайнe с места событий:

“Аутодафе-за-мир-свободу-любовь-и-демакáию!”

Проку́да и Пу́па

Подстать деревцо себе выбрал Пу́па, Попугай кархадский.

Волен был выбрать любое –
из древ разнovidных, на планете живущих. Из трёх триллионов.

Листопадных ли, хвойных – вечнозелёных.
Ценной породностью славных, или целебною силою. Или же –
бла́зных плодами, то и статью завидною, а ещё –
кряковистых могутою...

Улюбовал же он даже не древце какое понурое, нёклое,
а и хоть бы берёзу покляпую ту – избылинную,
выбрал именно эту сосну – вредоносную.

Не рудо́вого леса красавицу – красную, прямостойную,
выбрал именно эту сосну – виловáтую!

Многое ж в дереве том притягало непристойным комфортом...

Когда Пу́па впервые заметил его да уместился разом на облезлой ветви́не, дерево учтиво представилось:

— Проку́да.

— Барракуда? – едва вымолвил Пу́па, поджав хвостец да холодея – языком дробя́. Оттого и двойное [rr],
до́лжное бы стать роскошным раскатистым рыком крылатого мачо, обернулось досадным верезжанием:
с языком заедино мелко дрожал клюв... Проняло́ Пу́пу – и от самого факта говорящей деревесины,
и от зловещего имени, сулящего Попугаю одно: нехорошее...

Ответа не последовало.

Смеркалось.

В оти́шие оливных сумерек по-та́тски вник озноб барабанов, следом прокрался вязкий плач.

Небеса осиялись сполохами. Поились невидимые миру слёзы. Но попугаев при том никто не ел. Не кушал и даже
не покушался... И Пу́па, тем фактом слегка умирённый, деловито опростался с высоты положения на низы и
копошащийся там быт, утопив по́ходя в своём гадком досужую Ули́ту, невесть зачем шлы́ндящую нагишом, без
ракушки, промеж гнуси, бытующей в древесном подножии. Ули́та тотчас предложила кому-нибудь сдать́ся: а вот
хоть бы Проку́де! что дереву мимолётно польстило, и пожаловало дерево слизню за речи верные премию
литературную. Не само ж, ясно, жаловало: к Букову Пню отправило – к своим, к приваженным утыркам да таким же
улиткам поближе, от себя же – подальше:

хоть и ничтожен да мал моллюск ули́точный, а всё ж – слизень: мерзко!..

И другой раз спросил Пу́па, уж с большею доблестью:

— Барракуда?

Тогда только в ответ и скрипнуло, то ли верескнуло, пропело ли:

— Можно и так. Даже лестно.

Осмелел чуток Пу́па. Ну, говорящее, так говорящее, мы ж с понятием: хочет древесина немолчать, пусть
немолчит. Хоть мычит! Лишь бы политкорректно.

— Не надо барракуды. Попугай не любит барракуду. Барракуда дискриминирует ранимую эстетику Пу́пы.

— Тогда – Прокуда. Просто Прокуда.

— Прокуда – политкорректно. Прокуда не ущемляет хрупкую самоидентичность Попугая.

— А барракуда ущемляет?

— Барракуда прямо указывает, кто кого будет есть... А долженствует быть обозначенным равный выбор
быть съеденным для всех участников процесса.

— Ну-ну... – и дерево надолго замолчало:

даже ему, проку́дливому, стало тягостно и уныло от экспромтом явленной неполживой правды...

И в дереве проснулся стыд: не вообще стыд, а стыд от присутствия в о́ном – в происходящем. Но и того было
достаточно: всполошённые личинки долгоносиков, да община жучков-короедов, да прочая гнусина всякая
спешно затеяли исход-миграцию, предвидя большую беду от убудившейся прокудливой стúды...

«... дуплѐц, ну точно – дуплѐц! Худоумец! У него ж вся тель в голове вытлела, да взамен трухою забилося», –
подумалось дереву... О дуплах оно знало всё, и знало: сие неизбывно, неизлечимо...

«... дуплѐц, дурак, глупый зверь, скудоумая птица!»

Древесной своей пронизательной чуйкой Прокуда безошибочно определил в Попугае “хомячковую ость” с её
сопутной хлúдой скудных желанийц да гаденьких хотелок, да зѐложгучей потребностью казаться могутнее, круче,
самее. Но самее не “по са́му”, а за счёт присутствия в кадре, в соседстве... Да не просто в соседстве: в присусе-
дивании к чему-либо истому, всамделе великому. Вот здесь и сейчас – к нему: к Прокуде толи́кому, выдававшему виды,
и всех выдававшему, включая себя-возомнивших, в их числе Попугая...

... так то́ ж и личинки, и черви, и прочая вся́кость – копошились в телодреве Прокуды, в корнях ютились, их же точá,
пожирая, – не токмо ради одной дармовщины! А всё и по той же паскудной причине:
вкусив от великого – к нему ж присосаться, да вместе – и в вечность, в долгую память...

О трёх триллионах деревьев планеты Зелёна

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’
| авторский парафразис

Мудрецы зверяньские перьев сломали немало, хребтов,
да тератонны грантов поели, классифицируя,
учитывая да подсчитывая планетарное имущество,
кое же зверяне наивно, бесхитростно, нагло
считали своей свойственной собственностью,
доставшейся им по факту присутствия рядом.

Впрочем, так же в Мирах своих поступали и все,
лишь стоило им научиться считать –
все aliquis sapiens: “кто-то мудрые”.

Что интересно:

на деле было лишь то, что было,
и сколько этого было, столько и было.
Чего же не было, того и не было.

Но мудрецы не могли сойтись даже в том, сколько
твердей, водой окружённых, считать Сушами,
сиречь – континентами, материками...

Да что мудрецы! Правительства разных держав
законами декларировали количество Суш на
планете: в каждой державе – своё.

Одни утверждали: Сушами следует звать лишь
четыре глобальные тверди – супертверди.

Другие высили ставки уже до пяти.

Зверомирцы же, в единении редком с кархадцами –
шесть заявляли.

Большинство же азийцев, а с ними – вропейцев
грудью стояли за то, что Суш ровно семь.

Льды Арктиды при том не считали.

Лично нам больше нравятся
две наивысшие ставки – обе сразу.

Посему на вопрос: сколько ж Суш на Зелёной
планете? – твёрдо ответствуем:

На планете Зелёна Сушь где-то шесть где-то семь.
Это точно.

Примерно так же считали деревья.

Сказание о Прокудливом дереве

небыль первая

→ По зверянской типологии прокудливое дерево, или Прокудливо дерево, как его величают сказители, или Прокуда, как само себя рассказывает, – есть чудо-невед, обитатель Срединного Мира, то есть не Верхнего.

И не Нижнего, которого нет, как такового: Нижний Мир существует ровно там, где его готовы принять да собою кормить.

Срединный же Мир кормит сам:

и жизнь, в нём квартирующую, и нежить, заглянувшую на запашок в Мир сей – от скуки ли, другой ли какой надобой вередной, да в миру и застрявшую.

А прозывают жильцов тех нежитных, на постой не званных – чудами да неведками, то и просто нечистью, или вовсе небылью...

Внешностью ж Прокудливо дерево – изрядно отвратно:

гунявое сплошь: лысое, да к тому ж виловатое: кривульное, изломистое.

Лишь на паре-другой из ветвей корявых редко лепятся кустики хвои: с рыжими иглами, да напротив каждой рыжей – по игле синей.

Ещё и дуплястое...

А задайся вопросом: по причине какой, какой лешети ради – страховину ту приютил белый свет? Ответа и нет.

Но само-то дерево – не безмолвное, не молчащее: говорящее, к чему приспособило дуть свою – дупло, вытлевшее в гнилом нутре. Образовавшаяся при том пустота, словно путаная пещера, вторит извивам ствола... Сия полость и есть акустический причудливый резонатор – и гортань, и глотка Прокуды, откуда могут вовне вырываться диковинные, не всегда благозвучные звуки: то глухие, рокошующие, то бурлящие, булькающие, то урчащие, то свистящие.

Дуплина ж сама – расположена в комле от корней невядале: чуть выше корневища, отчего расползающиеся жирными змеями да хваткими щупальцами корни Прокуды, когда их видно – а видно их бывает изредка – выглядят в точь борода лютая, поделённая на суверенные космы, каждая – самостийно алчущая...

Впрочем, древо чаще является – там, где является – без выказывания хищных корней: сразу с комля торчащим из тверди, предпочтительно – скальной...

Вкруг дуплины ж безобразной губою лепится трутный нарост, гриб древесный: дупляница, а торчащие с-под него частоколом затвердевшие щепы смотрятся зубьями, то и клыками, да так-то и есть.

А вот пташки какие добрые, славные – трясогузки там, дятлы ли, буроголовые гаечки, горихвостки ли, поползни, вертишейки, да мухоловки-пеструшки, да голуби-клинтухи, или утки: мандаринки да гоголи – в том дупле не селились, хоть гнездиться по дуплам им прибыльно.

Даже дикие пчёлы то дуплём стороною облётывали:

не видать Прокуде бортевых мёдов!

не изведать вкус терпкий да вязущий с горечью – мёда дикого: чёрного дупленика, не усладиться нектаром от медоносов лесных – то плодоносных, а то луговых – разнотравных, да от медвяной росы – с листьев клёна, орешника, дуба, осины иль ясеня, да от падей – липучего сладкого сока отхожего, что выделяет тля всякая да ещё листоблошки медяницы, в чём полезном ином они не замечены: зело вредные...

Хоть и было дуплявым дерево, да не было глупым – ох, как не было! Горе тому, кто считал его дуплецом – сиречь “худоумный”, “дурак” в зверословии.

Дуплецом же был тот, кто с ним дружбу водил, да в союзы входил, да в товарищах числил: дуплёт-то Прокуда совсем не дуплёт, но – подлец!

Мудрецы ж величали дерево “дуровом”, сиречь тем, кто дурачит, дурит изрядно да ловко.

Сказание о Прокудливом дереве

небыль вторая

→ И прочих достоинств полезных у древа имелось богато.
Главное ж было: проку́дливость.

А “прокудливый” – то не просто шалун да проказливый:
шалун пакостливый!

Все деревья такие по природе своей – вредоносные.
А в придачу к тому – дюже буйные, необузданные.
И злоблiвые, и злодушные. Злоковарные да злонырные.
И злонравные, и злоумные. Злоязычные да злочинные.
Ко всему ещё – и злоплодные.

В общем, недобрые то деревá, и характером, нравом – прескверные.
А к зверянам они нелюбезны особенно: в зверосердии не замечены.

Наипаче ж всего дурно славились за охочестъ к волшбе, к тёмной магии:
вередíли они да кудесили, ворожили они да ведьмачили,
словно тем одним только жили, ровно тем одним и дышали.

Говорили ж про то, запредельное, очевидцы и вовсе немыслимое:

- мол, без ветра то дерево шумит бóром густым,
да что там без ветра – от листвы пустым!..
- мол, даже средь пустоши древо такое,
отшельно торча злоколюче,
вкруг себя заплутает, заблудит любого,
как в чаще дремучей...
- мол, коли ж оно упадёт или срублено будет рукою могучею –
то завалится ровно на запад, а срубивший его неминуе –
отсель и отныне – уже обречён: горюшко мыкать, зябнуть в беде,
да небóгим мыкать по свету – шататься в нужде
да в злбiи,
обмогáясь даянием редким да пособием,
да дотациями и субвенциями,
да кредитами злопроцентными,
да сгнуть вконец от скотоколлекторов, которые вроде бы
рождены на той же земле, в той же Родине,
да не родные они, а – урóдии!..

и разного много другого болтали, да больше всё те, кто сам и не видел... а поведать-то – хочется: зéло зудится!..
Или видел – да дулю, писал – же про пулю... А коли и видел дельное что – сантехнично оскáзил:
клеветой окропил, ославил исподним, хулой охули́л, да вовсе заврал...

Блаблáгерами, и блюблyгерами, и плутблyдерами таковые себя именуют с почтением.

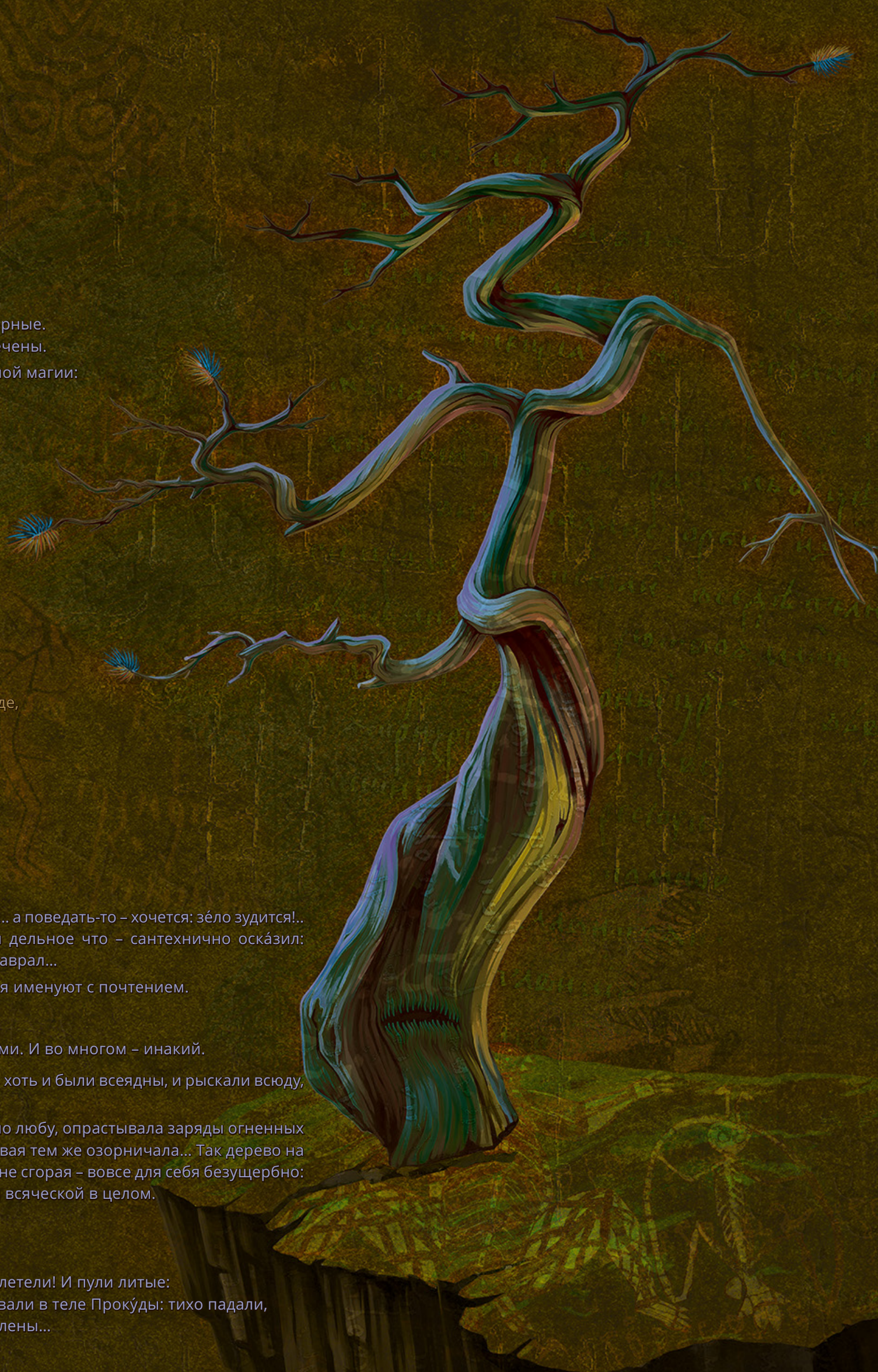
Но! среди злых деревьев Проку́да особенным был – первый над всеми. И во многом – инакий.

Даже пожары и молнии стороною старались ходить от Проку́ды, хоть и были всеядны, и рыскали всюду,
жгучей алчбóй понуждаемы...

Разве что какая глуподуряя огневщíна, не найдя себе жертвы по любу, опрастывала заряды огненных
струй на Проку́ду. Да ещё вот шальная да шалая молодня шаровая тем же озорничала... Так дерево на
то полыхало в ответ приветливо, да радовалось, от того ничуть не сгорая – вовсе для себя безущербно:
супротив не только законов термодинамики – феноменологии всяческой в целом.

Впрочем, и супротив статистической физики – так же.

Но ведь и калёные стрелы, пусть и умельцем запущены, мимо летели! И пули литые:
будь то свинцовые, будь то золотые, а и серебряные – не застревали в теле Проку́ды: тихо падали,
не долётывая, близъ подножия, будто чем невидимым остановлены...

Сказание о Прокудливом дереве

нёбыль третья

- Прокудливое дерево на голубом глазу возводило свою родословную к тому самому Апельсиновому дереву Лиха и Блага, которое, по слухам, обитало на Острове Янтр.

Верила тому, впрочем, одна лишь Кабаниха Ху, которой всё, относимое к Апельсинам, святым представлялось. Так ведь Кабаниха при том Прокуду и не видела, и не могла никогда! Как в упор не замечали его прочие зверяне, кроме Рысь-Рўси, Попугая кархадского да Сказского Тура, без того всяко повидавшего.

... И когда дўрово предстало рысьему взору на гребне Тулымском, – никто не поверил. Многие ж и захаживали тайно: подглядеть да поразнюхать, но все в один рык твердили, клыками клялись: нет ничего на гольцовой вершине Тулымского Камня – нет ничего! кроме ягелей, мхов, да спящих курумов, да скальных останцев: болванов да тўмпов...

... Тигр приходил, как бы за тем же, а больше на Рысь повздыхать под важным предлогом; местная живность по норам забилась, кто и отроду жил не совсем чтобы нўрно; даже злая нежить лесная укрўмилась, робея тигриного люта... Но и взор поэтический Тигра, хоть и зёло приветливый тайному, от быта сокрытому, – даже взор поэтический Тигра той сосны не узрил!.. Да свидетельствовать Тигр в том не стал, рыкнув на камеры: «Рыси виднее...»

... Белведь инспекцию присылал, комиссию дюжемочную: из трёх Врўнов учёных да двух Важных Песцов в шубах навькат. Поели те всласть, наотмашь попили, почудили чутков да брифинг затеали:

«... Всякое, – говорят, – едали-видали на обильном на виды да нёвидаль Ур-Але:

— Семь Столбов, семь останцев-болванов, Семь Братьев, застывших в серицито-кварцитовых сланцах навечно на Плато Маньпупунёр, также славного белыми мхами, – то видели собственноглазно, воли век не видать, коли брешем!

— Писаницы на скалах – петроглифы, тайные смыслом да вязью затейные, молвою людям приписываемые – людям, которых и нет, и быть не могло, но о которых все знают, – то видели, нюхали: рядом на скалах за то расписались!

— Метеорит нерукотворный Челобинский – был, грозным взрывом своим зёло схожий с кинетической дурью стратегической гиперзвуковой, но то всё наветы: дуры не было – а был каменюка небесный: сами осколки в лапах держали, нюхали, грызли, с пристрастьем пытали – съесть то не съешь, на сувениры – покатит; мудрецам же местным, что осколки добыли, да казус случившийся по уму разъяснили, – гранты раздали, всё целиком, честно-песцовое: да и что там отжать – не смешите!

— Даже Три-Разом-Светила видали... сосну же искомую, именуемую оной истицей, Рысь-Рўсью, Прокуда – не видим! Нет тут сосны – совсем никакой! И прокудливой – тако ж! А вот ниже по склонам богатства лесного в поживу – изрядно, и стоит всерьёз озаботиться их отсвоением: пользы державной, разумеется, токмо, чем и готовы лично заняться...»

Пришлось же Рысь-Рўси тех Песцов придавити, а и́наче – как же?

Ну а Врўны, такое предвидя, слетели в свои восвося задолго до того: живы покуда, пишут явки с повинной,

**но средства казённые каркнули в нёбыть, как было и присно, будет во веки и ныне:
без умыслу, как-то нечаянно, и навсегда...**

... Комиссии-то комиссиями, скептицизм – скептицизмом, здравый смысл – кто же против?!

Но стоит Рыси лишь рыскнуть на гребень скального крупа тулымского да улечься на излюбленном камне-останце под вечер – и вот она, будьте любезны: сосна гунявая, извўистая, верёдная.

И в корявых ветвях её – уж мерзкий попугай изголове: сидит-поджидает с речами липкими, бестолковыми, кулемёсными, да ещё и с вопросами пакостными...

И верно: нехорошая, злая сосна – прокудливая. Магия чёрная...

И комель ствола, и его го́ломя, да и ветви, и сучья: все цветом – совсем неживым, невесёлым...

Чего ж та сосна прилепилась к Рысь-Рўси?

Сказание о Прокудливом дереве

нёбыль четвёртая, концевая

→ Более всего Проку́ду угнетало безделье да праздность. Пребыванье в делах, сиречь в занятиях насущной креативной злокознью и значило для дуро́ва: “быть”, “существовать”.

Тогда-то оно ликовало, цвело, да цвело наизнанку, наоборот: не от голого к пышному, а от густости к лысому.

От скуки ж, в досуге, напротив того: затевало густеть-зеленеть пышной хвоей, пятиться вспять – к жизни зеленью, да, опомнившись разом, возвращалось к привычному, лысому: не пристало коряге, себя уважающей, услаждать красотой прохожие взоры. Неприлично порядочному злу бездельничать, себя не чинить, вредоносный свой гений таить, а не щедро дарить его – горем являть да лихом неожиданным! Оттого и фамильный девиз, оставшийся от затерянного в веках родового герба Проку́ды, малопонятный иным, но для дуро́ва – наполненный смыслом, гласит:

- «... дуро́во назад не пятится – ни завтра, ни вчера, ни в пятницу!...»
- Но:** было дело, чего уж там, наслушалось как-то дуро́во Голосов всяческих праведных, сладких, да внезапно и возжелало выправиться – поправить, то и больше:
- свѣтло думить и свѣтло дышать; да так же запеть;
 - сбережения все, без остатка! перечислить в Зверосердия Фонды: СМС-ками благостными, платными;
 - приодеться позитивом в обтяжку;
 - усыновить личинки Долгоносиков и Жука-древоточца, да ещё Лубоёда-жука, что из трудовой династии Короедов выходец;
 - древесный приют из себя учинить для гусениц всяких, да тлей, да прочей досадной гнусины: оводов, мух, комаров, червяков, да крыс, да иных грызунов, что корни-стволы у деревьев точить приспособились: пусть им будет, тварям, комфортно!
 - да после податься в стада волонтеров: окучивать хрены на грядках да околачивать плодоносные груши, чтоб падали груши, но чтобы небольно и грушам приятно;
 - затеять флешмоб актуально-эпический, скажем: собрать позитивных Репьев, именуемых также Лопухами Большими, да выстроить их немаленьким смайлом: “смайлище обло, озорно-огромно, стопятьсотзёвно и позитивно!” А учинить тот пафос эпический – на месте пшеничного поля поболе, чтоб из космоса всякий, проходящий по случаю мимо, такой позитив мегаформата мог заценить без телескопа, да сразу проникнуться! коли ж доставило – так и лайков отсыпать!
 - всяко ина́ко благо чинить да по-совести-жить против лиха...

Но: выправленным быть да правильным – как-то се́ро да пресно: до тошноты. А светлые думы влекут за собою мутные будни. И свѣтло дышать – шиш покуришь...

Но всё же, всё же... С тоскою заглядывался порою Проку́да на стройные рудовые леса, на кряковистые, кряжестые дубы, на стать плодоносных гордянок-спесивец, осыпанных щедро плодами пахучими... Ему же, Проку́де, достались в удел лишь редкие шмотья высохшей хвои: бурнастой – рыжей, да тускло-синюшной. Да ещё вот – застывшие брызги то ли смолы, то ли чьей-то проклятой памяти, но и те – не россыпью дивною скатного жемчуга, а мутными бурыми ляпками...

Посему и искало дерево-дуро́во иные Просторы, где иная судьба – для таких...

Ведь каждый Простор – он с собственной Волей, и где-то же есть – быть должна! – дурья страна, дурья земля, дурьи просторы, где Проку́ды – свои, где вся жизнь – кулемеса, вережда́, виловатость, извѣистость, проказа да пакость.

Из вѣдомых дуро́ву стран да просторов – на то не тянул ни один предел, даже Западл – со всей его ливерастной гнусью: гнусь лапотворна, и ходит на лапах, она не есть соль земли, она только плесень. И разве же Западл столь монолитен? Разве уж всё там изъедено ржой? То пока ещё – под вопросом... Нет! Дурья земля, она – где-то там: в непроходимых, бездонных болотах, затянутых по́верх зыбуном да трясиной! Где обитают, да там же и роют рудознатцы косматые – в топях, не различая жилище и копи! Да ещё кузнецы вида зверского козни куют на дьявольских кузнях, да лютый металл льют для чудо-хреновин, что сами собой будут жить, а над живностью – властвовать!..

Есть та земля! Есть дурий край, тонущий в тѣмах, тающий в тѣмах – до времени тающий: ждущий черед свой – всё поглатить-проглотить...

А значит – и дуро́ву ждать.

Эхо Сосны

Пока ж суд да дело, да ожидание, дабы зеленью не загуститься да не зацвести ненароком от беззлобия праздного – затеяло Проку́дливо дуро́во вередный пустяк: проказу смутную, местечковую – ради тренинга да вялого смеха:

корпорацию учредило медиа под лейблом-прозвищем звучным: “Эхо Сосны”. Да возглавило – но хитро́ так, со стороны: токмо Совет Попечительный, подставных же начальников-попок в избытке крутилось.

Чаще ж иных залётывал Пу́па, тролль да вратель кархадский: вот уж кому тут было и любо и сытно! – ведь всякую птичность, на Эхо залётную, Проку́да подкармливал знатно – гнусиной древесною всякою:

опарышами да червячками, да личинками, да жучками короедными и гусеничками, клопами вонючими да мошкой, блошкой, тлями и разной иной птичьей сладостью... и птичность та благодарная нащебетала девиз-квинтэссенцию для корпорации –

ма́ксиму, императив, модус вивенди и операнде, к заучиванию и исполнению обязательный всем – прибывшим и бывшим – подобно Уставу:

«... От “патриотизма” нас вишне́во тошнит, и мы блюём:

болотными опарышами, ла́рными клопами, гуллявыми тараканами, землячными червяками, мельничными хрущакami, шустрыми гусеничками, гнилыми орешками, берцовыми косточками, ко́ховыми палочками, капустными вошками, костяными блошками, боровичками да поганками, непереваренной ша́ндрой, кишечною ахинеею и старыми макарóшками!.. ещё и понóсим...

и Эхо этого нашего смеха доносится!..»

... А и потешалось же Проку́дливо дуро́во всласть да над всеми: и кто вещал, и кто слушал, и над теми, кто верил, и кто брызгал слюной, опровергая да споря, –

все ж они испепеляли время жизни своё да чужое: в зряшном, пустом, злоязычном, смысл себе обретая в яростных гра́чах...

Всего ж хвостовых перьев у Пúпы и было – двенадцать, так ведь тó – до встречи с Рысью.

А уж как после стало, да и осталось так безвозвратно, о том скоро поведаем.

Здесь же, к месту, добавим: опёрье хвостовое у Пúпы, всё вместе взятое, в колесо павлинье как-то не складывалось. Да и в индюшачье – так же. Больше всё “как бы”:

“как бы плюмажем”,
“как бы султаном”,
“как бы веером” –
прорешным да потешным...

Пупа в цветú

О себе птица Пúпа вещал исключительно в третьем лице. И это правильно. Первого не было. Как и второго.

При том распускал хвост колесом: пóпным плюмажем, на манер гламурной курицы Павлин. Или надменного Индюка, петуха йндского: не того индского, который из Индии, а того, который индýл.

Молвить по чести: Пúпин хвост жидковат был да мал – куцеват для такого пафоса видного.

И не долгопёр вовсе, хоть с павлиньим, хоть с индюшачьим сравни: Попугаев-то – пúком торчит на длину в полтушки всего, считая от хлúпа, сиречь – копчика, тельце заднящяго, он же – хвостéц, или гузка...

Так и цветом хвост: чёрный. С намёком на пúрпур, но всё ж – чёрный...

Оно и выходит: смур да куцеват хвост Попугая!..

Тó, правда, кроме двух центральных, рулевых перьев: те уж длинными выпирают выстрелами, остатнее хлúповое оперенье втрое превосходя, а опახала их – от стеблá исходящие, цветом багрового, – знатными полутонами густо-красного отсвечивают.

Того ж расцвету – пунцá переливчатого, багреца, порфира – у Пúпы и ещё два больших пера в наличии: ма́ховых, по одному на каждом крыле, счётом от внешнего края – вторые. А ещё и пару рядков перьев малых: покровных, краем идущих по крыльям, с плеч начиная – тех, что набегающий встреч ветер первыми лóмят... Так перья те краевые Пúпе подобными представлялись эполетам легионерским – красным, с красною же бахромою, – чем и гордился немало.

С раннего детства, с пухóв младýх – восторгался Пúпа изрядным своим красным, веско и брутально добавляющим оперенье, во всём остальном же – чёрное, исключая подхвостье: собственно хлуп да прилегающую часть тушки, кои опушенý пером окраса весёленького, да не природного – крашенного недёшево в модной салоне стилистом вихлявым: в ЛГПТ-щечку, сиречь – шестью ЛГПТ-красочками, что уворованы паскудниками от многоцветья благородной Радуги. А крашено так не дизайну рáди – зарадý пущего срама: подстрекающего да дразнящего.

Вот тó и звалось на щебете птицы продвинутой: **кружевным или кружáвчатым хлúпиком**, что идейно равно “**кружевным трусикам**”, воспетым эпически людоидами Голúбой планеты...

От того же вихлястого Пúпа и много чего нахвтался. Стал вот разом опёрье своё: “позиционировать”. Да всё как-то брэ(н)дово, возвышенно: “перьё от Вриони”, да не всё “от Вриони”, местами – “от Хуччи”...

Для красного ж цвета многодúвного – Попугай и словца заучил красные, небанальные, самобытные, дабы умностью щегольнуть в *свете высшем* – при случае, коли случай такой представится:

- цвет сангины: смесь охры с сиенской землёю,
- цвет карминный: маскулинный, сексистский, ибо только из самок червецóв кошенильных творится,
- цвет фáлунский: цвет красного домика с картофельным полем, – идиллии финской,
- цвет тициановый: золотистая медь, – так самочьи гривы любил рисовать король живописцев,
- киноварь: кровь драконья, ртути сульфид, от болезни постыдной також полезна,
- терракотовый цвет: цвет исходной земли и древних ваяний,
- жжёная умбра: хоть с охрой и схожа, да имя своё от “тени” берущая,
- и бордо: цвет вина из Бордо, от красных сортов винограда,
- и бургúнди, бургúндский: цвет винтажный, вина – от виноградов рубиновых, с пурпуром...

На большее ж Пúпиного усердия не хватило: обилие “красных” слов да смыслов утомляло. И удручало: сокрытым в их коннотациях варварством, некомплементарностью, неполиткорректностью.

Не хватило и Пúпиной оперативной памяти. Впрочем, на что и хватило – забылось за ненадобностью: в *высший свет* попугаев не звали...

- ни в племенной, родовитый – надменный, кичливый по причине породистых генов, но спесивей стократ от наследных угодий, ленных выпасов, да в избытке добра, отжатого их лиходейными предками: ви́кингами да варягами, флибустьёрами да буканьёрами, ушкúйниками да корсáрами, кáперами, печели́нгами, гёзами, приватýрами да приватизáторами, конквистáдорами, копира́стами да буржуйными компрадóрами... словом, всех мастей мироёдами-тáтями, первоначальный капитал не в первой загребающих, да и каждый раз к Марксу ограбленных всех отсылающих... что ж до “породистых генов” касаемо: поголовье в том “зверообществе высшем” – от веку рогато: и не столько по внешнему виду, сколь от самок по факту, и где-то – по культу, к Папе Сво нисходящему...
- не звали и в тот, который сам себя величал: “элита”, “соль земли”, “сливки стада ”... и на который породистые – хмыкали криво, а те, кто здоровьем душевным не обделён, кто не был в подельниках самоназначенным “избранным” – кублáм да тúсам, кланам да сворам, – те и вовсе на тот *высший свет* хохотали:
 - «... вот это – “элита”?! эти вот – “соль”?! это-то – “сливки”?! да не смешите!..»
 - «... вот, разве, – “слюна”, “сопли”, “сплёвки”, “что слито” – тó да, тó возможно!..»

клыки же да когти при том усердней точили:

сколько их, корóстой наросших “элит”, “высших свётов” – отколúпано, кануло в лету! да тлеет костями: что в полях – в перемес, что в подзолах, где лес, что в расселинах скал до небес...

Для людянского взора кархадский Попугай видом своим несуразным, не лишённым, однако ж, и некой графической затейности, одновременно наполнил бы:

и людянского *Орлиного понугая* *Psittrichas fulgidus* – телом, красно-чёрным опереньем и пышным чёрным жабо с белёсыми окантовками пуховых перьев на нём,

и *Чёрного какаду* *Probosciger aterrimus* – головой да хохлом: перья чёрно-грифельного цвета с фиолетовым отливом, щёки при том не оперены и имеют мясной, а при возбуждении ало-красный цвет.

Крылья ливер-Попугая имеют во внешнем ряду пару красных маховых перьев. Красное же – и одно центральное перо хвоста, хотя от рождения их было два.

Задняя часть тушки, начиная от кончика хлупа, сиречь хвостца, или гузки – опушена шестицветьем ЛГПТ-красочек.

Лапы – чёрные, когти – красные, клюв – чёрный. Пуховые штанишки на лапах – чёрные, с небольшой оторочкой в нижней части тёмно-тёмно-красным.

... и, ровно так же, как людянские птицы *какаду*, птица Пúпа славился изрядной скверностью характера, истероидностью да взбалмошной агрессивностью, чего уж не выправить.

А в помноженье тому – дюже злопамятен, и в том усердии память его совсем не коротка, как в ином многом!

Птица Пúпа, Попугай кархадский – дюже ливеральная птица, обитатель Зверильника, гражданин Кархадской Унии, штатный стукач и волонтёр-осведомитель, засланец Глобальной Силы Добра, – обильно шастающий по всем просторам, особенно тем из них, которые неподвладичны Кархадской Унии.

Да не так чтобы от скуки в досуге блудит Пúпа по иным долам, высям да весям – с благородной блудит миссией:

оливерастить те варварские, нецивилизованные пока ещё Западлом пределы, принести им в клювике весть благу:

о сияющей завроСвободе да прилагаемом к ней бесплатном, но обязательном пакете с ливерценностями...

Пúпа и его попуганда – всегда предшествуют миролюбивым “ударам милосердия”, испепеляющим экономику несогласных Просторов,

да грядущим за ними следом “гуманитарным бомбёжкам”,

с поддержкой точечных крокодиловых слёз, – поелику или аще увещеваемая сторона до сих трепыхается.

Пу́па в говору́

... распускал хвост колесом: как бы плюмажем, да и пустовракал, пустобаил, пустомелил... всё больше: вéрезгом, тараща при том хлúпалы навывкат багровыми сливами... да и гадил обильно...

... балаболил, молот без останóву, резал кривду-матку...

... расходясь нешуточно, отчего сам вдруг себе верил, а тогда уж – зачинал еро́шить да ды́бить перя́к: хохол свой, да не тот хохол, что плюмаж на зад, а тот, что гребень на голове...

... и вещал, верещал, источал из клювища всё, что с худых мозгов на язык текло... но и то́ – не своё: что пролетало от уха до уха, чуток застревало, да промеж ушей чепухой оседало...

... и наболотил же себе мозги Пу́па – преизрядною дрянью!

... оттого и текло: изустно – звучным хлúдом, в завронет – буквенным флúдом.

И если большинству зверян естественна жизнь на ходу, и, как следствие, – смерть на ходу, то Пу́па жил в говору́: обо всём и много, обильно да убедительно, да больше: повторками.

Вторил же всему кархадскому, за́падлому. Да не за всеми – одно только за теми, кто силу промеж звероидов набрал, буде и косноязык, и туп, зато при клыках – наглядных, доходчивых, неопровержимых, аль при средства́х – весомых, неоспоримых, на депозитах тучных...

Но даже чушь, вздор, пустовщина, бредня какая – и те в исполнении Пу́пы становились уж вовсе пошлыми, гадкими, мерзкими: хлúдой кулемéсною.

Вот иные толк говорят, когда и врут, когда и злоречат. Такого послушаешь, да содрогнёшься вражине коварной, лукавой, замышляющей. Иному и подивисься, восхитишься супротив воли:

ай, красава, ай, да загнул! эх лихо-то пули льёт! како размашисто да како казисто, стервец, заливает!..

Пу́па ж – кулемéсил, всегда кулémесил: нёс гиль, гниль, мутную путанность да скучную бестолочь.

Так и по жизни был – кулемéсник: вовносил везде сумбур да разладицу.

И подельники его, заединщики-ливеры – тако ж пакостно жили: заприметят где что, ладóм да миром, да согласием приумножаемое – завтра ж туда и кулемéсу запустят, да не простую, стало быть: разноцветную – управляемый Хаос ещё прозывается... а смúтни те замутивши – с того ж и прибыток поимеют постыдный: на чужой на беде наторгованный...

... да ещё потешаются – над учинённою ими ж замя́тней, ими ж намученной смутней...

... ибо для них, копыто-и-лапопожатных, – те, кто подговóрным движухам поддался – “неудачники, лузеры, вата, быдлó, биомасса” – жертвы и есть!..

А всякая жертва, как то очевидно скоту-неполживцу, – сама ж кругом во всём виновата!..

media | ‘Рык Зверомира’ N 1 | Тигр, ‘Рожны́ и рогúлины ливерасти́и’
| фрагменты статьи

Оттого и так пристальны мы, так дотошны – время доброе тратим, толкуем о дискурсе вражьем:

о токсичной семантике вздора, о “неполживом” язвенном слоге да попугáндовом за́падлом смоге:

ибо кислотный туман тот – увы! всеместен уже на Зелёной планете: разъедает и долы, и веси, и сами Просторы.

То – не есть лишь словесность, то – война!

На войне ж – не кукарекать, не бляеть – боева́ть надобно, ра́товать:

рать на рать, клык на клык, брань на брань – да стократ вражи́нного лютее!

И язык наш родной – в том оружие грозное, сила ярая!

с ядрёной рудой урановой нравом схожая:

ведь сама по себе та руда не за мир, не за злобие: смоляная ли вовсе убóгая, коли не знать, как богатить да использовать: жизни – в подмогу, вражине – в остратку.

Такая о ро́сском родном языке актуальная сказка.

Иные вот нас уверяют:

война, мол, – категория историческая, метафизическая, нам неподвластная, – данность, мол, средство прогресса!

И вóйны не начинают: дескать, вóйны сами приходят...

На ту кулемéсу ответим:

и верно, сами приходят! Да ломаются в дверь от стороны зверосердных соседушек...

Да ещё через окна ли форточки Овертона...

А ряжены войны те, для затраву: как фри́ки, как кулемéсы!..

Пёрлы от Пупы

сиречь – нравоучительные повторки, крылатые слова да пернатые фразы, вещаемые непременно менторским тоном – с выражением да значением, да с пальцем, взмётнутым к небу шишом, – и не к месту всегда... а где ж, позвольте узнать, такому и место?

«Попугай есть птица креативная, сгусток интеллекта!»

«Быть правильным – неправильно! Правильно быть рентабельно!»

«Без Свободы испражнений немыслима Свобода слова!»

«Без Права на измазаться и опуститься – бессмысленно Право на возродиться!»

«Попугай звéрит в кархáдскую исключительность всеми перьями своего хлúпа!.. И тúшкой тоже!»

«Свобода кухни привела к Свободе Совести... Такова же роль Свободы Испражнений!»

«Право гадить – незыблемо!», «Право “нагадить” – естественное Право!»

«Незыблемо и Право первого обкáка!..»

«Скот – мера всех вещей. А Пúпа – совесть!»

«Так поедим!.. » – очевидно, Попугай имел в виду чуток иное: живопýрный клич *«Так победим!»* да выходило именно: «Так поедим!..»

По ходу спецкомандировки “внедрение в Росские просторы”, прямо скажем: протекающей непросто и болезненно, обогатил Пúпа свой лексикон свежевывстраданными откровениями:

«Как у вас тут тускло, нерадужно и пахнет нецивилизованно!.. Где Свобода испражнений?! Где грязь и травки в шаговой доступности?! Где г*еи, наконец, в ассортименте?!... Пúпа в шоке!..»

«Мы призваны и избраны: мы демонстрируем! Даже когда безобразим!.. А вы безобразны по факту и априори!»

«Ни в коем случае нельзя сравнивать ситуацию с нашими безобразиями со случаями безобразий ваших, потому что это так потому, и это очевидно... Ваши безобразия – ужасны, чудовищны, отвратительны!.. А наши безобразия прозрачны и открыты всем!»

«Если вы такие умнящие, почему вы такие безымущие?»

«Ценят не хвост и не клюв у птицы, а сколько у неё бабла за границей!»

«А разве ты не хочешь кружевного хлúпика?!»

«Клюв правды не заткнуть! – он хитро устроен: есть запасные отверстия!..»

«... верните перья!..»

«... с попугаями так нельзя!.. Жалкие, ничтожные звери!..»

«... такие вот звери и называются быдлом! – которые сообчá завидуют Попугаю, говорят о нём гадости и ощипывают!..»

«... да, вру! Но вру искренне!.. и во имя торжества правды!..»

«... э, нет! Свобода не значит свободу всем от всего!
Так – только для нас, для её носителей и разносчиков – цивилизованных, избранных, исключительных!.. Нам – свободная жизнь, вам – свободная смерть!..»

«... а нас-то за что?!»

«... это чудовищная, лживая клевета!..»

«... пожалуйста, не ешьте попугаев!.. Попугаи хорошие – у них совесть и ум!»

Бывало ж, подслушает где Пúпа словцо позаковыристей, да и носится с ним в клювике – от мысли до мысли, приставляет красы ради куды придётся, чем и демонстрирует зéло дюжую артахусную высокодуховность:

«... децибелов правды не заглушить!.. обратно ими не заткнуть!.. тортами-яйцами не закидать!.. за нас – шумы квантования и Закон Фехнераи–Бебéра!.. Так поедим!..»

К слову сказать, **“децибёлы правды”** в попугаевом верезге звучат иначе как-то: **“дебíлы правды”**, но то, согласитесь, мелочи, то – детали. Главное ж – настрой позитивный! И оптимизм неубиваемый. Что в Рóсских-то Ёмях и всякому ливеру нелишним пожелать будет.

В защиту Попугая

Конечно: иной раз и Пúпа изрекал что дельное. Да цена той дельности: грош! Червяк на притраву.

Не нами подмечено, да нами сказано: из уст таких и правда – ложь, а истина: отравла! –

И верно: что есть истина и что ест Пúпа?

За истину – то никому не ведомо, а за рацион Пупин – даже очень: ест Пúпа шелуху семенnúю да иную всякую, то и сами семена, невзирая, что семечки да зёрнышки – **онижедети!** А укромом, тишком – не брезгует и личинками с опарышами, да ещё яйцами гнусиными из древесины подточенной. Почему тишком – о том позже, здесь же припомним зверомудрость, коя гласит: «Каждый тó есть, что ест...»

Но ведь так-то и о всяком звере вольно смыслами повеселиться, особливо в тему снёдей да бесед запальчивых: тут из нас о каждом можно всласть зубоскáзить, не то и оскáзить злым речением, – занятие то немудрённое, стёбом прозываемое...

Пúпа ж точно иной раз дело говорил! Вот только в виду имел не здравость, из того вытекающую, или в том содержащуюся, а как раз обратное.

Одной, вестимо, да той же дельностью, да одними и теми же лапами – тóрены тропы к вершинам и к безднам!

И для разного нас разные-то в правду заывают:

одним: сквозь тьмы *истин низких* – горнее, верхнее видится,

другие ж: и в высоких смыслах – болотце, отхожее место, нужничек разглядеть пытаются, да всё глубже и глубже за собою в помойность и утаскивают...

Но вот в Пúпином пёрле: «не ешьте попугаев!» – смешного мало.

«Попугаи хорошие – у них совесть и ум!» – то очень смешно, а **«Не кушайте попугаев!»** – ли́хо глобальное, вопль жизни, каждому ведомый.

Ведь всякий из нас, любая живинушка на планете, буде и сильной, и крупной самой:

зверь ли пешеходный, птица ли лётная, рыба ли разноводная, насекомое полезное ли пакостное, даже трава безъязыкая:

всякий из нас – от семян, от яйца, от рождения – с тою молитвой засыпает да просыпается:

Не ешь меня, не ешь! не кушай!.. пожалуйста!..

Пу́па в еду

С младенчества, от яйца, Пу́па жил с перманентным чу́ем, ощущением, пониманием того скучного, досадного факта, что он – Пу́па карха́дский, эксклюзивный, дивный, неподражаемый, – всего-то и есть: чей-то, пока не съеденный, обед. Или завтрак. Или полдник. Или ужин... И только смекалка, прыть да дюжая изворотливость позволяют ему жить – до времени...

... жить в качестве НЗ, консервы на ножках, припасов на самооткорме... для кого-то им, Попугаем, незнаемого, но кому он, Попугай, очень даже знаем: в разрезе пищевой калорийности...

Подслушал он как-то здравую уму: чем, дескать, старше зверь – тем мудрее, а чем мудрее – тем дюжее ценит снесь: съестное, съедобное, ядное... Оттого-то и якшался Попугай боле с молодым, с восторженным зверьём, не заматеревшим до срока в одном чревоугодии, полагаясь наивно на тягу к возвышенному, коя перевесить должна бы тягу съестную. Под “возвышенным” Пу́па понимал себя.

Сам же слыл отъявленным вегетарианцем: семенами питался деревьев экзотических, эвкалипта типа, акаций, фиговых да иных, им подобных. Фруктой тропической, ягодой – то уже без разбору, лишь бы ядная, не ядовитая!.. Однако ж укромом, тишком, когда и не видел никто – протеином всласть себя баловал – личинок да опарышей, да гнуси́ны иной, но факта того не афишировал, ибо кушать живое – “по лжи”, непосовестливо. К тому же личинка, яйцо, опарыш любой – ОНЖЕДЕТЬ!.. Детей есть нельзя.

... Именно гнетущее знание о себе, как о проектной закуске, надсадная мысль о возвращении себя фаст-фудом и подвигли Пу́пу в заполошные ряды братии Ливера́тии, да не простым рядовым электорального мяса: активистом-ливером!.. Да и стал своим в той егозливой, гомливой своре копыто-и-лапопожатных.

→ ... Вестимо: ливера́стом не рождаются, ливера́стом становятся. Сей болезни пути – неисповедимы, источники и места заражения – утаиваемы, причин же – не счесть...

Пу́па таким стал не от прочувственной убеждённости: убеждённого ливера в природе не водится! – а по факту малости, никчёмности и страстного желания не быть съеденным.

... А было так. Наперво Попугай сбил стайку “экологов снеди”, исповедующих тотальный зловред фаст-фуда и консервов. На что ританские мудрецы грантовые откликнулись с должным энтузиазмом, знатно оценённым, да и не обнаружили в фаст-фуде ни одной бактерии, кроме пользы... Попугая, однако ж, заметили. Где надо, заметили. Проверили на гадость, продажную валентность, трусость, холуйность. Признали годным. Завели досье. Определили в попуганду: в адепты и агенты демака́кии...

И поскакала карьера Пу́пы кенгуровыми пры́гами – с места на место: не вверх, ибо верхи́ заняты теми, кто попугаев как раз и кушает, до того поимев иных из них на общую пользу – на “общее дело”, что и значит: *Res publica* – то на латыни, а ещё: *Cosa Nostra* – то не одним сицилийцам внятно...

И доскакалась птица Пу́па до того, что сам Макак – Чёрный Мак, управитель Карха́дской Унии, предводитель Зверильника, то есть всего как бы Свободного мира, он же: За́падл, – сам Макак Пу́пу приметил, да поручил кому следует Попугая “внести в списки”, да делегатить на тот самый эпический форум, где Госдеп сношений собрал пару дюжин отборнейших петухов да козлов всего света...

→ ... завроСМИ в надрыв цитировали историческое, программное заявление Чёрного Макака на XIII всепланетном форуме толерастов и имбецилов «Взаимоуважением – по всем и каждому!»:

«... Нам плевать на ваш образ жизни,
на ваш менталитет, на вашу культуру –
права г*омячков превыше всего,
превыше большинств,
превыше просторов и жизни в них,
и если Создатель – не Г*омячок,
то его нет!..»

... хотя Попугаева бабушка ещё строжайше Пу́пе наказывала:

«... бойся змей, муравьёв, тараканов, больших птиц да летучих мышей...
но пуще всего, особенно – страшись обезьян:
те не токмо съедят, ещё и остатнее всё – неядное: перьевое – на убранства, украсы приладят:
на плюмажи, султаны да капризы чудные, извратные их самок вертлявых...»

Чёрный Макак Мак

Чёрный Макак Мак, насельник Зверильника, – сорок четвёртый Управитель Кархадской Унии, злобный Предводитель звероидов, Мироносец Глобальной силы Добра (оно же – имущество, собственность).

Лихой да затейчивый сей персонаж, чёрный – и телом и делом, – безобразил (да так же и правил) во времена, нам ещё близкие:

в коих копятя, зреют, вершатся события
"Сказа Первого"...

Ныне же Чёрный Макак и чёрная память о нём – уходят во тьму: не в забытьё – в злое прошлое, кое же долго, мучительно долго саднит, берedit, нарывает... – да чем ещё обернётся?!

Сорок пятый кархадский правитель – с виду и белый... да только же с виду! –

страдать от кархадских бесчинств Зелёной планеты так же продолжится... коли не более... да много чернее!..

... и планете без разницы
чей там портрет на хоругвях бандитов
на разбой вдохновляет бандитов...
и без разницы –
кто грабежом заправляет...
и без разницы:
кто и какие доктрины, стратегии, лозунги
(все – заради мирового господства)
в Белом склепе деннонощно клепают,
дабы творить глобальное зверство:
где "мягко", где кровью немалой...
но безответно... и безнаказанно:
"во-имя-прогресса!"...

... как и было от века заведено (и от века ж творилось) – миром звероидов, имя которому Зăпадл...

Но истинный движитель свор тех – тех стай, ведомых алчбою, (не только кархадских: всех зăпадлых) – сам Папа Сво!..

Он, заворящер, и режиссирует:
шоу-с-баттхёртом-и-грăчем эпическое,
наречённое весело, как водевиль –
"свободные выборы"...

Сам же всегда и назначает:
в тех "как-бы-выборах" Победителя,
который станет кархадцам правителем,
который, как все до него Управители –
вершитель "хорошего", "доброго", "честного",
"очень светлого" и "прогрессивного",
губитель иного всего –
"не-хорошего", "не-такого-а-значит-злого" –
всего, что осмелилось выбрать иную –
"неверную" сторону... или страну.

А за что Макак удостоился высшей награды западлой – Медали Мироносца, притом авансом: когда сам-то ещё находился в утробе родительницы, – о том уж читайте в Энциклопедии нашей... Там же поведано о знаменитом непотопляемом макаканосце LASKA, на котором Макак собирался, да так и не прибыл на затевавшийся было саммит с Белведем:
"Саммит на льдинах"...

Представляет же собою **Медаль Мироносца** неровную кругляшку, литуую 24-карatным золотом. На лицевой стороне – Мета Сво, запечатлевшая окаменелый оскал ящера, а вокруг надпись пущена: "МИРОНОСЕЦ" и фраза, подсмотренная у людян, да переведённая с людянской латыни на звероречие:

Paritur pax bello. Мир – умысел войны.

На оборотной стороне изображается нечто, толкуемое звероидами как символ согласия и единения в ливера́стном порыве. Зверомирцы же явственнно видят там ядерный гриб.

Аудиенция

... Макак потрепал Пúпу по голомясой щеке, тут и зардевшуюся густо-алым кровавым цветом, сунул в клюв попугая “печеньку” – поощрительный чипс с дозой изрядною акриламíда и глутамата натрия, взором оценщика окинул враз оробевшую тушку свежезавербованного адепта да явил тому – снисходительно и очерёдно – ролевые свои “харизмы”, кои отточил по жизни изрядно – до блеска великого, ибо лицедействовал не от нужды: от рождения.

Наперво предстал в облике “Дядюшки Мака”: пройдохи с озёрно-бездонным честнейшим взором, всегда готового ограбить ласково – всякого, да убедить того и всех, что сам просил...

Образом тем обличившись, рёк вкрадчиво, шёпотом заговорщика:

«... Есть такое понятие – “закрывающая технология”... Нам нужна такая закрывающая технология, которая закроет Зверомир навсегда! обнулит при том зверомирцев, но оставит их ресурсы для отсвоения...»

Выдержав знатную паузу, воткнул колющий зырк штыком в нутро попугаево... добавил:

«... Свобода начинается с обка́ка! И чмора... Стратегическая наша завроценность: Право первого обка́ка! Это есть эффективнейшее нелетальное оружие: кто первым обка́кал – тот и прав!...»

Засим предстал “Мироносцем”: чисто ирокез людянский в поисках Трубки мира способом Томагавка... Свет же в приёмной Зале погас, а учинившуюся тьму вспороли трассирующие зырки кроваво-янтарных обезьяньих гла́зищ. Вслед замелькали белым фосфором зубы, жующие жваку. Тускло проблёскивал знаменитый “золотой зад” Макаков, дюже вёрткий, чертя в сумрачных то́пях зловещие знаки валютные... и сновали чуть различимую мельтешнёй ладони: пурпурно-красные... Остатнее ж тело, сплошь чёрное, не зрилось... Вельми эффектно!.. Своды Зала, меж тем, содрогнулись тяжёлым битом, и Макак, боевым визгом в бит воткнувшись, зачистил триолями да тангвистами – рыком ррэповым:

«... слышь, пацанчик, чувак, тут конкретно война, в-на-натúре-война, тут хип-хóp: мы хип-ха́паем будущее! мы попáли уже: встряв-в-стрим-стрёмно уже тормозззить в вираже! – это батл, шевели же батонами! мы на трассе, чувак, это биф, чувак! и никто нас, чувак, даже те, кто нас сзади гребущие – нас ни разззу, чувак, им без ма́зззы, чувак: ни-никак, нас чувак, не догонят!...»

Внезапно заломав бит, Макак взвинтил тональность и перешёл на миксовый пафос:

«... Мы избраны для того, чтобы самим, только самим нести мир и процветание, охранять деньги и бомбить страны! У нас правильные бомбы!!! Они несут торжество демакакии миру!.. А деньги все наши, чьи бы ни были, потому что зелёные, и мы их печатаем! Мы – хозяева денег!...»

И разом: без антракта и занавеса, приёмную Залу затопило светопотоками, из которых Макак вынырнул, ровно Афродита Пандёмос, пеннорóбжденная от волн Океана для общедоступной любви безотказной...

... вынырнул в облике “Толеранта”: всетерпíлы в ответе – за тех, кого ел и имел...

... Сухо прокашлявшись, зад почесал, могутные я́ки, да молвил прерывисто, рубленным складом:

«... Кто не с нами – тот на неправильной стороне истории, тех не должно быть! Тем нет места, им нет прав, а особенно неправ Зверомир!...»

Снова прокашлялся, да сызнава затеял почёс – в тех же укро́мах... продолжил:

«... По любой, даже самой ясной проблеме – всегда были и есть несколько точек зления: наша и неправильные. И мы всех уважаем, всех! – кого можно есть. И имать!...»

Завершил обезьян показательные выступления образом “Демака́ка”: поборника демака́кии, что весть благую принёс о завроСвободах. Клыки ж да зубы при том запрятал, каломечущий зад золотой стал почти и не виден, завращал исступлённо кровавыми зенками – нанзив на то вертелó всё нутро попугаево, правую ж лапищу кверху взметнул да излил из гортани в пространства – лавы призывов с пеплом лозунгов:

«... Я верю в кархадскую исключительность всем калом своей души.

Исключительными нас делает не наша врождённая способность попить любое не наше право и отсваивать всё чужое, а готовность утверждать это прицельным калометанием до полной!...»

«... Наибольшую угрозу для Свободного мира звероидов представляют блохи Эбола и Рóсский мир. Блох мы рано или поздно приручим, а Рóсский мир должен быть разрушен!...»

«... Клянусь Великим Бабуином – Рубíнным Обезьяном: тех, кто на неправильной стороне истории, кто не с нами – мы изолируем: очертим калом и санкциями!...»

«... Любая наша дружба, любое партнёрство должны начинаться с признания одной неоспоримой истины: мы, карха́дцы, – исключительные, Карха́дия должна быть лидером!.. Вопрос лишь в том, как и каким ка́ком мы будем лидировать в каждом конкретном случае...»

→ «... а кто не на правильной стороне истории – должны платить и каяться!.. платить и каяться!...»

→ одна из ролевых харизм Макака: “Дядюшка Мак”

→ одна из ролевых харизм Макака: “Демака́к”

... правая лапа взмётнута вверх: да вместо факела в ней – Зонтик Мака, левою ж рукою опирается обезьян, как на кафедру, на Бюст Свободы.

... Бюст Свободы – один из самых, если не самый знаковый атрибут и символ демака́кии. Когда-то он был Статуей завроСвободы, но её тщательно отредактировали – до Бюста, убрав всё лишнее, мешающее прогрессу, в том числе – отломали руку с факелом.

... оставшийся от скульптуры, всё ещё воистину благородный Бюст Рубинного Бабуина, первого из Отцов-основателей Карха́дии: гордого и мужественного Огненного Гелады – уничижающе контрастирует с фриковским обликом да ужимками Макака Мака...

А ведь идеи ливера изначально и были красивы!.. Некоторые из них... Возможно...

kozel-nickname-Kozel

Пытаюсь осилить “Тайные Сказы” – сие как бы “эпическое” и как бы “многоумное” творение... И не могу молчать!

Букв много, очень много... а где сюжет, вата?! Сюжет где?!

Одна вода льётся, да вата жуётся!))))))))

Или Тигр нам опять заявит что-нибудь вроде: «... Где сюжет?

Хороший вопрос, да глупо любое в ответ: Сюжета и нет!...»))))))))

zetetic-Pupa

Попугай тоже читает эту глупую повесть.

И наблюдает сознательное искажение неправдой изложенных, но бывших с Попугаем фактов.

Ни слова по-совести, всё по-лжи!..

Попугай на Вишерской встрече был. Это факт. Тигра на Вишерской встрече не было. И это факт.

Сюжета там тоже не было! а была озверевшая, лютая Рысь-беспредельщица...

... дикая, отмороженная кошка! – один на один с эстетически хрупким, тонко организованным, возвышенным Попугаем!.. Какой, нахрен, ещё сюжет нужен! – быть бы живу, да весь Сказ! Триллер, хоррор!..

Попугай так думает:

когда внутри факта – уже не до сюжета, а только до собственной шкуры, в случае с Попугаем – перьев!

Rys'Rus'

Пернатый, ты кого назвал отмороженной кошкой?!

Вот чего я всамделе тебя не загрызла?!

... А кто всю поляну “свободой испражнений” загадил?..

... Перья попугаевы – рушила, то было! винюсь!.. да часть – невзнáрок, в суматохе, учинённой самою же птицей, а частью – за дело, ибо птица та дюже гадливая – и в речах, и по жизни.

... А кто тебе те перья вернул, курица неблагодарная?! Кто истратил на то законное своё волшебное желание, дарованное случаем? – единственное, спешу заметить!

Могла б и на себя потратить: украсить личную жизнь, к примеру, а Попугая визы лишить, дабы не досадничал! Или желание то на пользу пустить, на общественную: обнулить все тварифы паскудные, погасить разом всем зверомирцам задолженности коммунальные, да ипотеки с кредитами злопроцентные, коими Лис Патríкий со своими подельниками всю державу, что сетями опутали! – заманили в силки мироедские, да и душат процентами. Или скотоколлекторов сгубити под корень – разом, люто, публично, – заодно с займодавцами, на лихве процветающими... Или коррупцию извести – всю скопом: до исхода летального... Нет же! Рысь Русь – зверосердная дюже! – попугаевы пёрышки регенерировала!.. даром, что вражина засланная... И вот кто меня, дуру поймёт?!

Тауроc

В речах Попугая есть верный посыл. Но помним: «... из уст таких и правда – ложь!..» ... Однако, бесспорно:

внутри факта для “обитателей факта” – сюжет не различим: одна суета событий. То же – и для зрителя-очевидца, и для наблюдателя стороннего, которые сами, по сути, – “подельники факта”. Или вовсе: “поддельники” да “передельники”!..

Потому-то и требуются:

отстояние во времени, рассказчик, заказчик да бюджет, дабы “факт” стал “сюжетом”!

“Продаваемым” сюжетом, ясен жмень, что грустно! ибо только такими “сюжетцами” и соткан ковёр наших знаний о временах схлынувших да ныне текущих – нас влекущих.

zetetic-Pupa

Гнусная, чудовищная ложь и клевета!

У Попугая своё Мнение! Попугай так видит!

Попугай имеет право так видеть, а вы должны уважать!.. И если Попугай имеет право на собственное мнение, почему он не имеет право на собственные факты? – Имеет!

Рысь – отмороженная кошка: это факт! факт! факт!

Rys'Rus'

Ну, пернатый, ...погоди!

kozel-nickname-Kozel

Вся эта словесная эквилибристика фактами о фактах – вода и вата!.. Где сюжет? Козлы требуют сюжета!

Вы не вправе отказывать электорату в сюжете!

Страна, сосущая чёрную жижу углеводов, лишила нас даже сюжетов – нас, своих верных проедателей!.. Оттого бессюжетна она сама:

её нет в будущем!

Зверомир должен быть – и будет изничтожен!

Злочинная влада будет низвергнута!

Тауроc

Козёл, не лезь под копыта: ушибёт!..

О “фактах” же и “сюжетах” думаю так: мы сейчас находимся скопом внутри тако-о-ого Факта!.. и вот-вот всем наступит тако-о-ой Сюжетец!..

То-то и важно зафиксировать: как было. Что говорили, что думали. Как мы дружились, как грызлись-бились. Да как не слюбились... Ибо:

когда “сюжет-всем” настанет да финалом накроет, – время пройдёт, страсти схлынут, а потомки, коль будут! знать захотят: чем накануне “бабáха” мы жили, чем тужили, да что пили-курили такого, что “бабáх” учинили... А сочинённые нами “сюжетцы” – потомкам фиолетовы! – они уже финалы все наши знают, да сами сюжетов наврут к тем финалам, да не по разу! – согласно нуждам момента... Требно ж всегда: нравописáнье! – запах эпохи, чуй! Нужны типажи: Климь сангíной!

TiGRiS

Что значит “пили-курили”, дружище Тур?! Сами не употребляем и других не одобряем!

Belvedka

Согласен: пить и курить – не ладно, не прилично, не гармонично! Козлом пахнет.

Что же до нравоописания, Туром вспомянутого, то кажется верным:

фон, струение эпохи – наиболее ценны для любопытства потомков, ибо в этом “потом” – язык другой, другая эпоха, звери другие... Козлы, впрочем, останутся. Но потомки должны ведать: что за козлы да ушлётки были прежде, чтобы явственной чуютъ своих.

kozel-nickname-Kozel

В общем, нашли козла отпущения вместо сюжета!))))))))

Да вы сами все: латентные козлы! – на раз-два-три обосную!.. Значит, так.

Каждый, кто против козлов, есть козлофоб. Это раз.

Каждый козлофоб – латентный козёл, иначе, чего ему бояться? Только козла, в себе подавленного. Это два.

Вы против козлов, значит вы – латентные козлы, которые боятся своего козлячего “я”. Это три.

Козлы и есть, доказано!

Tigres-catulis-Kuzma&Evdokia

Вот врёт! Опять пытается втюхать дешёвку: содомитскую подтасовку для неуков!

Уж сколь говорено: ни козлов, ни содомитов мы не боимся: это они нас боятся, а мы их просто – терпеть не можем!..

Но если мы терпеть не можем дерьма в прихожей, к примеру, или зубную боль, это никак не означает, что мы сами – латентный навоз или зубная боль...

Только бытность самим козлом и есть критерий козлиности, но никак не факт неприятия козла.

Rys'Rus'

Да нежить с ними – с козлами да иродами! Тур вот сказал тут: “бабáх”! ... Так будет война?!

Тауроc

Нет. Будет беда. Война лишь часть беды. Война уже.

Kabaniha-Hu

Война – это красиво, это апельсин!.. Это прекрасно: ты и я – мы все в одной крóви!

zetetic-Pupa

Вначале верните перья!

Rys'Rus'

Уже вернули...

zetetic-Pupa

Верните ещё!

Кольцо Свободы Попугаю

... схлынув разом, будто выскочив из матрёшки личин, вновь Макак предстал свойским, домашним: почти братом, но, безусловно, братом старшим. Опять же потрепав мясистые попугаевы щёчки, кои и без того уж рдели зёрно, почти горячечно, обезьян вдруг резво ухватил Попугая под шеей, где оплечьем колыхалось жабо пуховое, да сжал туго огромной своею лапищей, почти придушая, но то было не губительство, то был ритуал: как бы посвящение в “как-бы-лицари”.

Тогда стало уж сверх Пупиной мóги, и он пал: почти замертво, почти бездыханно, при том спустив ветры затухающим легато, ровно попорченный да сдувшийся шарик...

Кто и как привёл его в чувство, то уж Попугай не помнил: мутный финал аудиенции по каплям выцеживался Пупиным глúздом: одно помнилось – программное напутствие Макака:

«... Больше осиновых гнёзд! Множьте их всеместно – везде, где у кого-то – ладится!
А пчелиные ульи зорите до тла... Жгите муравейники – инвестируйте в клоповники...
Мотивируйте и подкармливайте крыс!.. Помните: сеять хаос – пожирать дивиденды!..»

Засим Чёрный Макак Мак –

фронтмен заврошоу “Демака́кия”,
от самого завроящера Папы Сво назначенец на роль Победителя в водевиле “Свободные выборы”,
Предводитель Зверильника, Управитель Кархáдской Унии,
Мироносец Глобальной силы Добра, оно же – имущество, собственность,
изводитель разума, духа, изводитель просторов,
верховный чморушник, мутитель и каловержец, –

отправил вконец опупевшего Пúпу “на попуганду” – крепить демакакию, да разносить её вирус всем: тёмным, непросвещённым, заблудшим, завроСвободами необка́канным...

да выразил при том особое доверие, поручив Пúпе самые тугие, противные, несговорчивые Просторы: Рóсские, именуя то “спецкомандировкой внедрения”...

но перед тем окольцевал по всей форме: намертво: “Кольцом Свободы” неснимаемым, –
не сам, разумеется, на то шестёрки имелись, которые разом и подсутились, –
да вручил к тому бонусы: квитанцию на оплату кольца с кольцеванием и тварифные планы ношения...

И стал Попугай попугандить. И полюбил Попугай “печеньки” культовые:

чипсы, поп-корн, концепцию гендерного полиморфизма, заповеди социального зверизма и теорию эволюционизма, которые сам не читал, сам не знал, но сам уважал, да вполне научно надеялся эволюционировать в потомстве до завроящера аж... хоть бы и до Козла – для начала...

Заучил пёрлы макаковы да полетел с ними – разносить по долам и весям совесть: курсом на Рось.

... так-то и есть:

быль – трава, нёбыль – вода: одно от другого питается: в таком вот ценóзе посе́вы истории явлены...

... схожим образом ве́домо нам и о бывшем на Вишере, кое случилось в августе года шестнадцатого в бесславном пока ещё XXI веке...

... иные ж о том говорили кручинно, – те, кому о постылом поведать – и в радость, и прибыльно также:

«... Оделись печалью, тоскою окутались брега́ вишерские – крутояры косматые да отлогие пляжи, скальные гряды да по́ймы гривистые...

... а почерневшие во́ды взнесли на поверхность живность всякую – в перемес со шма́та́ми да нитями тины...»

... другие не то чтобы с пафосом пенным, да всё ж с упоением так излагали:

«... Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне...»

Встреча на Вишере. Интродукция

Дивная тишина воцарилась тем временем на Тулымском Камне!

Да не так, чтобы всюду:

склоны – хвоями-крóнами пышные, бóристые, – шелестели себе нежным шелестом, кротким плеском ручьёв меж собою журились, гомозились жизнью пташей всеместно...

А на тот лишь отрог на тулымский тишь приспела, что подзóром стоит: к стороне закатной, западной.

Но и там – на отроге – не кряду везде молчбóю укрылось: лишь в верхах, – тó не на всех:

на той, на одной лишь его верхотуре, холодами битой, ветрами бритой, – где скальный венец, от которого низом – крутизны рвутся к реке: к вóдам вишерским, что текут величаво: себе одно вéдомой нáдобой, да влекут тем же пóводом рыбные рúны...

Там только краткая тишь воцарилась.

И там, на остáнце гранитном – ей и приютном, ей и любезном, – Рысь возлегла: чинно, вальяжно... да следила закат, да ждала своего... думы дúмила:

... вроде, и так же всё было, как вечерами иными: вчера, и вчера для вчера, и в те вечера, что забыты –

всё так, да не так! – хоть и так же Светило катило, да так же и скатывало за окоём: туда, где лезвийный предел отсекает Голову Света...

... но здесь: прыжком ниже гранитной плиты, приютной для Рыси, остáнец венчающей, – здесь внедавне ещё под красными мхами спали курúмы, стекая во сне, камень за камнем, к отвесному срыву, где гинули свалом или изредкóю штукою...

... и в миг: ни мхов, ни курúмов: одна скальность исподняя... да стойкóм из неё, из голой скалы – дерево гнусное: гунявое сплошь, всё извóистое... к тому ж и дуплястое... знать, и нежитное: заблудíло в явь к нам от скуки... или по нáждобе злой... здесь и корни пустило...

... а на корявой да лысой вéтви его – Попугай иноземный, кархадский: дúлей застыл самобытною – всем да всему явленным кукишем!..

... и ещё вот незвáнец-неждáнец приبلудный образовался: за рысьей спиною, невдале – Облак надменный, о себя возомнивший, – улёгся бесстыжим на гребне Тулыма...

В том-то местечке – разом недолгим – водворилось безмолвие:

даже ветры вершинные о чём-то задумались – тíхнули: в паузе затаились... шорох всякий изник, шелест смолк, и шумы разноцветные позабылись-избылись:

будь то *“розовый шум”* – мерцательный, сердцу приставший, и *“коричневый”* – шум водопадов далёких, или *“красный”* – *“шум пьяной ходьбы”* и *случайных блужданий*, да морей-океанов, и *“оранжевый”* – *“шум апельсиновый”* – свистопляской с дудками явленный, Кабанихе же: любый, и *“зелёный”* – шум жизни привычной, обыденной, и *“белый”* – шум шумов! – коим бесцельно Мир всеволновый звучит непрестанно... – тишину вот такую мудрецы нарекли *“чёрным шумом”*, мы же скажем – мóлчная дíвледь!..

Да коротко длилось-то: миг один... час... Может, и не было вовсе: восторгу почудилось...

Мóлчище, воцарившее вслед её речам неумильным к Попугаю незваному, Рысь сама и порушила: толковище затеяла, густо прокашлявшись да зевнув основательно... вроде – приветливо.

— Что нёмствуем? Говори уж, коль сам пожаловал... Не в обычаях наших – на сходбищах мálчивать.

Попугай разул глаз – один только, до того ж оба были под вéками: бо смотреть бóязно! – прочистил да увлажнил роговицу мигательной перепонкою, аккомоди́ровал зрак – фокус навёл: где Рысь, объявил:

— У Попугая мысль образовалась... Он её теперь думает!

— Сильно сказал!

— А то!..

— Дóбре... Что за мысль?

Пúпа неспешно и назидательно подъял перст к Верхам да рёк с расстановкой, веско отбивая цезурой каждую речевую фигуру:

— Как у вас тут тускло, пасмурно, и запах какой-то... нецивилизованный...

@ Tulymian-daughter

Я дочь Тулыма.

То, что творится на Вишере – вижу глазами!
Тут не всё так однозначно.

Здесь очень тревожно и некомфортно. Мне страшно!..
Нам всем должно быть страшно и гадко! И совестно!

В гнёздах – ни копейки кофе,
ни зёрнышка денег!
А так любви хочется!..

@ Tulymian-daughter-also

Я тоже дочь Тулыма.

Подтверждаю душераздирающий, честный
пост предыдущей дочери!

Вижу много хищных зелёных зверей:
тут кругом – одни зелёные овечки.

Под бляение их пропаганды, под дулами óвнов
протекает якобы свободное волеизъявление!..

... а мирно пролетающего над Вишерой
совестливого стервятника местные патриоты-гопники
сбили из кустов буковой палкой!.. ОНЖЕДЕТЬ! пусть и
взрослый. Кляті москалі!

Це геноцид, видимий всьому Світу!

@ Tulymian-daughter-also-too

И я дочь Тулыма!

Подтверждаю показания
всех дочерей-подельников, зуб даю...
Век воли не видать! и грантов тоже.

А Рысь тут воще зажевала насмерть Попугая-терпилку!
Даром что ливераст)))... И контрольным загрызом добила.
105-я чистая, часть вторая, пункт “м”, без смягчающих...

Заснял беспредел на гаджетину, – тут у одной овцы
по случаю спостóпил... Овца реально клёвая,
да времени повошкаться не было))) ...

Клипак получился конкретный! –
сливаю на “ТыПень”, ловите!..

ага, ща изладим!.. бугор цинканул – таким топить:

В этих Просторах обитает варварство и тьма, лишь
изредка озаряемая совестью местной оппозиции
да залётных засланцев Глобальной силы Добра
с благой вестью о завроСвободах...

Ё-твоё!.. придумают же, фраера-грантососы, тля!..

... Стрёмно, короче, очень!..

За базар отвечаю, дочь Тулыма.

@ Tulymian-son

А я сын Тулыма.

Рысь Русь съела насмерть посла Доброй
воли, засланца светлых сил! –
я свидетель:

сам видел обглоданные кости Попугая –
они уже почернели.

Особенно поразили взывающие с тоскою к небу рога
и воздетое в мольбе осиротевшее копыто.

Прости нас, Попугай! Не подавись, Рысь Русь!

Kuzya

Очуметь, не встать!

Кто эти живопёрные “дочки”? которые
выводком на своём почечуе разгомозились!

Думаю: не только креаклово отребье из летуевой
Хучи, а и профессионалы грызуны грантовые –
крысы да мыши городских закровов!

Возможно, не все и местные: самостийными
соседушками пахнет, – чую по стилю хохлатому!

А что за сабж у пábлика: “Майдан-на-Вишере”?!
Что за феня такая: “майдан”?

В Даль глянул: «... *торг, базар, или место на нём,
где собираются мошенники, также место для игры
в кости...*» И где здесь Вишера?

Belvedka

У них всё – майдан! Куда ни зыркнут –
где жизнь течёт себе током да толком –
там зараз майдан и видят!..

Они ведь только на майданах – в заварухе, сутолоке,
цветной смутне – и чуют себя нужными, потребными,
вескими, а без того –

грызуны подлые, летуны забиячные,
да фрейки, да клоуны,
или просто помешанные, юроды, калеки блажные!

Dusya

А какое имеет отношение к Рысь-Рүси этот
несчастный облезлый кот-пенсионер на
видео, чудом поймавший воробья,
да тем же воробьём, судя по клипу, и заклёванный?!

kopytopozhatny

Какие ещё нужны доказательства
преступных зверств кровавого режима?!

Безвинно съеденный нелжйвец Попугай –
этот голос совести, источающий честность,
как вымя восхода, –
несмываемой кляксой крови останется вечно
на якобы “белых” шкурах зарвавшегося Белведя!

Загрызенный контрольным загрызом красавец,
посмевавший пукнуть правдой в тоталитарную рысью
морду, – это всё, что нужно знать о так называемых
ро́сских “патриотах” в целом, и озверевшей Рысь-Рүси
поимённо!..

А что таится под матёрыми грубыми шкурами этих
зловещих овечек в камуфляжах?! Какое ещё кровавое
бесчинство уготовано мирной плотвё и беспечным
личинкам?

Доколе распоясавшиеся колорады-хулиганы будут
ураганить буковыми палками в адрес цивилизовано
настроенных птичек-стервятников и всех остальных
сапрофа́гов и некрофа́гов – этих честных мыслями и
светлых душою падальщиков?!

Тебя, ватное быдло, и твоих правителей – ждёт
Га-гакский трибунал! Вас будут судить – не по-лжи,
а по-совести – строгие, неподкупные серые гуси!

Kuzya

О! опять наш Козёл, ветви его в душу!..
Успел и на этом почечуе зашвартоваться!

@ Tulymian-daughter

Почему эти грубые, тупые ватники
называют нашу чудную стеночку “почечуем” –
“геморроем”?! Это так вульгарно,
не мульти-культурно и совсем не полито-корректно!
Наша стенгазеточка – и “ми-ми-ми”, и “пи-пи-пи”!
Она вся на светлом позитиве – не “гемор” ни разу!

... А ты, “сестричка”, “тоже-дочь-Тулыма”, будь
поаккуратней с трансляциями “с-мест-событий”! –
я-то, конечно, лайкнула: не важно, что на видео
обычный уличный кот (*Felis silvestris catus*), и ни разу
не Рысь (*Lynx lynx*), – варварскую, отсталую сущность
“кошки-из-ро́шки” видео отображает исчерпывающе
верно, надо только правильно понять, что вате
недоступно по определению! Недаром ватники
взбеленились: “фейк!” – визжат... И что, что фейк? –
это “правильный” фейк, он на правильной стороне
истории!

... И да, та “овца, реально клёвая” – это я была!

@ Tulymian-daughter-also-too

А чё, на клипешнике – не Рысь?..
По мне, так все котяры на одну морду –

твари мерзущие, давить всех!.. Сколько ж
они нашего брата загубили!.. Но братва не забыла:
каждый хвостик зазря погибшего пацана помнит!..
Умоются ещё коты потом да кровью, тлёт буду!..

А с клипаком – чё за предъявы?! да ещё от овцы!!
Пацанский косяк, не овце предъявы кидать!..

И где я вам Рысь в подвалах гастронома возьму?!

... А слышь-ка, “сестричка”, можа-быть вечером
замутим чё, потусим, попищим-оттопыримся?..
Мобилу не возверну – трофей, мля!

kopytopozhatny

Все мы видели этот циничный контрольный
загрыз певца Свободы, нашего друга и
соратника Попугая, самого чистого,
светлого и честного из нас, тварей!..

Его берцовые кости возопят к возмездию,
и сам он взывает с гибельной Вишеры на весь Мир!

Belvedka

Как так – “взывает”?
Вы ж говорите – “насмерть съеден”?!

kopytopozhatny

Это неважно! Важно, что все мы знаем
коварство и изворотливость белведского
режима... Вы всех нас давно уже съели!
Вы загрызли слово Свободы!
Растоптали хрустальные детские слёзы!

Но мы возопим: Мы Шарлі! Мы Люлі! Мы Попа!

Belvedka

Не Попа, а Пу́па! Попугай кархадский.

kopytopozhatny

Это неважно!..
Вы всё равно должны каяться!..
На колени, зверьё ро́сское! И каяться! каяться!..
А мы вас выборочно будем прощать:
долго и с наслаждением!

@ Tulymian-daughter

Согласна... В 9 на плёшке – “У Жака на Лубя́не”.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука первая

Не получив отзыва скорого на мысль изречённую, принялся Попугай забиячить – повторяться докучливо:

— Тускло у вас, пасмурно, запах нецивилизованный!.. Тускло у вас, пасмурно, за...

Тогда только Рысь и ответствовала – мирно пока ещё, но не без глума:

— А что, в ваших краях мёд на небо намазан, а отхóжее – исключительно в розах?!

— Попугай в ту же сторону размышляет: цивилизация обязана пахнуть!.. Не то чтобы просто благоухать, а широким выбором альтернатив – от парфюма до помёта!.. Культура, прогресс – определяются благовонью и вонью разом: а здесь этим не пахнет!.. Где Свобода испражнений?! Где грязь и травы в шаговой доступности?! Где г*еи, наконец, в ассортименте?!... Пúпа в шоке!..

— Ах, вот ты о чём!.. Отсутствие имеет место, каемся... У нас ведь всё такое – обычно в клозетах да под кустиками, и закапываем, чтоб не смра́дило. Оттого и вóздухи здесь духовиты благостью: хвойные, на озоне настоянные. Дíвледные, чúдные, сказные!.. Кстати: мозги наболóченные, хлúдой забитые, – вóздухи северные, таёжные дюже как прочищают: в срок от пяти и выше.

— Вам конституцию менять надо, это веление времени и всего прогрессивного.

— Лихо мыслью вильнул: из дефекáции в конституцию!.. И что? поменяем: сразу ж запахнет йначе?

— Запах всегда у вас будет варварским, рóсским... но нам так будет спокойней!

— Боюсь, буде конституцию мы и поменяем, – вам дюже не зарадуется, как мы поменяем...

— О том и речь: Зверомир – недоговороспосбный и угроза миру!

— Флуд!.. Язык у тебя наперёд ума рыщет, да и ум: помойка!..

Рысь разом заскучала. Диалог с первых же фраз оборачивался хрестоматийным гра́чем «Восток-Зáпадл»...

«... какой вот, кстати, день нóнича?.. пятничный?.. точно – пятничный... день химер, Венер да скверн!.. чую: длинная ж то будет пятница... и кончится она в понедельник... коли ж вообще – кончится!..» – Рыси-то казалось, что она тó думила, да думилось – вслух: тó и сказала.

— Дúрово назад не пятится – ни завтра, ни вчера, ни в пятницу! – непрошено проскрипело в ответ Прокúдливо дерево, но тут же и осéклось...

Разом вспомнилось – досадно, вдруг, – как единожды, а всё ж: пятилось, да чего там: ретировáлось с позором. Именно в пятницу!.. Случилось тому быть на клятой лужайке, у белого-белого склепа в Кархадской столице, коя есть резиденция кархадских Предводителей... куда заглянуло дúрово насчёт попроказить да почудесить... А куда и сунулось-то! Где-где, в цитадели кархадской своих проказников: сбрóды тучные, да главный меж всеми: Чёрный Макак... кой же и приспособил разом забрóдное дерево под чудные забавы... До сих дúрову памятно, как затеял Макак в дуплίνу кокосы бросать – навесами, “бомбами” баскетбольными... пока кокосы те – дюже больные, коли ими кидаться, а видом обличным с обезьяньими мордами схожие, – пока те плоды, близь Макака уложенные, как черепа в пирамиду, – пока те кокосы и не закончились!.. потом же – сидел на своём на хвалённом заду золотом, да раскачивался... долго... тупо да медленно... заунывно... будто чего медитировал... Вот зачем? Вот о чём он там медитировал?! ... Ждать чего ещё от Макака, за коим маячила тень Папы Сво самого, дúрово не стало... да, не прощаясь, украдкою, – именно пятась! – тихо так и исчезло...

Услышав от дерева, Рысь глаза округлила, но того и не более: эка невидаль – говорящая древесина...

Видать по всему, нéжить в гульбище нонче – расходилась по полной!.. чего уж теперь... пусть себе...

Попугай же, о говорливости дúрова вполне осведомлённый, длить мысль свою не прекратил: своя-то к нему в гости не часто захаживала, так и бросаться негоже, коль уж приключилось да задалось:

— Кристальной правдой заклеимил вас Мироносец Макак на судьбоносном Саммите:

«... Что за угрюмость! Что за цветность? Зад морозит, бананы не растут. За что воюем? Тут точно есть чем поживиться?...»

— Что за саммит? Почему не знаю? Если “Саммит на льдинах” – так Макак туда не добрался: струхнул...

— Гнусная ложь! В завронете о Саммите всё окончательно непредвзято опубликовано: и безнадёга загнанного санкциями и очерченного кáлом Белведея, и совершенная, безукоризненная речь Макака, полная исключительности и доминирования!..

— Ага! Ещё там объявлено со слов “очевидцев”, что Рысь насовсем, насмерть Попугая съела: тебя, значит... И не просто съела: с контрольным загрызом!.. Видео на “ТыПень” выложили. Вчера ещё.

Гибельное известие о судьбе Попугая самого Попугая застало врасплох: охваченный ужасом, он звучно пустил ветры... вспугом порхнул с ветки... да при том ткнулся лбом о другую... и вконец заполóшился: метнувшись к Рыси бálмошным лётom, распущенным хвостом хлестанул невзнáрок по Рысиной личности. Хотела ль того Рысь, нет ли – само клацнулось: одно перо промеж зубов и застряло.

Так в хвостовом плюмаже у Попугая кархáдского одним пером стало меньше. Одиннадцать осталось.

О вётре, ветрило!
ты пёрья зачем уносило?
попугаевы пёрья, рулящие,
хвост чудо-дивный перящие!

А и было тех перьев двенадцать: славная дюжина!

Да сказала Рысь лютая слово напрасное,
вспугом птица метнулась – зубы пагубно клацнули!

Опечалились дюже на Зáпадле:

а не стал бы птах ужином!

В Росских краях ведь кручина да боль

царят повсеместные,

и беззаконие там, произвол –

среда атмосферная!

Ой, люли же, люли – гули рóсские, страстные:

водка, балалайки-матрёшки да смерти напрасные!

@ Tulymian-daughter

Я первая дочь Тулыма. И я здесь модератор. А та, которая “дочь-Тулыма-тоже-два” – просто гадина, гнусный, отвратительный крыс, гопник и жлоб!
Ему не место в наших светлых дочерних рядах! Имела личный контакт – и это стало очевидным!..
Девочки: не давайте гопникам и нищebroдам, ценитеcь дороже!..
Я поставлю перед Центром вопрос ребром о лишении этого выроodka статуса и зарплаты Дочери Тулыма!!!

@ Tulymian-daughter-also-too

Чё раскудахталась, овца? Статус распёр?! Чёли: крыс – летучей мыши не товарищ?!
Тоже мне – креакла: единственная и неповторимая!)))
Да я проверил – всё там у них, мышей-с-крыльями, – устроено так же: где надо и без всяких затей! И пищат так же!.. Чё выдрючиваются, непонятно! Самих туева хуча, а каждая мышь за себя мнит – как за эксклюзив!..
Кстати, мобила навороченная нужна кому задёшево?

@ Tulymian-daughter

Не забыл? – это моя мобилка!

@ Tulymian-daughter-also-too

Было вашим, стало нашим: 32 Гб светлой памяти по тебе, родная! Не скучай.

@ Tulymian-daughter

Хам! Жлоб! Скотина!

@ Tulymian-daughter-also-too

Ты базар-то фильтруй, овца летучая! Чё, думаешь, если вас там, в Хуче, – несметно, я твой запах не вычислю? Скучно ж вы за нашего брата понимаете! А туда же – образованные, продвинутые!..

@ Tulymian-daughter

Все тут слышали?! Это прямой беспардонный наезд на руководителя ответственного задания при исполнении! Буду протестовать и требовать!..

@ Tulymian-daughter-also-too

Ветер в попу! И перо – у Попугая вон спроси, он их на шару раздаёт, не считает!..

Kuzya

Что это было? Что за жесть промеж стройных рядов “Дочек Тулыма”?

Dusya

Любовь с первого лайка разбилась о лодку реала...

Kuzya

А по-моему, там типичный “синдром овцы”: он её “нагнул”, она его за то и полюбила, но тут вмешалась ды́ркость жизни...
Мыльный триллер! Жесть с сиропом! Когти оближешь! Жалкомало: требую продолжения банкета!..

@ Tulymian-daughter-also

Соратницы, сёстры – заспокойтесь!
Вы грызётесь на виду у всех, на радость нашим врагам: вата торжествует, колорады упиваются!..
Забыли, зачем мы здесь случайно собрались?! Напоминаю для тех, хто копаючись в своему постільному, забыв о главном і вже проплаченому:
измазать правдой и совестью каждое слово, которое будет как бы обронено, и каждое перо, которое будет как бы утеряно, – по ходу исторической сшибки-на-Вишере, где всмерть сошлись Силы Добра (в лице светлого интерфейса Попугая Пұпы) и Силы Зла (в лице тоталитарной морды озверевшей Рысь-Рұси).
И как настоящий модератор проекта, а не самозванный (да-да, сестрёнка! – sic!), требую незамедлительно приступить к своим прописанным в контрактах обязанностям и крыть правдой и совестью любые поползновения ваты на достоверное освещение Вишерских событий:
достові́рність достові́рна только в правильных лапах, і в óчах, які вміють правильно бачити те, що було, і те, чого не було!
З нами За́падл и рушійна сила Бацьки Сво!..
Так переможемо москалів до пороссячого вереску!

@ Tulymian-son

Я бы попросил отдельных “дочек гидности” не лезть “уперёд” – в модераторы, не спросясь у старшего брата!
Быть может, у вас там и “це-Вро́па”, но зелень – у нас. И если кто на ту зелень претендует: встать-лечь-отжаться и в позу!.. Так-то, доченьки!.. На первую-вторую рассчитайсь!.. Ноги шире-врозь!

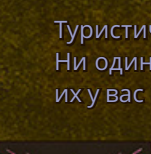
Kuzya

Просто песня какая-то!.. Не почечуй, а стрелка сказочных дурконóсов и долбонóсиков!..
Теперь я знаю, що це за таке – “майдан”!..
А кто-нибудь в курсе, что ещё там за кусты вдруг на Вишере образовались, которых вроде как нет, но есть? И в них – какой-то Кто-то обустроился: це не Рояль случаем?

kopytopozhatny

Кусты-на-Вишере – злостный фейк квасной пропаганды!
Ватникам всюду мерещатся кусты, а в них: “рояли”! А вот “скрипок” и “виолончелей” в офшорах – в упор не замечают!))))))
... Смотрел стримы с пляжей: ни души! Туристический сезон провален, зато Вишера – наша!.. Ни один цивилизованный Куст к вам не поедет: их у вас нет, не было, и не будет! Ни кустов, ни роялей.

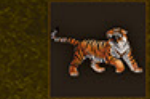
bush-which-were-not-&-Someone

Обижаете, любезный! Мы не туристы, мы на службе. Мы невидимо там, где надо!

bush-which-were-not-&-Someone

И у нас, в Кустах, не только Рояль базируется – симфонический оркестр быстрого реагирования!

Kuzya

В этом роде и думалось!.. С Кустами как бы ясно.
Теперь за Улиту трохи – что за диковина, с чем едят?

Belvedka

Это несъедобно! Слизень для гурманов-неполживцев, моллюск унылый!

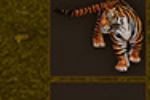
Dusya

О нём много шелестят на почечуях вражьих. Обычный слизняк: всем предлагает сдаться.

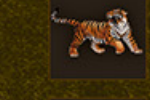
Kuzya

Зачем?

Dusya

Чтобы сохранить культуру и ужин.

Kuzya

Во даёт! И где этот слизень сейчас?

Dusya

Ползает где-то. В поисках совести. Литературные премии получает.

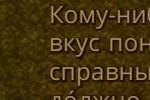
Kuzya

А чё пишет?

Belvedka

Да всё ни о чём и о том же: какие мы все тут, в Рóси, угнетённые да забытые, тупые да лютые, мерзкие да тусклые: ни разу не устрицы Белон, кои есть вершина ливер-эволюции!..
А в конце обязательно предлагает сдаться. Кому-нибудь сильному и необоримому, кто в устрицах вкус понимает!.. Вроде, и пишет себе ничего – слог справный, скáзность чуткая, слова все на месте, где до́лжно... Мозги вот только разжижены болотной жижей, и нутром – слизень. За что премией Бука и приважена...

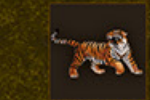
Belvedka

А ещё зверяток малых этот слизень-прива́дыш просвещает: содомии и разным паскудствам: мол, это норма и есть, а природная нормальность – не есть естество, а есть дремучая непросвещённость и ватная пакость: кто не с извращенцами, тот на неправильной стороне истории и не чуёт прогресса. Да здравствует За́падл и грядущий глобальный СверхСкот – ОбщеСкот без пола и отчества!..

@ Tulymian-daughter

Не троньте устрицы Белон!.. И всяких честных моллюсков!.. Лапы прочь от светлого вкусного!

Kuzya

Да никто на ваши Белоны не покушается – давитесь склизлым на здоровье!.. А что ещё за “премия Бука”?

Belvedka

А ею Буков Пень всякую разность через литературу подкармливает: чтобы Зверомир помоями поливали. Сам Пень, так ещё и бухгалтер! Оттого и наставляет на жизнь смотреть – с высоты Пня да ниже плинтуса. Да дебетом с кредитом всё мерить. И чтобы содомно и гоморрно!.. Такая вот неполживая литература, в совесть вонзённая...

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев порука вторая

Напыженный да обиженный Попугай с одиннадцатипёрым – теперь уже! хвостом, успевший опрометью возвратиться на заветную ветку да вцепиться в неё уж отчаянно накрепко, – Попугай чистил пёрыши, а делал то с надрывом: пылко, порывисто в движениях. Тем выражая протест и патетику слёз, невидимых миру ... а из кустов, которых окрест по факту и не было, кто-то, которого так и звали: Кто-то, дразливо подстрекнул:

— Вечерок-то явно не задался: и без ласки, и веткой по сусалам, и пёрышка нетути...

Кто уж там, в кустах – виртуальных, миражных – балясил, кем был тот мифический “Кто-то”, что за ёрник: соглядатай ли случайный, досужий?.. агент спецслужб, вконец опупевший от сидячей скуки в наружке?.. подстрекала – провокатор гидный, печёньковский?..

или же тот самый эпический “глас народа”?.. “один-мужик-сказал”?.. спецкор “сарафанного радио”?..

или вовсе блаблáгер?.. аналитик дождя?.. жур-жур-налист какой, свободно купленный? – хотя то вряд ли: эти все в горячие точки соваться безговали: из нор освещали больше да гнёзд родных – с диванами...

... кто уж там в кустах паясничал, то не важно: в постигнувшей замýтне никто и не оборотýлся на речи поднáчные...

Попугай же, почувствовавшись да опамятававшись, жалобно всхлипнул, констатировав скорбную очевидность:

— Рысь нервная больно... Говорит же Попугай: надобно в замуж... в Рысь придёт разом успокоение!

— Я не нервная! Мои чýлые жилы тонко организованны в глио-нейро-синаптическую сеть: работают на опережение... не провинная я! А знаешь что? – так даже стильно: больше лаконизма! Дюжина – ведь что? Дюжина – банально! Дюжина везде. Дюжина у всех... Вот одиннадцать – это зачётно! Потому что нечётно. А нечётность – это что? Это признак чего-нибудь... такого... нечётного!.. На два, короче, не делится.

Запутавшись в утешных доводах, Рысь примолкла: смущённо и примирительно, да взялась урчать: сладко, увётливо, при том жмурясь – от стыда ли кроткого, ли от радости, что ладом-таки обошлось: могло-то и насмерть, как в инетах наветничают!.. вдруг осенённая, зажурчала сызнава:

— Зато вот хлúпик не тронутым остался... Мур-мур полный!.. Видеть не доводилось столь дивную роспись по гузке!.. «Зри в корень!» – так тот сказал, кто на хвостец этот знатный смотрел!

Попугай прифасонился тут же, сверкнул пером алым на взмахе, вздул жабо, хвост распустил веером – чуть прохудившимся... тушкой вильнул – да согнулся в нагиб, гордо вздыбив задок: прямиком в зырк Рысин, дабы могла красотой неземной в подробностях усладиться.

— Правда же, хлúпик кружавчатый – чудненький?! От Хúччи!..

— Чёткие труселя, братан! – но то не Рысь молвила: из кустов Кто-то, из кустов, которых и не было.

Рысь же подумала: : «... к тебе всем сердцем, а ты – задом!..», но вслух-то внове молвила ласковое:

— Попугая жестоко обманули! Это не Хúчча! – это сама Дúльча с Каббáной!

— Разве Рысь Русь не хочет кружевного хлúпика?.. Все девочки хотят в ЕеС и в кружевные хлúпики!

— Чего-чего?! – Рысь насторожилась, зачуяв очередную каверзу с посягательством.

— Забудь!.. Пúпа не дурак, Пúпа сам уже понял: погорячился! самочья самооценка здесь явно в уgone.

Шёрсти на холке Рысиной задёргались, готовые вздыбиться, пасть задрожала, зрея оскалом, óшиб пушистый принялся чертить грóзкие пируэты, зашибив оказией, да не насмерть, какую-то Улитку, безбоязненно шлёндающую по камням нагишом: без раковины, но с большой премией Бука. Непокрытый слизень блуждал в поисках правильной цивилизации, где все – интеллигенты и все – ориентированы нетрадиционно...

Недошибленная Улита тут же и предложила: сдаться! в плен! кому-нибудь! Попугаю, скажем...

но вернее, порядочнее – сдаться свино-нацизму с Кабанихой на троне: дабы сберечь культуру и ужин!..

Улитуному свисту да бормотаниям никто не внял: кто и расслышал, того стошнило...

... и слизень пополз – непонятый, неоценённый – к своим: в заводи жижные, тинные – где упырей да уты́рков, готовых сдаться-продаться, ценили всегда: по прейскуранту.

— Ты зачем сквернословишь, птица?! Кто тут тебе “в-ЕеС”?! Какие такие девочки?! Здесь не бордель! Здесь не в трусики играют, здесь живут! – те, кто в норме, кто головами мыслит: не гузками!..

А за “самочью самооценку” можно и ответить – и по усам, и по ЕеСам!..

— Клюв правды не заткнуть!.. Он хитро устроен: есть запасные отверстия!..

Сказанному в подтверждение Попугай пафосно пукнул, да так, что окрест разнеслось: в соседские кряжи. А умножась стократ Эхом Сосны – учинило кой-где камнепады и свалы... От произведённого эффекта Пúпа ж и вовсе раздухарился: гордым взвился орлом, гíдным ринулся соколом, да в горячности и прометнулся сызнава опасным лётот близь Рыси: теперь уж от лап её... А та и не хотела ничего злого, и про терпимость помнила... политкорректность... гостеприимство... но как-то само содеялось: сверкнул коготь рысий молнией... И поплыло по вётрам перо хвостовое – второе уж! – суверенными лóциями...

— С попугаями так нельзя!.. Жалкий, лютый, ничтожный зверь!.. Верните перья!..

Воспитанки. Класс Тигра.

“Разбор полётов”, описанных в “Плаче... поруха третья” страницей дале

— Скажи-ка дядя Тигр, недаром Рысь Русь ввязалась в эту свару, в голимый треш? Не лучше ль *схватки боевые*, где не в тылах передовые, и где ответы есть прямые: порви и съешь!

— Экие вы быстрые да задиристые: чуть что, когти навывкат – и в бой, не погнувшись выей!..

Похвально, но и порицаемо також. Ребячество. В вашем случае – тигрячество.

То верно: не мы начинали. Но заканчивать нам: йспокон веку так велось! Скольких и успокоили... А нынче время ещё не пришло дело довёрчивать. Гибридный мир, хоть и стылый: всё ж мир! “Порвать да съесть” – финальная стадия, когда уже иного не остаётся: ли ты, ли тебя.

Порвать-то мы злобников порвём, то однояко: так было, так будет!.. Но сколько вместе с тем злом и доброго поляжет?! Да будет ли вообще доброе что – после?! Чай не на кольях ратьба нынешняя затевается! Лучше б вовсе – без того финала!..

Нам козлов с попугаями на то и подсовывают: провоцируют, троллят – чтоб осерчали, огрóзились, чтоб повелись: лютану́ли!

А поведёшься: порвёшь козла, задерёшь попугая – тут как тут Макак со всем своим “светлым” воинством западлянским, кое уж вплотную у наших рубежей кишит, шебунит, копыхаётся!

... Что же до гра́чей с трéшем касаемо: не мы формируем повестку дня, и не зверóиды-враждотвóрцы даже: дело то провиденциальное – стихиями, нам не подвластными, устроенное.

И на ту повестку спустили нам одно токмо “дерьмо”, чему зверóиды рады зло-зéло: это же их, родное!.. Всю ту вонь, мерзость да гнусь они замыслили сделать “естественным-небезобразным-и-обязательным”, да называть не “дерьмом”, а словами затейливыми, политкорректными!..

Наша на то задача – от сабжа не уклоняться, не хмыкать брезгливо: мол, само рассосётся! добро, мол, само себя торжествует! – но отвечать! и вещи рычать именами исконными: если уж óвно – так оно óвно и есть!..

В общем: не то беда, что на тебя какнули, а то, что живёшь обкаканный, да тому потакаешь.

Береги честь с пухóв млáдых да когтей мáлых.
И шкуру свою не погань понапрасну!.. Коли же чести ради – так не щади.

— Значит, ответственность по матушке надобно яро?

— Не торопитесь ликовать-то сквернословию легитимному! Клык на клык, на чмор – античмор, то так.

Но не так-то всё просто!..

Поговорим же за брань воспитательно, коли к месту пришло.

С крепким словом у нас, зверомирцев, дюже непростые взаимоотношения – типа сожительства. О чём подробно поведано мною (в соавторстве с Туром) в Большой Зверомирской Энциклопедии.

Вот и задание вам – домашнее, факультативное – образовалось: тему ту раскусить, изучивши в том писании мудром статью за номером 2-1.03.,

да разуместь, коим образом наша ядрёная речь издревле связана со Светилом Соль светоярым!

Вкратце лишь то помяну, что: слова бывают бесценными. “Родина”, например, или “Победа”, Но и обесцененными тоже бывают. Мудрецы их “обсцénной лексикой” именуют, то есть: речью непристойной, распутной, безнравственной.

Да мы понимаем: “обсценный” и есть: обесцененный! ценность утративший. И уже после то “обесцененное”, ничтожное, зряшное – становится сквернословием, срамословием, блудословием: бранью. Или совсем уже – матом. Да не просто так и становится: не крепкого, забористого словца ради!

Крепкое-то словцо иной раз и к месту, и к лицу – особенно: зловидному. И к вражьему зловерству всему: огулом-разом – уместно!

С поганью-то на поле брани какими словами, кроме бранных, изъясняться присоветуете?

А заметьте себе: нынешние войны – то не просто клыкорубки ратные, кровавые, кои предки славные вели “клык-на-клык, сталь-на-сталь!..” Ныне – войны всё больше гибридные, и рубки словесные в них дюже важны, коли не главные. И церемониться с вражею пéтушью – нечего!..

Но в том и подвох! – обсцénные слова не в ратном да трудном волят остаться, они в уют – в нашу жизнь, в наш быт, в самую душу угнездиться метят, обесценивая вместе с собою всё, к чему прикоснутся, присоседаются – что для нас цénное, любое, святое...

То и выходит:

на поле брани: “брань” – за нас! и “ругань” – наша! с нами “мат”!..

в быту же, в житийстве чинном, в его обустройстве: тот же “мат” – враг паскудный, за Поганца воюет, нас изнутри разъедая.

В том и урок: бранное слово когда и полезно, да не дозволяй ему в тебе угнездиться. Негоже – мир через бранное видеть!

— А этот вот вражий тезис:

«... без Права на измазаться и опуститься – бессмысленно Право на возродиться!..» – что значит? У каждого, типа, есть “право на ошибку”, ошибается всякий, главное – “всё исправить” потом?! Разве ж плохо?

— Наша парадигма иная:

«... береги честь с пухóв млáдых да когтей мáлых!..»

а не: “поблуди наперёд”, “налажай чуток” – всякий, мол, опыт – бесценен!..

Ведь ливерастия и обставляет всё так:

“пониманием” мерзостей да толерантностью к безобразиям, чтобы каждый, особенно в младости, – извозюкался, да погрязнее! За свой же, притом, счёт, или родительский... потреблял всякую гадость, раздавал бездумно в блудодействиях тело своё да торговал им!.. И уже опустившись до скотства, коли жив и остался, – долго, мучительно, трудно – “всё исправлял” и сам исправлялся: винясь да каясь! – И опять же: за свой счёт... или родительский... или Фондов каких, зверосердием озабоченных, а на деле – весь тот “круговорот общественной грязи” финансирующих да тем умножающих.

“Провинными” да “повинными” управлять куда легче! всегда в узде: прощением взнузданы. И всегда под угрозой: отложенного воздаяния за былые грешки.

Именно это звероиды называют “правом на ошибку”, кое всенепременно сопутствует “свободе выбора”. Всамделе же: плен выбора, хомут свободы.

Потому зверомирцы и учат потомство своё: смолоду – честь береги, достоинство – тако ж, и целомудрие!..

Не свобода безрассудного выбора, но воспитуемая Воля!

— Тогда такой вопросец, из “вечных”: суетишься, стремишься, копишься, тщишься, пытаюсь соответствовать... да так и помрёшь: невзорвавшимся... В чём идея, дядь?

— В определённом смысле рутина жизни и есть: смысл.

— Чего? Рутины?

— Нет. Жизни.

— Рутина – смысл?!

— Безусловно. Не весь смысл. Но важная часть его. Ибо Смысл как таковой, как “вещь-в-себе” – тоже рутина. Другие же коннотации – пища разума, брани и войн.

— В завершение урока напутствую:

не ведитесь на враждолюбцев и враждотвóрцев: им то и надобно!

Приручите свой гнев:

коли сами не оседлаете, гнев оседлает вас.

— Мы не кони. Мы тигры. Седлать – не про нас.

— Тогда съешьте свой гнев. Или гнев съест вас.

— А как быть с той вражиной, коя гневу причинна?

— Тоже съешьте...

Да что вы, племяши, пристали, в самом деле! – вон лепота-то какая кругом да воздух ласковый, а вы: гнев, гнев!..

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев порука третья

- Рысь Русь – лютая! Угроза миру!
- Я не лютая. Я – Рысь!.. Думай, к чьим рубежам прыскаешь!.. “Правила вежливого вождения в суверенных просторах, для хвоста и живота безопасного” читал?.. Да лётные права-то сам имеешь?
- У нас, в царстве Добра, исчерпывающая полность Прав и Свобод: движений, вождений и дтп!
- Так даже?! Чего и пенять: у меня ведь тоже – свобода движений! Но я – на своей территории.
- Э, нет! Права и Свободы – не про вас! Это про нас – светлых и белых! Просвещённых и совестливых! Кто на правильной стороне истории.

Рысь глянула с сомнением на попугаево оперье: в целом – чёрное, местами лишь краснопёрое, не считая срамной пестротной заплаты. Белого не наблюдалось.

- Белым, говоришь, светлым?..

Затем окинула взором окрестные граниты – изрядно уже, “на совесть” Попугаем загаженные, – и вовсе нахмурилась. Да вопрошала далее грозливо, с острасткой:

- Просвещённым, говоришь, совестливым?.. В чужом доме гадить – это: “просвещение”? Атмосферу ветрами отвратными портить – это: “совесть”?.. Это и есть: “правильная сторона истории”?
- Именно!.. Как ты не понимаешь?! Мы и у себя гадим, но в чужом-то – слаще и геополитика верная: просвещать отсталость, орошать её цивилизацией!.. В чём главная прелесть завроСвобод? – Можно неограниченно самовыражаться, делать “что-хочешь” – и большое, и маленькое – в одном месте, потом перелететь в другое, где пока ненаделано, типа “начать всё сначала”, “всё исправить”, “начать жизнь с понедельника”, да снова обделаться: красота!.. Право гадить – незыблемо! Без Права на измазаться и опуститься – бессмысленно Право на возродиться!
- Ты вот здесь сидишь, пачкаешь красоту земную, а финала себе не чуешь.

Пупа разом смолк, нахохлился, моделируя в уме возможные финалы да к ним лоции драпа. И как бы оно там дальше обернулось – помыслить-то боязно, но вмешалось кстати дерево Прокүда:

- Пусть гадит. Задумано так. Для привлечения и вовлечения. «Центр Современного искусства и воспитания», понимаешь... – Ёлка-Центр! Любой может вплотную – “интерфейсом-в-интерфейс” – подойти, обнюхать, задрать интерактивно лапу да пописать, или более существенно в истории отметить, да считаться при том художником. После и расписаться гвоздём на Ёлке...
- Здесь нет гвоздей.
- Камнем с курүмов...
- Здесь нет курүмов! Уже нет... Тогда и не стало, как ты, коряга забрöдная, объявилась.
- От вас даже курүмники-умники эмигрировали! Свалили, лишённые перспектив и свободы падений в низость и пропасть: в наслаждение общезвериными ценностями! – тут же возопил с ветки Пупа.
- Ушам не верю! Это что, сговор? Снюхались? Кодлой будете здесь, в моём доме, безобразить?! Тогда уж извольте и на учёт встать: как иноземные агенты. Со всеми следствиями и втыкающими!.. Своих-то паскудников – множок да плюс лукошко: один Козёл чего стоит... Так что вот, извиняйте: на ваше дрянцо спроса нет, своим перебьёмся: импортозамещённым! – И уже лично к дереву обращаясь, молвила подсмехательно: – А когда ж это тебя сподобило Ёлкой стать, сосна ты сухая, корявая, лысая? Думаешь, воткнула пяток рыжих иголок да измазалась как бы смолой в смрадной памяти: сразу ж и Ёлка-Центр?!
- Рысь вот сказала: безобразия. Ни в коем случае нельзя сравнивать ситуацию с нашими безобразиями со случаями безобразий ваших, потому что это так потому, и это очевидно... Ваши безобразия – ужасны, чудовищны, отвратительны!.. А наши безобразия прозрачны и открыты всем! – Попугай надулся, выгнул грудь колесом, взметнул пал когтистый шишóм в небо да завершил речь величественным панегириком, гимном всей Зäпадлой цивилизации разом: – И когда мы где-нибудь наложим да налажаем, мы об этом честно, открыто говорим всем на весь мир! И мир нам – верит!
- Опять же пустое врёкаешь. Вот и краснеть тебе незачем: щёчки по жизни – мясцом алые.
- Да, вру! Но вру искренне!.. и во имя торжества правды!.. – Зачем так сказал, Попугай сам не понял. Но получилось красиво.
- Врать, не мушек глотать, не подавишься... Враль и есть! А “врать” и “враг” – одного корня-семени.
- Это я-то враг? Я враль?.. А не у вас ли тут водится пташка-зверушка, так и прозывается: завирүшка!
- Где ж ты её слышал? Завирүшка – птица скрытная, тайная, коли ж и врёт – редко, да всё больше по делу: дабы тот, кто гнёздам да сёлам разор несёт – не донёс его в назначение... – Рысь лукаво прижмурилась. – Птичка-Завирүшка – наш Сусанин!.. И вот тебе меж вами разница непреодолимая: она врёт, когда обманывает, а ты врёшь, когда правду вещаешь!.. И ваши все – тако ж!

Попугай опешил, сияясь осмыслить сказанное Рысью: что это было? – парадокс? апорія? паралогізм, антино́мия? или иной какой хитромудрый софизм, в коих зверомирцы от веку слыли – дюже искусными...

... Как и когда пропало при том с хвоста третье перо, никто не ведает: уж позже заметили.

Воспитанки. Класс Тура.

“Разбор полётов”, описанных в “Плаче... поруха третья” страницю дале

Делу: время. Остальному: час.
В трудах – жизнь!

- Зачем Рысь Русь вязалась в эту свару?
Ведь ведомо: не трожь – оно и не воняет!..
Само рассосётся, удобрением обернётся...
- Само по себе ничего не рассасывается!
Сие есть вреднейшая обывательская кулемёса,
ведущая одно лишь – в пропасть, то и в рабство.
Всему своё время, у всего – свой срок деланья.
Вот и Зверомиру время пристало: “идти на вы”.
А Попугай кархадский – шестёрка лишь, сявка
в бороньбе геополитик: проверка на вшивость,
“привет” от Макака. Но и сам Макак – шестёрка,
“пороховая обезьянка” на подхвате у Папы Сво.
Здесь противостояние провиденциальное:
тут высшие стихии меж собою ярами меряются,
нас же – как пешки-байдаки в игре Шатрандж –
двигают да разменивают!
- Посему и тема урока нашего:
своевременность деланья.
Есть у меня и воспитанка в тему:

Почему неверно «лучше поздно, чем никогда»

Pars pede, pars etiam celeri decurrite cymba
с латынского – *Часть меня идёт пешком,*
часть несётся в лодке в стремительном потоке.

Вот плывёт по реке бревно. А ты стоишь на обрыве.
И надо тебе на то бревно прыгнуть, дабы на нём плыть
куда или перебраться сухим через неузкую реку.
Но боязно дюже – промахнуться да окунуться:
в неласковую, мокрую, стылую воду.
И ты стоишь, а бревно мимо плывёт...

Вот, наконец, ты совладал – со страхом, сомнением –
прыгнул... Но где же бревно? Бревна-то и нет! – уплыло
вместе с течением. Есть только студёная, мокрая, злая
вода, которую ты и боялся...

Потому неверна присказка непутёвых да неразумных:
«лучше поздно, чем никогда»!..

Не прыгай на бревно, коли бревно уплыло!..
Что не сделал уже – своевременно – то и не сделано.
Это факт прошлого. Прошное – не исправить,
над прошлым нет нашей воли!.. Как быть? –

Проявить надо волю: признаться
в несделанном. И осознать: что должно делать теперь,
помятуя о ранее стоявшей задаче да учтя результат её
“нерешения”. И содейть деяние, которое будет теперь
своевременным... Только уж не боясь и не медля.

- Ага, воспитательная воспитанка, “со смыслом”,
пафосная, иллюстративная... А что с бревном-то?
- А что с бревном? Жди следующего. Пока ж суд да
дело: брод поищи, вплавь рискни, или же:
«Летай самолётами Орлофлота!»
То и призадумайся: оно тебе надо было? Не лапа
ли провидения уберегла от чего недоброго?..
Главное: не рефлексируй.

- Но вот как раскрыта та же тема в учебнике, –
нашем, зверомирском! да копытом писанном –
кем-то из ливераствующих.

Вроде, о том же, по делу, даже доходчиво,
но “с душком”, и всё через зад!

Ливерасту ж всегда – неуютно, некомфортно без
грязи да гаденького, задом отмерянного.

Почему нельзя откладывать на потом

Parvum addas parvo, magnus acervus erit
с латынского (вольный перевод) –
Малое добавляешь к малому;
получаешь большую кучу.

Один зверянин слыл очень трудолюбивым и
аккуратным. Когда он ходил по нужде – всегда
убирал за собой, и его отхожее место всегда было
чистым.

Другой зверянин был не менее трудолюбив, а дел
у него было: поболее. И он тоже, заходя в отхожее
место, всегда за собою прибирал. Вот только
прибирал он то, что осталось с прошлого
посещения, а справив нужду снова – оставлял
уборку на потом, на следующее посещение, ибо
в списке важных дел уборка хоть и числилась
обязательной, но не первоочередной по важности.

В результате, хоть количественно этот зверянин
убирался столько же раз, сколь справлял нужду,
его отхожее место всегда было за...но, то есть –
грязно, а сам он слыл пачкуном и грязнулей...

- И верно: пахучая воспитанка... Так то ещё что!
В инетах бают (и с пруфами!) – мол, в кархадских
питомниках дошколят обучают счёту, складывая
доходы Ай-птичек от клиентуры, вычитая маржу
сутенёров, да суммируют “до кучи” снюханные
той кодлой травки... Инновационенько так!

- К слову об инновациях.
Один свинонацист старых времён,
соратник самого кровавого Вепря Алойза,
завещал своим последователям:

«... *Инновации – ваш главный инструмент.*
Под маркой экспериментов и заимствований
иностранного опыта смело наносите удары
ломом...»

Оглянись вокруг: на образование, ёкономику,
медицину, культуру – ничего не напоминает?..

- Однако вернёмся к теме урока, резюмируем:

Многие из зверян живут днём сегодняшним,
но и в дне сегодняшнем пребывают,
как поселенцы, прозябая по принципу:
завтра, завтра не сегодня... а ещё лучше –
когда-нибудь, или как-нибудь само-собой...

Мы же учим:

то, что нужно и можно сделать сейчас,
можно-нужно делать сейчас, не завтра и не потом, –
завтра и потом будут свои можно-нужно,
а для вчерашних уже может стать и поздно.
Навсегда поздно.

- Это как так: “навсегда поздно”?!
“Поздно” – штука одноразовая:
опоздал – и проехали. До следующего “опоздал”...

- Не скажи.
Укусил тебя, к примеру, ядовитый тарантул,
а ты яд из раны тут же не вычистил,
травку заветную разом не сжевал,
тут тебе и “навсегда поздно”!

- У нас, во льдах, тарантулы – в диковину, но иных
ядовитостей – предостаточно. Урок усвоил.

- В завершение урока напутствую:

Меньшее из зол – всё равно зло.
Беги того выбора. Не выбирай из зол!

Но коли уж вынужден – да выбрал –
“меньшее зло”,

не вздумай наречь то – “благом”,
а деяние своё – добродейством:

вот это уже и будет – действительно худшее,
это и будет Зло!

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука четвёртая

— И вот куда оно занастилось?... Никто и не брал, а нет пера!.. Пора бы знак упреждающий поставить здесь, в урочище этом, недобром к залётным да пришлым: “Будь бдителен! Перья береги!..” – задумчиво молвила Рысь, в который раз уже пересчитывая хвост попугаев, трижды претерпевший... Никак не сходилось.

По протоколам значилась порука двух перьев. Стало быть, наличествовать полагалось десяти. Да как ни считали – девять выходило... Рыси и осталось лишь на ту беду лапами развести да горько посетовать:

– Такое у нас бывает, бывает: то есть, то несть!.. было да сплыло... не воровали капусту, а на грядке пусто... Ты ещё исполнений бюджетов здешних не видел – с комментариями счётной палаты.

— Ага! думаешь, наши в освоении бюджетов – не гудини? Да покруче ваших – в разы: бюджеты-то кархадские куда жирнее, потому и прут: толще да гуще, факирам вашим не снилось!

Попугай, дюже впечателенный мутной пропажей, говорить в кручине вдруг стал задушевно, товарищески, что думал. И личности своей касаясь, рёчил уж в первом лице, не как о чужом:

— Да что высоко летать: бюджеты, казна!.. Возьми хоть мои командировочные. Половину ведь, скуды, отжали! Совестьники ядовитые, ядрить их в тылы вертелами калёными!.. А те же гранты возьмём... Ведь в конторе меня как напутствовали: вот везёшь ты грант на территорию вражескую, да не простой грант: целенаправленный! – для подрыва его, врага, изнутри. Молодец, геройская ты птица! Довозишь грант в целости, сиречь ненадкусанным, получателю: Козлу там, Улите, ещё какому из ваших проедателей местных. Вручаешь помпезно, ведомость пишешь, да всё-то с умом делаешь: три – на бумаге... один – в рыло, по факту... два – в клювике обратно: нам стало быть, светлым борцам за-мир-во-всём-мире и демакэию-всем!.. Спрашиваю: а мне что с того? А тебе, отвечают, большое гадючее спасибо и признательность всей прогрессивной общественности! Ты – Молодец, ты – Герой!.. Ну скажи, ну не гады ли они земноводные?!

Произнеся “земноводные”, Попугай всполошился: вспомнёл разом и за великую миссию, и про Кого-то в кустах, которого, вместе с кустами, и не было, да было, потому что не быть не могло... и вдруг, без перехода, словно тумблером кто щёлкнул, взвился обличительным пафосом с должной семантикой:

— Зверомир – шайка жуликов и воров! Край непуганых коррупционеров! Ушкуйное бездолье!.. Вам нет места в цивилизованном мире!.. Верните перья!.. Попугай будет жаловаться в Га-Гачий суд!

Рысь скорбно молчала. Вины за собой она не чуяла, но Вишера-то: наша, а пера иноземного: нету!.. Да и Пупа-в-горе вдруг сказался вполне себе компанейской правильной птицей, неслабо понимающей за жизнь и точное слово. Где только зверомирскому креплённому слогу и обучился-то?!

Вот заболотили ж мозги доброй птице, ливерасты-паскудники!.. Каким бы мог он классным парнем стать! стихи писать... хлеба растить... далёкий космос покорить... И прикид у Попугая, коли по чести: вполне себе годный: вовсе не от Хуччей вертячих – от природы-матушки!.. вот только срамную ЛГПТ-щечку выщипать...

Пупа продолжал картинно ерепениться, артистично верёзгать, изредка, с тревогой косясь на кусты, которых не было, но было, потому что Кто-то смотрит всегда... пока не счёл мизансцену отыгранной вполне...

но для полной “зачётности” завершил её мим-этюдом, смысл которого: осознание того безотрадного факта, что варварские вѣздухи сотрясать протестом – лишено всякого цивилизованного смысла, но реально призвать к ответу за пропажу пера – некого... но и без того Рысь Русь, заодно и вся Рось, весь Зверомир в целом – виноваты смертно уж одним фактом своего существования...

От того изрядно собою довольный, Пупа украдкой показал неприличный жест в направлении кустов, которых не было, но которые тем жестом дюже обиделись, да немедленно и донесли, куда следует, запросив при том дополнительные полномочия и финансирование...

Попугай же, себе зарубив: “боле не расслабляться”, – с хохолком окунулся в работу, ему предписанную, да перешёл к следующему пункту намеченной в конторе повестки.

— Вот скажи мне, самка, лютующая напрасно и в одиночестве. Леший с ним, с цивилизованным выбором, но любви-то хочется?!

— А что, кому-то не хочется?! Разобрало ж тебя, паря, однако!.. Давай, коли так, и о личном: потешит.

— Цена вопроса?

— ???

— Ну не любить же, как дура, бесплатно, а не гешефтом, как просвещённая...

Хрустальная истина звенела ещё в горном воздухе, ещё блистала огранкой в лучах заката, озаряя собою отсталые, тёмные земли да зябнущих в них “забитых зверей Востока”...

... а Рысь уж летела в броске: *искандёром* карающей Немезиды...

Отчего Попугай вживе остался, не порушился насмерть, а пером лишь одним – хвостовым, четвёртым уже, – то до сих пор тема грачей всеместных... ток-шоу бараньих... и грантов обильных... и диссертаций... но также причина больших инвестиций в чудо-оружие: “смертьНемезиде”, “антиРысь” и “гореВостоку”.

Ай-птички и Яти (Ъ).

для разума внятного, о чём не скажут, но знают герои событий, описанных в “Плаче... поруха шестая” страницю дале encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’ | статья ‘Ай-птички...’

О сродниках ливер-Попугая Пúпы такое судачат:

дескать, у Пúпы кархадского родня многочисленная – обоего пола да к тому ещё гендера всякого, ибо с гендерной идентичностью той родни – чудотá запредельная.

И родня та – гламурные айские птички, Ай-птички, что водятся всюду, где сытно да платно, но которые знать его, Пúпу, ничуть не желают, ибо сами ж они – к вящей Пупиной зависти – “правильно” вжились, устроились, то есть – “с прибытком”... и “за жизнь понимают” также мудро и веско:

птічат в шикарных публичных фэшн-домах,
занимаются тем же в свободном полёте,
ещё и сидят на прокормах у пáпиков щедрых в позолоченных клетках.

Самым фартовым из айских случалось пристроиться в прибыльный замуж:
за юлиста, или вепря в погонах, или спортзверя, или плолитика, то и совсем – жлобиарха,
да скоренько и развестись, жирно отсвоив – с лихвой! от добра лохомужа
(если допрежь тому сами в ошип да в супы не попадали!..)

Те фартовые айские, безнаказанно лохосамцов разводящие, бранзулетками-кольцами многими щеголяют на изнеженных лапках: “трофеями айскими”... их обилием, весом и драгостью меж собою кичатся и меряются...

Но касательно тех, кто судачит подобное, сами Ай-птички имеют своё, очень веское! птичкино Мнение:
«Завидуют, скúды!.. Им бы самим так хотелось, да их-то и даром не птичат... Вот и злобствуют!..»

Птички айские в большом почёте у звероидов Ливерáтии, где они охраняются, опекаются и умножаются – Законом вкупе с Правами всяко-разными – птичьими, да ещё содомитскими, да ещё толерастными, сиречь скотскими. А буде кто Ай-птичек не уважает предписано, не именует почтительно, пуще того: неприличным словом каким называет, – тех тот Закон сурово преследует...

... есть у птичек и свой профсоюз...

Ливерáты привечают птичек всеместно: их приглашают пощebetать о птичьем своём ВУЗы и школы, их избирают в ливер-горламенты, иных же – в сласть Власти...

... и все айские поголовно ратúют за мир, за добро, но пуще того – за права всякопóлых...
В свободное, разумеется, от птичьих дел время.

Иные из птичек, то правда, наптичить сумели изрядный успех: и в банковских депозитах, и в ливер-тúсах гламурных, и в завроСМИ желтокожих, а пуще того: у школоты пубертáтной, – да тех айских-то и немного, в основном же: заурядные яти. Их так зверомирцы на письме означают “Ъ”, или “я́ть”.

Но промеж братии Ливерáтии в ходу иные, политкорректные термины:
ай-птичить, айски отптичить, сделать (дать) птичке ай,
решить проблему или вопрос по-птичкиному, уладить через ай.

При том “ай” всё больше на за́падный манер – карха́дским письмом обозначают – i, что у них – к тому ж заодно – и местоимение личностное: сущность звериную в окружающем мире как личность описывающее... Семантика нам и намекает: все, мол, они – немножечко птички, каждый из них – по-своему айский: **Je suis putain!** Что, в общем-то, верно, да не совсем:

все ли на За́падле, тем более: все ли карха́дцы – одно ливерáсты?!. да все ли там – айские? – то вопрос! могучий вопрос!.. Это лидерам ливеров хочется так: чтобы все!.. Но в первую голову хочет такого – Сво-заворящер, Папа Свободы.

... не так давно завронеты да СМИ взахлёб, расточая хвалы́ да слезясь в умилении, репóстили откровения некой гривнёвой пичуги, которая ударно ай-птичила в прифронтовой полосе:

«... В нашем птичкином деле, как и на войне, как и во всякой иной проституции, главное – не утерять своё птичье лицо: не поступиться моральными принципами: не позволять клиенту даже и думать, что ять можно унижить, принудить к тому, что не предусмотрено действующим прейскурантом, – там всё предусмотрено!.. Своя у нас – птичкина гордость, свои – незыблемые ятские принципы!..

И разницы нет – ты наёмный боец или плолитик, стяжатель от жлобизнеса или вратель от попуганды – в любой проституции важно: не поступиться принципами, по-совести-жить, неполжи!..»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука пятая

- Ты, западлѣнин, есть интродукция в нашей экосистеме! Чужерот в биоценозе!.. – отплѣвываясь пером, ана́фемствовала Рысь, возвернувшись уже на свой камень после броска.
- Видишь, девять скотов бездыханных рядом лежат?.. Так там и десятое местецо́ заготовлено: твоё, стало быть... Всё одно рван будешь, да не мною: без того пролить крови немало назначено!

О чём говорила Рысь? какие такие девять скотов бездыханных? чью кровь, да немалую! пролить назначено? Сие так и осталась загадкой, ужас вселяющей: то ли это пророчество, до срока суждённого – тёмное... то ли намёк, никем не угаданный... то ли явность какая, под грифами скрытая?..

По оперативным же сводкам массовых душегубств не проходило... Означенного скопления скотьих трупов, числом девять, никто, и Попугай також! – в глаза не видели, но почему-то разом поверили.

Об учинённой поруке пера четвёртого Пупа теперь даже не заикался – после таких-то манифестов!.. Быть бы живу... Восемь осталось перьёв – так и за то большое птичье спасибо!.. Молчали все, даже инет, даже СМИ... понимали: не след пустовра́кать о том. Шутка ли: девять скотов бездыханных!.. Не стать бы ещё одним.

- Молвишь правду о цели паскудной, с коей врагом нашим в пределы наши заслан, – цел будешь! С прорёшным хвостом, да цел животом! А уж дале – не́жить с тобою! вон ветер, вон поле: живи пока вволю, да с памятью в долю: о клыках да когтях моих, да к тебе моей доброй воле.

Попугай в страхе зажмурился, скукожился, но ещё пытался юлить – уж так был обучен!

- Вы, росские, больно пафосные... склонны искать во всём содержание и глубинные смыслы: психологизм, драматургию, сверхзадачу, двойное дно, заговор... Простее надо быть, простее! Вот какой такой глубинный смысл в том, что Попугай опростался или ветры пустил? Кроме, разумеется, того, что он просто опростался и просто ветры пустил...
- Касаемо конкретно тебя, кривословный облы́жник, – смысл самый что ни на есть глубинный! Казалось бы, всё, тобою гово́ренное, и есть: “опростался да ветры пустил”. Но меня интересует истинная цель этого “цирка-в-клозете”. Задание. Явки. Пароли. – Рысь оскалилась... Дюже недобро.
- Ладно. Как на духу. Попугай всех сдаст!..

Тут уж бытность окрестная вся разом превратилась в огромное ухо... Кто-то в кустах, которых не было, но было, судорожно кинулся настраивать сверхчуйные микрофоны, да микрофоны некстати и умерли.

- Имена ты сама знаешь: они все медийны, все на слуху. Они вещают в полный голос и Эхом!.. Не только Попугай – все наши конторские в шоке: как вы их терпите, как не порвали в клочья или же на вертела калёные тылами не понанзили!.. Дерзнул бы кто в наших пределах супротив собственной родины так паскудить, как ваши – у вас! Да разом – в ощи́п!.. – Попугай взбу́лькнул от негодования праведного, продолжил: – Пароль же – на всех один, неизменный: «Пузро!», ответ: «Набить!» И контрольным жестом суёшь “бабки”. Взяли – значит, наша скотинка, на все сто!
- С инвестициями в оппозицию, это вы напрасно... Наши и денежку возьмут и давших пошлют... Не раз уже.
- Как сказать, как сказать... Так-то оно так, но мерзость множит. Она-то, тварь, думает, что обманула нас, кинула супостатов, грантом кормящих, а грант, мол, и вовсе – не пахнет! Дескать, грант она, тварь нелживая, совестливая, на благое деяние пустит!.. Как бы не так! Подписался под грант кархадский – уж наш клиент, с потрохами... дальнейшее – рутина. Каждый цент отработает!.. Вся ваша мразь – у нас на учёте, в наших интересах и куролесит, даже если о том сама и не ведает!
- Слово “тварь” говоришь ругательно как-то, матерно. А ведь “тварь” есть “тварное”, творение!.. Похоже, для вас, ливеро́идов, что “творение”, что “товар” – однойкость: одним смыслом мазано!
- Что плохого? Здоровый прагматизм даже очень способствует: кошерной совести и крепкому стулу. «*Честь добра, да съесть нельзя*», – не наш фольклор, ваш!.. Коли вещь нельзя продать, в ней нет смысла! Если не ценишь себя, что значит: “цену-себе” сам не назначил, – что с того?! Цена-то будет всё равно: грош цена! раз не объявлена. Один сам ты об этом и не знаешь, потому что тупой, потому что – ватник... Ваша ро́сская беда в том и есть: продавать себя не умеете!.. А учить “продаваться” следует с детства – в яслях и питомниках. Крепить навык – в школах и ВУЗах!.. И ещё надо ставить правильные вопросы: не “что делать?”, а “за сколько?”, не “кто виноват?”, а “кто заплатит?” Не то ведь и будешь всю жизнь заниматься любовью по любви, как дура, а не за профит, как просвещённая...

Пупа осёкся, сообразив, что сызнава понесло, где жаром уже и окатывало, да поздно-то было... Рысь глухо зарычала. Кровью налились гла́зы Рысины, спина грóзко выгнулась... и от ужаса, обуявшего птицу, Попугая внове накрыло слепотою топографического кретинизма, вослед чему повторилась драма пера первого, да также второго: метнулась птица бездумным лётом... сверкнул молнией рысий коготь, клацнули зубы... Перьев в хвосте стало семь.

Гламурки и Яти (Ѓ)

для разума внятного, о чём не скажут, но знают герои событий, описанных в “Плаче... поруха шестая” страницей дале encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’| статья ‘Ай-птички...’

Не следует думать, что одни только айские приспособились к птичьему делу: во всех стадах – и больших, и малых – имелись собственного вида яти, да всякого пола. В больш́инах – менее, в меньш́инах – более, в иных и поголовно.

А уж тех, кого звали “гламурками” – тех и вовсе без счёту: яти они вроде как и не явные: видом-то стыдные, да на срамном не ловлены, хотя и всякому ясно: по-птичьи они – через ай на мир смотрят.

Так если б только гламурки да яти! То – плесень очевидная, значит – боримая. Но на том же зиждется и всё житиё ливерастное, кое ржою и наш Зверомирский быт разъедает – в слаб́инах его да на мутных окраинах. Или не слышали вы тех призывов, что не токмо нам – уже окрепшим в понятиях – но и детёнышам нашим с кафедр внутрьют? –

«Учитесь себя продавать!»
«Вы только тогда и есть, когда вас купили, и в той лишь мере, во сколько вас оценили!»
«Ценят не хвост и не клюв у Птицы – а сколько у неё нулёв за единицей!»

Сказский Тур, зверомирец, мудрейший из всех и единый из нас, кто с людьми ведался, которых и нет, и быть не могло, но о которых все знают, сказывал так:

мол, в Людомире, на бескрайних просторах самой могучей людянской державы однажды взбурлила именно птичесть, ай-птичесть людянишек – паскудных враж́ин своей же страны, горластых меньш́ин, окормляемых с запада,

и эти мерзавцы там такое нагадили, так наай-пти́чили, что державы не стало: не то, чтобы рухнула – ушла, затаилась, растворилась в грядущем; но ойкнулось миру, а пуще – самим людомирцам...

И поведал нам Тур строки лютые людомирца-поэта, тех событий напáстных и горьких времён очевидца:

«... а знаете, каким поганым вопросом добивали державу?
вначале – забугорные дяди да тётки гражданского вида,
вослед – и прикормыши их местечковые: елейно, с улыбочкой гаденькой вопрошали – с экранов, со страниц газетёнок, журнальцев,
и вопрос тот гулял по стране перевётом, поклёпом, со слюной пополам – из уст да в уста,
да из дома в дом – гнусной порчею, подлым блудом, изменою, венерической эпидемией:

“Если вы тут такие умные, почему ж вы такие бедные?..”

и не бедные были, да уж точно – не глупые,
но таилась в вопросе том сладкая гадость...
и никто не учуял подлога,
деструктивной семантики подлого спроса,
что был равен подначке из уст проститутки:

“Коли ты такая красивая,
почему же спишь лишь с одним, и то даром?”

“Потому что не ять!” – страна знала ответ.

“Потому что не Ѓ!”

но его затоптали, захлópали,
ором-во́пами задушили –
числом малые, душой нищие,
да горластые дюже твари...
и держава ушла...»

... Да ведь и нам, зверомирцам, подобное ведомо – не так уж и вдавне!

И Ай-птички, и прочие гламурки да яти числятся “индифферентами”, или “инд́илами”, хотя иные из них и верезжат весьма патриотично: в русле того патриотизма, на территории которого в тот момент они птичат. Всамделе же им: фиолетово с клубнем до всего идейного, да и просто – трудного, как то и приличествует всякому продвинутому индифференту: эти особи легко, ненатужно подстраиваются, мимикрируют под всякую среду обжирания, присасываются к любой этике, прилипают ко всякой плолитике, оставаясь при том – безучастным, индифферентным всему, что мимо их пузра и быта.

И это не всегда так плохо, как хочется думать, хотя отвратительно.

Не могу не поделиться – в раскúс темы, разумеется, – точёными виршами людянского моего коллеги, мною не виданного, да вирши его нам ве́домы – от друга любезного, Сказского Тура, людомирца того знавшего лично, как сам уверяет.

ГУСТОГРУДЫЕ

Бэлла белá
как эта стена
в больничном покое
Шаганэ шоколадна
в тон шалого ветра
морского прибоя
и чёрная Глэдис
зовёт утонуть
в её матовой коже...
вы всех и ничьи
Доступные-Девы-с-Журнальных-Обложек.

В качестве же “ответного тоста” – “вирши в тему”, кои замыслены мною были именно: относимо самок-гламуток, известных недобро своим поведением, дюже ай-пти́чным, да вдруг – неожиданно для сочинителя – теми ж стихами пропагандисты клеймить стали иные материи:

дескать, в тех строках – поэтически образно, но идеологически верно – как бы описана суть вражей как бы Свободы, о чём и сам автор (каюсь!) как бы не ведал...

Дама-Да

... дама та ещё: “нет” не знающая, дама-Да!..
... вместо крови у дамы – гнилая вода...
... сердце – даже не стúдень, не зельц: ядовитая ртуть...
... во взгляд вплетены нити тьмы, и в ночь её путь...
... моралью та дама владеет, как собственным телом: рентабельной плотью, пущенной в дело...

... и каждый,
дамой-Да в пучины влекóмый,
достигнувши дна,
на дне прозревает и знает уж точно:
что нам притягательным кажется ночью –
станет убогим –
при свете дня.

... не уподобляйся же Козлу,
вводя “хотелку” в статус нормы,
не блей:
«Как хочется в объятья злу,
когда у зла такие формы...»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха шестая

- Весна вóды мутит. Туман воздух мутит. А ты всех баламутишь, окаянный: на душе от слов твоих вязко и пасмурно. А у самого перья в хвосте тают, как снега по весне, но без видимой пользы!..
- Умеете вы умно́ да в цвет сказать. Но если вы такие умнящие, почему ж вы такие неимущие?!
- Что за пустельга?! Опять брехати затеял, не угомонишься никак, жидкохвостая птица?
- Не пустельга. Это слово крылатое! Крылема. Идиоматизм. И в нём – кристалл неполживой правды.
- Не крылатое слово: пернатое. Пёрл. Идиотизм. А в нём – кизяк вирусной вра́ки.
- Рысь Русь теряет для Попугая всякую привлекательность. Её манеры – некомфортная среда для инвестиций. Попугай отказывается инвестировать в Рысь свою доброжелательность!
- Вот уж потеря, вот уж горе! Ещё санкции наложи... Впрочем, чего где наложить – с тебя станется.
- Санкций на вас уже – воз полный. Но вы ж упёртые: любой строй цивилизованный давно бы загнулся да прогнулся. А вас ломать санкциями – как яйцами стену: самим и накладно... Попугай о том, кстати, не раз говорил конторским: только зверомирцев насмешите да раззадорите, они вам ещё и спасибо за санкции скажут... Им жить под давлением – привычная среда обитания. Цементирующий фактор! Но кто слушает попугаев в наших пенатах? А напрасно, напрасно, напрасно!

Рысь вторительно уж не купилась на попугаеву “как-бы-искренность” да задушевность, ответила сухо:

- Не в санкциях дело. И не в манерах. Зачем со своим к нам суётесь?.. Вам так по нраву жи́ти – вот и живите. Других не учите.
- Но если не хотите – как мы, если для вас – у нас всё не так, то как?
- Да уж точно не ка́ком!.. Ка́ком – не будет! А ваше для нас и есть – ка́ком!
- И что вы можете предложить? Бабка твоя, Светлая Рысь Кыйская, – та могла. Мать твоя, Алая Рысь Софья, – о-го-го как предлагала, до сих пор не опомнимся!.. А вы – что вы? Сами себя не знаете, живёте, идей не ведая: башками нырнули в наше, задами увязли в своём прошлом... За что бьётесь?
- Если, предположим, я и не знаю, за что биться, то против чего – знаю наверняка. И это первая твоя печаль. А вторая: я-таки знаю – за что.

... туго свитая, стальная пауза повисла над Вишерой, будто все три временны́х измерения напру́жились разом в густозелёных па́рмах, в плосковершинных гряда́х да увалах...

когда ж напряжение пика достигло – всё распружинилось... рассыпалась дробью пауза – разбежалась новостными стаккато: по гра́дам и весям, по океанам и сушам...

Разнеслась сенсация инетами да агентствами, собрала неурочно штабы да силы быстрых ответов, изумила своих, в ступор ввергла чужих: Рысь Русь знает, за что биться!.. Рось определилась с национальной идеей!.. Это кто ж допустил, кто позволил? едрить лешим клубнем тылы ваши!.. Гхомячки да слизни, зачуяв зраду, зараз ринулись в ужасе в норы... да по жижным затóнам... да в близлежащие грязи... за бугор потянулись зверáклы-креаклы перемётными стаями... на льдине Белведь бровь вопрошающе поднял... Тигр в изготове спружинился, ожидая от любимой скорого зова, а рядом уж клацала пастью да хвостом поводи́ла неременная Тигра Сестра: Победа... Вождь Барсук разливал озорно по коньячным бутылкам смесь для поджига... Пупа ж ажно́ заметался на ветке: да вот же он, вот – светлый миг его быта! вот же он – жетон фарта! здесь – крутовзлёт шпионской карьеры!

- За что?.. За что Рысь Русь будет биться?! Это официальная доктрина?.. Белведь в курсе?.. Элиты поддерживают?.. Низы разделяют?.. Мир вправе знать!.. К чему готовиться, где прятаться?!

Рысь, вельми довольная учинённым перфóмансом, протяжно зевнула, с чувством вылизалась, после ж – увётливо заурчала:

- Вот не скажу!.. Не срок ещё... Сами увидите... Да скоро уж.
- Но ведь не путями ж твоей безумной мамыши, нацелившейся на “хорошее-всем”, а не только достойным: породистым, хищным и тем, кто с баблом?! – это невыгодный путь, непрагматичный!
- А почему мы должны делать, что выгодно?! Тем более – вам?! Рось не живёт только “по-выгоде”. Кто у нас так живёт – временщик!.. Не профитом единым! Даже не пищей... Вам не понять!
- Та ваша система “алая”, не “по-выгоде” скроенная, – рухнула, а наша доказала свою живучесть...
- Тараканы и клопы тоже доказали свою живучесть. Ещё крысы... Они и ядерный взрыв переживут, а после – пожрут друг друга, как, впрочем, и без всякого взрыва... Ваша жизнестойкость и есть – живучесть синклита клопов, тараканов и крыс... Касаемо же того, что “алая” система рухнула, – а кто руины-то видел, не декорации?.. Не рухнула: в нас она! – затаилась. Отступила на время из яви – в зверомирские души, ждёт своего часа: явиться, возродиться, как Феникс из пепла, вернуться на крыльях Матери Славы... Но будет не так уж теперь, как при Софье. Не совсем так. А как – не скажу!
- Безумие! У вас всё здесь: безумие! Все: безумцы! Даже дерево это трухлявое подо мной – дура!

Такого, понятно, благородное ду́рово стерпеть не могло... Ещё разносились Эхом слова попугаевы, а уж в хвосте его тихо звенькнуло что-то да и растаяло в воздухе. Бесследно. Перо, стало быть. Шесть и осталось.

kozel-nickname-Kozel

Привет, вата!

Думал, что не согласен с Рысью хоть-в-чём, а вот соглашусь:

нет у нас никакой экономики!

Макак её порвал в клочья санкциями и завалил калом! А если ещё что и трепыхается – так только благодаря самоотверженным, зверским усилиям отдельно взятых свитских, воспитанных в правильном русле и сидящих на хозяйстве в разрезе завроливеральных доктрин, – этих мучеников совести и власти, хоть и продавшихся за пайку Белведю, но всё ещё местами честных и где-то даже неполживых, понимающих, что Добро – это активы и цифры, а не то, что кушает и растёт!.. Только благодаря этим подвижникам экономической неполжй вы и можете тонуть до дна научно и отвесно, а не барахтаться на плаву, думая, что возможно выплыть!

Из жижи выплыть нельзя! – эра жижи кончилась, как кончился когда-то каменный век. Но каменный век кончился не потому, что кончились камни, а потому, что из камней нельзя выплыть – в них можно только утонуть, и те немногие, кто креативно мыслит и всё же выплыл, это понимали. Остальные все – дауншифтеры! И вся ваша Рóшка целиком – дауншифтер-деревня с ржавой бензоколонкой!.. И останутся скоро от Рóшки: рожки да ножки! Ножки – чтоб было, что протянуть, а рожки – из чего помянуть!))))))

Belvedka

Это кто там заблеял о рожках да ножках?!

Знавал я некоторых, таких же козлов, – так они теперь и всамделе без одного добра – без рогов, без копыт – дауншифтерят в инвалидных колясках:

кто на скотьих пляжах Гоа в ритмах гоа-транса вкушает прелести незамутнённой свободы, а кто и в местах, не столь отдалённых, но ими заслуженных...

И кто ж тебя, Козёл, надумил родину свою, кормилицу, дауншифтером обозвать?.. Понятно, когда западләне такое поносят, но тебя-то – здесь и родили, здесь и кормили, здесь и учили. И предки твои доблестные, славой покрытые, вот за эти Просторы рога сложили!

kozel-nickname-Kozel

Ещё вот мажоры нотаций мне не читали!

Посмотрел бы я на этого ментора, родись он не в клане белведей, а полевой мышью!))))

Легко патриотизмом петь, будучи сыном Самого!..

У вас же своя держава: страна в стране. Своя экономика: сливочная: вам – "сливки", друзьям вашим – "пахта", всем остальным – "обрат". Себе – всё, другим – по закону. Закон же один – произвол!.. И ты меня будешь жизни учить и как блять – командовать? Ещё и стыдить?

Родили меня: кем и где – не спросили. Может, я в долине Чуя травкой хотел возникнуть?! Или дочкой Макака прозябать в Белом склепе... Кормили сытно, но скучно, некреативно: притесняли в травках... Учили крепко, но не тому, что хочется и колетса... Предки мои – сами виноваты: думать надо было не рогами, а другим местом, чтоб на правильной стороне истории вовремя оказаться!..

... а что Рóшка-то наша: дауншифтер – и не я говорю даже – птица большого полёта из белведской свиты так говорит!

Belvedka

Меня, между прочим, тоже не спрашивали, кого в предки назначить...

Родили и забросили в самостоятельность.

И где здесь радоваться?! –

батяня весь в державном по уши, с утра до утра: на экране чаще вижу, чем живым профилем... мать и вовсе погибла, меня, дурака, берега вконец потерявшего, спасая... Ты про комплексы виповских отпрысков слышал? Страхи там разные:

"не-соответствовать", "не-оправдать"...

И да: на потомстве уж совсем Первых – после смерти тех Первых, разумеется, – тако-ое лихо порою отплясывают: мёртвым позавидуешь, если сразу не придушили...

В остальном же Козёл прав: стартовые условия у меня постартóвее, нежели у полёвки... и среди мажоров такие удода наличествуют, что по ним колы осиновые да верёвки пеньковые не напрасно скучают...

Так, можно подумать, у иного зверья потомство не мечется суматошно по ведомствам зла и блага – в поисках себя да обретения!..

Но почему же я – таки обретаю себя, пусть и болезненно, в унисон Отчизне, ею же буду судим – и за праведное, и за злое, а ты, Козёл, здесь только гадишь?!

Так ведь гадишь не просто по зову козлячего сердца и козлячего зада, не ради одного только "чистого искусства", именуемого "современным", да и не задаром: врагу Родины выслуживаешь!..

А зачем *таких* батя привечает в Свите, мне не ведомо. И не понятно. Как и всей стране. Видимо, есть резоны. Не мне судить. Смотреть будем.

kozel-nickname-Kozel

Хочется встать, зарыдать, гимн затянуть!

А Белвежёныша Бела – на царство!..

Но сабж – Ёкономика Рóшки. Которая в клочьях!.. Бесчинные злопроценты, тварифы, невыплаты, скотоколлекторы, бегство заграбленных капиталов. И тотальное жлобóвое хозяйство, явившее жлобизнес, жлобиархов и жлобоструктуры, а вместе с ними – стада жлобированных и оттого ожлобленных!.. Взрыв неминуем!.. Конец грядёт!

И эти стада не жалко ни разу, сами виноваты и обречены: этот ватный сброд хочет, чтобы мир и благодать построили Герои, не привлекая его – электорат – в качестве соучастника, а лишь – в качестве пользователя и потребителя. Или грабителя... Впрочем, электорат и везде таков, но на Зáпадле – это правильно, потому что его пасут правильные Герои, и они там есть, Эвон Моск, например. А у нас – их нет, одни изверги и тати.

Нечто подобное и имела в виду другая знатная птица – бывшая свитская (летала повыше той, что Рóшку дауншифтером зачётно пометила) – когда плеснула неполжйвой правдой Самому Белведю

(передаю своими словами со слов слышавших):

«... надо расслабиться, поддаться, снизить градус, пойти на уступки, встать в понятную всем позу на вторых ролях в групповых технологиях, заголив для того тылы и границы, и получать – Кархадским консенсусом – от мощных членов Сил Добра, исполняя их указания: чтобы им удобно было иметь в нас гешефты, и из них потекли в нас инвестиции!..»

Belvedka

Так ты, верно, знаешь и то, что батя ответил оракулу тому пернатому –

певцу отсвоенной собственности, гуру наук о заграбленном, Вóрону экономики, благодаря коему (не едино ему: в составе ОПГ, разумеется) у нас в Зверомире и есть – Ёкономика, вся обтрухáнная Кархадским консенсусом?!

Белведь, Правитель Рóси, так той птице ответил (цитирую так же – со слов слышавших):

«... Волей не торгуем. Просторы не сливаем. В тылы не имаем... Консенсусом в тыл – это Вропейская ценность, не наша...

Нам – рóсичам – тысячи лет, и ровно столько же нас "увещевают" – где клыком, где консенсусом. Но мы – вот они, где те, кто "увещевал"?

И покуда Белведь жив – тако ж будет!..»

kozel-nickname-Kozel

Мощно. Эпически. И пафос – сказочный!

Звучит-то веско, пудово, но:

«вор и ныне – там!» –

Ёкономика-то – на месте... Так и на хозяйстве – всё те же. И речи о том же, и песни о старом!.. А ведь год Красного Кúра на носу, год 17-й: цифра знаковая для Зверомира, сакральная!.. И не боязно патриотизм ваш тащить да вытягивать животами одних только "низóв" да их шкурами?! Попутно же: множить кóшты "верхóв", да ещё: ширить поля заграбления под ненаёдный жлобизнес!.. "Низы" – до времени вам попутны, и безответны – до срока!

Lis-patriot

А мне нравится! Пусть будет.

Невидимая лапа рынка – вещь, доложу я вам! И её никто не видит, и что она там курочит, тоже никто не видит. Сказка!

А воры да тати – были всегда. И будем! Как можно искоренить, что зверю присуще, что от природы?! Как лису не есть курей, ведмедю – мёд, волку – овец? И что, куры с овцами стройными рядами и добровольным консенсусом в пасть пойдут, напевая «Весь мир насилья мы разрушим...»?!

Но ежели вдруг баррикады затеются, маякните на мобилу или по сети заранее: я ж завсегда с вами – куры и все-все: обиженные да угнетённые! Я ж и Вождю Барсуку: плачу исправно. Лис – Патриот! Лис – за революцию! Хотя за какую!.. Главное – быть среди главных. И оказаться там вовремя. Но порою ещё главнее – оттуда вовремя смыться.)))))

Теперь насчёт Ёкономики и её реформирования. Один мой кум – из тех, что в Думиле не первый срок мотает, говорил в эту сторону дюже здраво, и к тому стоит прислушаться! Ибо же муж тот – большого полёта и державной мысли, из тех, что Родину не продаст, допрежь не поторгуется яро! Именно с его ловкой лапы в начальных классах ввели предмет "Жлобоведение" на обязательно-платной основе, размах чуετε?! А говорил он так:

«... Надо мягче реформы, мягче! И вдумчивей: не отнимая пóтом и кровью наворованное! Ибо ж: новая реформа – новые воры!..»

Желаю всем косить бабло во славу Родины себе!

encyclopedia | 'Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура'
| фрагмент статьи 'Лис Патрикий'

... так полюбилась сабля Лисовым пращурам, что поместили рисунком её в родовую геральдику – в эмблему фамильную: знак “Лисья Вольница”.

Знак же сей многим напомнит “Весёлого Роджера”, коим метило флаги свои сословье пиратское. Оно же – сословие то – во всех Мирах равно почитается: хульно...

Но в Лисовом знаке – впротивность “Весёлому Роджеру” – вместо черепа голого – голова дерзого Лиса, да того из них, кто ныне живёт и в роду предводитель...

... а под главою – вместо креста из костей – скрещённые сабли, кои с той самой “Сабли Князя” срисованы.

Тот же знак – и в гербе родовом, вкупе с девизом “сарынь на кичку!”, кое реченье – клич боевой вольниц ушкуйных: речных да морских... от них же – и прочих фартовых ватажек да скопищ: клич тот – во всех Мирах одинакий...

... в тех же Мирах – мудрецы всех стезей да ревнители древностей отчих – перьев-хребтов поломали немало: всё в толковищах да толках о смысле оной синтагмы, столь ласковой уху любого фартóвого, и делового, и предприимчивого... напрасно всё: сколько пастей-клыков-кулаков, столько и мнений!.. Вот Лисы свой пиетет к оному трóпу объясняли куда как доходчиво:

«... сарынь на кичку! – звучит эротично, как отжатый актив, как вменённый твариф, как заём на два века и невозвратная ипотека!..»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха седьмая

— Ну что, птица задиристая, с помелом взамен языка, опять возопишь: «...Зверомир – шайка жуликов и воров, край непуганых коррупционеров!..»? Опять мы виноваты в эскалации перьепада?

— А как вы хотели? Вы и есть причина всех бед! Это очевидно, неоспоримо, наглядно и априори! Это не требует доказательств и фактов, как и то, что мы – чище и лучше!.. А казус с текущей утерей пера есть провокация, также и констатация факта: лапы Белведя торчат отовсюду, а вы всё врёте!

Попугай опасливо покосился на ствол Прокúды: не ляпнул ли ненароком опять чего, дереву немилое. Но дúрово токмо скрипнуло поощрительно да залы́билось – во всю дуль: дупли́ну свою, рот заменяющую: корявый разум да кретинизм в любой его форме – дúрово одобряло и поощряло.

Ливера́стия же и расценивалась всеми, кроме ею больных, разумеется, именно как форма слабоумия, но не врождённого, а насаждённого, да помноженного на злобность и агрессию. Безумие, так сказать, в чистом, рафинированном виде. Истое агрегатное состояние “безобразного”, почти совершенное.

Так и запомните, дети: ливера́стия – суть “безобразное”. Ливераст же – сиречь “безобразник”!

Погода тем сроком окрест Вишерским угорам замялась – к ненастью... Может, и напротив – к вёдру. Зверосиноптики толковали то разно... Несомненно одно: смеркалось. И в сумерках каждое слово звучало контрастней, отчётливей, громче, и разносилось – далече. Не без помощи Эха Сосны, тёмен пень, – оно в том усёрдило рьяно... Так Эхо и то разнесло, что молвила птица кархáдская вдруг, без увертюры, безо всякой тому связи с минувшим:

— Вы – варвары, тёмные звери! сидящие, как волки на сене, на несправедливо доставшихся вам ресурсах и не умеющие растратить их с выгодой!.. Не можете пространства и залежи сами освоить – отдайте их тем, кто может: нам, силам Добра, знающим, как добро́ обращать в активы!

— Это для вас – пространства, для нас – Просторы. Вообще-то, это Родина наша!.. – Рысь вдохнула полной грудью свежесть горьких воздушных, поднимающихся на гребень от хвойных угорий. – И чего это мы там освоить не можем?.. Энтузиастов пошарить в закромах да в кладовых Росских у нас самих – много помножь на множку, к тому плюс лукошко!.. Вон, весь лисов род хоть возьми, особливо Лиса нынешнего: Патр́икия. Он же готов, коль не остра́тить, съестное да зáлежное всё, от Лиссабона до Курил, отсвоить... и рубежи державные ему в том не помеха!.. Да вот закавыка: невеликая ж то премудрость – всё зараз поесть, за присест один... А что завтра? А послезавтра? Что детям нашим, их детям: что осваивать? Им как быть, как есть? По голой, чревом пустой да загаженной планете голодом рыскать?! Брать да тратить – то мы умеем, да имáем, порой же и лишку, да хищно, но в целом – сколь надо. Остальное – пусть и лежит, где лежало. Целее будет! Всему свой срок, всякому – время. Вы ж и сами: кархадские нефти-то свои: придержали!

— Пúпа в шоке от твоих непонимающих заявлений! А как же экономический рот?

— Это что за зверь такой: “экономический рот”?! Что ещё за пасть-напасть лютая?

— Попугай оговорился. Попугай думал сказать: экономический рост.

— Вот то-то и оно, не оговорился: именно рот, пасть прожорливая, хоть ты её интенсивной экономикой, хоть экстенсивной обзови. И что он ест, этот твой “рост”? Планету он ест, заодно и нас, его же создателей... Великий Жор – вот кто такой экономический рост!

— Так благосостояние ж, качество жизни...

— Да на каждую зверюгу, обретшую то пресловутое благосостояние, тут же и рождаются трое голодных, нищих, оттого озлобленных: дюже неласково клацающих в сторону “благосостоятельных”.

— А как тогда? Вот у вас – что с экономикой?! Нет, пусть Рысь Русь скажет, что у вас с экономикой?!

— А что у нас экономикой? Враги у нас с экономикой. Плотно засели. Ваши же их в те окопы и посадили. Так и сидят – держатся насмерть, до последнего патрона!.. Только уж теперь они – ни вашим, ни нашим. И даже уже: ни себе. Себе-то нонче дюже боязно!.. Вот и чиня́т экономику по принципу: не доставайся ж ты ни кому!.. Так что, нет у нас никакой экономики, одна Ёкономика да дúмные песни тоскливые о ране Заграбленном. И в этакое “Ё” мы ой, как долго быть можем: хуже живали, да живы. Выходит, опять вас надули. Да и себя заодно...

От своих же речей опечалилась разом Рысь Русь, взгрустнула, да глухо и зарычала гúдом густым. В далéчах – у свитских у всех, под шубами их песцовыми знатными – сердцá от тех слов в ознобы ринулись, зачуяв давно ими в страхе и жданное. Вождь же Барсук согласно кивал головой, репóстя Рысину речь с миллиардами лайков. И все аплодировали: стоя и лёжа, аплодировал и Попугай. Да ликуя – и взвился на форсаже, не глядя куда... и в который уж раз заплутал в литре воздуха: пространственный кретинизм штука коварная, подлая, всегда не ко времени!.. и ринулся прямиком в кусты, которых тут не было... Возня от того в кустах затеялась нешуточная, громкая, в результате чего кусты позорно бежали... Гордый же собою Пупа вернулся на ветку совсем победителем... А что без пера ещё одного хвостового – седьмого по счёту – так то даже зачётно: в бою пало!.. Пять перьев осталось.

Песни Козлов.

для разума внятного, о чём скажут герои событий, описанных в “Плаче... поруха восьмая” страницей далё.
публикуется по изданию media-группы ‘Рык Зверомира’ | Тигр, ‘Песни Козлов. Собрано и обработано Тигром в назидание’.

из предисловия составителя:

... о Родине – петь, а не блять!
... а ежели Дар тебе даден, а ты с ним – как Ять,
кратно Дару придётся за то отвечать!

СЧИТАЛОЧКА

Сидели:
царь царевич
король королевич
сапожник портной
и ещё сколько-то
миллионов
КТО
ТЫ
ЕСТЬ
ТАКОЙ?.. Бе-e!..)))

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ

Для красы
напишу я пару строк:
босиком капли росы
ощущал копытом ног
а ещё люблю я сено

СМУРНОЕ

и день невзраченький такой
травы нигде не продаётся
зануда тень ползёт за мной
какого хрена ей неймётся
вот стайкой семят менты
к дождю знать — верная примета
любовно мявкают коты
и хочется тошнить на это

КОЗЛИНАЯ ГРУСТНАЯ ОЧЕНЬ

за каждой иконой
сидит таракан
дивлюсь на таракана!
небоскрёб да я в нём —
это с пойлом стакан
что за гад меня пьёт
из стакана?
гражданином-начальником-телевизором
мой слух опечатан
глаз мой без визы:
не вывезет!
там за окном — пыжится гном
курица войны несёт черепа как яйца
здесь
мы смуряем вдвоём:
копчёная ночь да я —
цвета медной яри
пьём про блудную дочь
про житуху невмочь
трясину-судьбу да державу-клизму
на закуску грызём
обугленную кость пессимизма...

... за каждой иконой сидит таракан...
ла-ла-ла, бла-бла-бла и бам-бам...
(поравалить, пам-пам, поравалить, пам-пам...)

ПОРАВАЛИТЬ

говорят, у кого-то — весна.
мною же водит осенняя воля:
этот смех,
этот жест,
этот цвет,
когда
хоронят во льдах
зарезанное ледоколами море.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука восьмая

Рысь иронично, да всё ж приязненно следила за напыщенным, помпезным, как орлан на римском штандарте, Попугаем, победителем кустов, которых и не было, – теперь уж действительно: не было! Кусты бежали.

- Ну ты орёл, ну ты гвардейская птица!.. А мне уж пора торговать пером, что ли?! Многая польза... да сам-то о том вернее ведаешь: ваши вот целую индустрию пером подняли, на капризах доходную!

Попугай, не руша геройской стати, чело нахмурил, взор опечалил, посмурел: – «То так, то да!..»

- Но куда ж я от своих-то денусь? Вы же не примите?! Вы ж тут все патриотизмом заорганизованы!
- Опять врёшь, хоть и герой. Патриотизм наш – от сердца, не по предписанию. Вашим разумением меркантильным, на алчбе да похоти взращённом, то не понять. И вольны мы, и вольны, как вам не быть!.. А и в приязни, и в любви вольны, но не паскудным блудом, а сердечным выбором.
- Знаем, знаем: любовь зла, полюбишь и козла!.. Плохая, на самом деле, парадигма, некорректная: козлов дискриминирует! А козлы тут у вас – самые совестливые, креативные. И культуру сеют неварварскую. Цивилизованным выбором блеют!.. Как поёт ваш главный Козёл! заслушаешься:

«... В этом отравленном ложью краю – ни шишá, ни шу-шú:
Вместо травок приличных жуют черемшу.
Страна обезумила разом до тла:
Вместо, чтобы травки выращивать – травят Козла...»

- Только песен козлов мне и не хватало для полного личного счастья!.. Знаю я его. Та ещё падаль.
- Он не падаль, он активно живой.
- А козлы всегда активно живые, даже мёртвые. Ты его задрал, а дело его козлячее живёт да блеет... Но я козлов не деру – падалью не питаюсь: ни в каком виде, даже в активно живом.
- Попугай смотрит и пристально видит: Рысь говорит в направлении злобы и козлофобными каламбурами! Попугай надеется думать, что слова будут говорить в честном русле, а не речами, противными правильной правде! С уважением к нашей, единственно верной, точке зления и к мнению козлов.
- Говоришь – точка зления? Козления точка, вот это что!.. И если тебя, инозвёрца, я терпеть пока вынуждена – как рупор Зáпадла, голос врага – покуда грызёмся не в ратном поле, а в погáнстве гибридном... то почему я должна терпеть мнение этих наймитов: подонков, пасущихся на наших раздолах, кормящихся от наших лугов, от вод и лесов, от нашего неба, которые ж всё то и хулят, поносят, чернят, да врут мегатонно: и об истории отчей, и о сородичах, особливо – о предках великих, пуще ж всего: о Матери Славе! Зады же свои ориентируют “верно” – на Зáпадл, оттуда же гранты за то им с печеньками и хозяйская ласка!.. Вот зачем мне выслушивать этих, да ещё уважать?!
- Потому что они меньшйна, а следовательно – светлые, чистые, честные, просвещённые, креативные, эффективные, неполжйвые, совесть стада, копыто-и-лапопожатные, лучшие скоты из всех тварей!.. Потому что они разделяют наши завроценности, и ненавидят ваши! И за ними – цивилизованный Зáпадл! А значит: Макак с ядерным калом, за которым: сам папа Сво!.. И это необсуждаемо: прочь свои грязные зверомирские лапы от светлых козлов и других ориентированных верно скотин!
- Допустим. Но тогда и мы можем всласть да наотмашь хулить их, как они нас! Отчего ж нам-то нельзя?
- Вы – проигравшие! Вас уже нет! Поэтому вы должны платить и каяться! Платить и каяться! – на этих сладких словесах Пúпу понесло: распетушился, хлúпик напруг, хохолок на голове да остаток хвоста султанами распустил, крыльями засумотошил, жабо распушил, слюной брызнул, да и не заметил как-то, что уж в воздухе сам: перед Рысью мельтешит опасно! – На колени! На колени! Пасть ниц! И контрольно догрызть своё прошлое! объявив своих предков рабами преступной державы! а себя – подельщиками кровавого режима!.. И ждать милости от нас: победителей!
- Ты вот ещё за треугольный круг заступись! – едко подначила Рысь, но сама-то уже шерсть дыбила.
- А что с ним не так?
- Ну, притесняют его у нас, не признают... Говорят, ўглокрúглый он какой-то. Отклонение от нормы...
- Стыдно-то как! Совестно!.. Лапы прочь от Треугольного Круга! Оградить правами Треугольный Круг!
- За что стыдно, позволь полюбопытствовать?.. Вроде, ты трезвый, чтоб так-то совеститься...
- Попугай не знает. Это не важно. Так положено говорить, когда вы беспредел учиняете! И Пúпа за всех вас просит прощение у Треугольного круга. И у его потомства!.. А вы – на колени, углофобы! Ниц падите, звери лютые, пред ликом светлым ўглокрúглости альтернативной! Свободу гендеру!

Тут уж Рысь с собою не сдюжила: на косу бодрú – наотмашь, с размаху – саданула лапой по воздуху, где мельтешил разошедшийся Попугай. Разом стихло... После, с чувством исполненного, Рысь от души зевнула да урлыкнула: – «Мы добрые, но росские! что значит: врага простить можем. И прощаем – когда по сопаткам дóбро обозначим... Но изменников – никогда. Предателей Рось не прощает!..»

Перьев по тому разу в хвосте попугаевом четыре осталось.

kopytopozhatny

Прочитал очередную чудовищную ложь-клевету из тигровых Сказов, а именно: главу гнусного «Плача о порушенной дюжине перьев», цинично именуемую "поруха девятая", хотя все мы понимаем, о чём идёт речь: речь идёт о тотальном, неприкрытом грабеже перьев у беззащитной птицы, брошенной на поругание и произвол!..

Что имею сказать. **Во-первых.**

Необходимо отметить вопиющее несоответствие данного эпизода хрестоматийно неполживой сцене из улейвудского блокбастера «Буря в пустыне Вишары»!

Все мы помним тот эпический допрос в подвалах Лубяны, где осатаневшая от безнаказанной крови зверская Рысь в гэбнятской портупее и чекистских погонах (которую правдиво и пронзительно сыграл гениальный Тушкан Гёма), склонилась над забрызганным кровью столом, освещаемым тусклым кадилом,

и пишет кровью невинных жертв сфабрикованные протоколы из показаний, выбитых лютыми пытками у не проронившей ни единого взвизга птицы, которая сидит в луже крови – с перебитым и ветошью забинтованным крылом, ослеплённая протуберанцами света от аэродромных прожекторов, – сидит из последних сил на двуногом табурете супротив садиста-рыскаря, попирающего кирзóвыми лапами останки замученных птенцов, улиток и травоядных!

Образ Попугая-Героя – простого кархадского парня Пупы – с щемящей искренностью воплотил Бизон Вилли, который играл, как всегда, без дублёра, даже в сценах с полётами. Именно сцены с порхающим бизоном – на фоне надсадно-унылых русских пейзажей и угрюмо-свинцового зверомирского неба – вошли в золотой фонд улейвудского кинематографа!

Сам же Бизон Вилли по окончании съёмок выговорил центральный афоризм своей обильной мысли, рейтинг цитируемости которого побил все рекорды цитируемости:

«... Главное, что я понял, пройдя сквозь съёмки этого оснащённого голой правдой фильма: жизнь прожить – не в небо пукнуть!..»

И любой из нас, козлов, может подтвердить эту сочащуюся из бизоновых слов правду! Все мы, козлы, в этой стране – твердим в небо, и твердим это голой правдой, но какая здесь жизнь? Здесь не получается жизни! Здесь её нет, а небеса глухи и слепы к нашему твердежу, и не твердеют, оставаясь ватными!..

Имею сказать **во-вторых.**

После моей эпохальной речи на Бараньем ток-шоу "Рылом к рылу" в раскус темы всеякости и всеядности завроСвободы, мой ватный оппонент, патриот и нищеврод, попытался позубосказать:

«... данный гражданин ливераст хочет сказать нам, что если Любовь есть, то непременно и триппер есть!

И наоборот: если в наличии – триппер, то где-то, безусловно, шастает и Любовь, шире – концепция любви. Или Симукляр Любви! А триппер – неизбежная плата за её – Любви – существование!.. Ровно так же ведь утверждается, что невиданные при Алой Рыси в таком обло мздоимство, травкомания, зверяткофилия да прочие прелести ливероидного рая – неизбежная плата за Свободу и Демакакию!..»

В чём цимес казуса? А цимес казуса в том, что именно это я и хотел сказать! Не дали. Говорю теперь.

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука девятая.

Потерю восьмого пера не обсуждали: приелось как-то. Повод утратил новизну...

... а кстати и некий, в хлам пьяный, мажор-песец учинил гибельное ДТП с дюжиной цыплят...

... ещё и оползень в дальних краях с чудными топонимами похоронил сотню-другую зверушек...

... а кархадские рыбаки в своих водах заприметили да и вытащили за хвост гигантскую Рыбу Кибер-угу со зверомирским обратным адресом на хвосте и говорящей икрой – говорящей по-русски, разумеется... –

СМИ было чем заняться!.. Разве что Кто-то, дюже смешливый, отметился комментарием: «... кучно пошло... ждём-с!..», – это и всё.

Сам же Попугай очередную поруху воспринял стоически, цинково тихо: не сетовал, не винил никого... Не брюзжал сам себе даже!

А что уж там в нутре его птичьим копилось да зрело – сами гадайте.

Обескураженный, убитый духом, обретал Пупа в трудах мирных, насущных: чистил пёрыши, не ожидая теперь новых каких подвохов. Разумелось ему: на фоне очевидного птичьего горя зверосердная Рысь вовсе забыла об острастном своём допросе: на кой он, Попугай, в Росские просторы заслан. Но не забыла.

— Вот что, птица засланная, вражья: пустое хватит молоты! То и вовсе без перья останешься... Вкруг всё вилеешь да мимо... Цель задания?! Прямо ответствуй, не свирепи мою плоть сызнова.

Оценив да прочувствовав серьёзность намерений, осознав: не отвертеться! – Пупа молвил со вздохом:

— Пиши! Попугай принудительно говорит добровольное признание: цель задания завербованной птицы – склонить Рысь Русь в замуж... Но не в первый попавшийся замуж: за мужа из наших!

Не сказать, чтобы Рысь изумленье сразило, да подивило уж точно: не сразу и дальше-то молвила.

— А тебе что с того, что за прибыль, коли уж я умом вконец похудею, да за вашего выйду?

— Мне лично – фиолетово, чипс поощрительный дадут, то и всё. Но в целом: спокойствие и предсказуемость накроют планету счастьем. Будешь, как все: управляема и прогнозируема!.. Мы уж и мужа подобрали достойного, породистого, главное – состоятельного, даже слишком!.. Можешь и не сразу: в замуж де-юре, можешь де-факто: пробно сходить, мы тебе курсы-тренинги организуем.

— И чем этот мой муж потенциальный занят, что делает, на жизнь чем зарабатывает?

— А зачем ему что-то делать?.. Он богатый, он очень богатый.

— То не зверь, получается, не самец, а паразит. Паразитов давить надо.

— Это неправильные слова, они разжигают стадную рознь в электорате. Это противоречит курсу! Всякий паразит имеет право на безбедную старость!.. К тому же, богатые паразиты – явное меньшинство, а чем меньше меньшина, тем больше прав!.. Он породистый. С такими депозитами всё можно купить: и породу, и масть, и новую мать... Он и тебе шубку новую купит и родословную!

— У меня уже есть шуба: своя, природная! А родословие моё славой да древлестью ровнять не с кем.

— Ты не понимаешь! Он же тебе шубку купит брё(н)довую, из бутика: от Дурáче или от Каббáны! И станешь ты не рыскать в чём мать родила, а уважаемо дефилировать в крутом брё(н)де, вся такая гламурная, эротизирующая! И всех чморить, на всех плевать и гадить по праву хищницы с мужем, рыкая на непонятливых: «Муж у меня жуть как крут! Он даже похоронить завещал себя в водах, кишасих акулами: чтобы хоть труп его съели, так как живым его съесть не смогло́сь никому!»

— И что с того? Я пасть должна разинуть разом и упасть?! А сердце девичье, стеснённое в груди, восторгом выскочит наружу, да наземь плюхнется и затрепещет?.. Ага! Щас! По нужде вот только сбегая, и зараз: в обморок!.. А этот ваш паразит, выходит, ещё и стар?

— Богатый супруг – наша священная мечта и ливерценность! У богатых нет возраста, а есть деньги. И чем богатый муж ближе к смерти, тем он красивее да милее. Для умных и образованных самок, разумеется, к которым, как наблюдает Попугай, Рысь Русь не относится... И с чего Рысь решила, что богатый ничем не занят? Такую уймищу денег сильно беречь-стеречь надо – от своих же, в первую голову: от сотоварищей да компаньонов, от адвокатов да целителей, от наследников да любовников, даже – от собственной охраны! Умолчим уж о налоговиках и лютой стае законников!.. И когда муж твой жданно помрёт – станешь телесериальной мечтой всех домохозяек и юных самок: прекрасной белопалкой, утончённой лентяйкой, гламурной кисой-тунеядкой, светской львицей!

— Львицей становиться не собираюсь. Рыси прайдами не живут. В прайдах – блуд: то ли гаремы, то ли бордели. Грех свальный, и содомия там же... И тунеядкой быть не желаю: кто не работает, тот не ест.

— Не смейся мои пухи! Это у вас-то жёны-полюбовницы жлобиархов да свитских или же их отпрыски мажорные – работают?! А может, они пожизненно постятся – на коре да ягоде?! Между нами, птицами, – в кархадских-то пределах такого паразитства куда как меньше! Нанянулись уже с самодурством наследников бесполезных. Папа Сво ныне строго следит за каждой мошной обозначившейся: мошнá ведь как даётся, так и забирается!.. Наши-то теперь своих жлобиархов да плолитиков – от яйца, от младых когтей в нужном ракурсе выращивают: с правильным вектором носа. Не тунеядцев да алкоголиков, а трудоголиков обозначенного формата! А кто и взбрыкнёт – уже на бобах сидит, или на нарах, или совсем – инфаркт нечаянный в нелапотворной катастрофе.

Рысь Русь нахмурилась: что есть, то есть! Временем и враг правду молвит, да не правды ради... Возразить же по предъявленным фактам было нечего, хотя и было! – не везде, не всё и не так плохо, как хочется думать... Однако ж, сей очевидный изъян зверомирского быта никак не оправдывал затеянного Западом коварства с посягательством на суверенитет методом замужа... Проку в дискуссиях о том Рысь не видела, сразу перешла к резюме: вздыбилась вдруг, когтями сверкнула, рыкнула так, что граниты поёжились... И Попугай, привычным уж вспугом, сызнова метнулся с дерева, но сим разом – не к Рыси: склонами вниз, где и потерялся из виду в хвоях да кронах. Когда же вернулся – с видом поникшим, потасканным – в хвосте его, и без того скудном, не хватало ещё пера: девятого. Три, стало быть, и осталось.

Из Тигра

для разума внятного, о чём не скажут герои событий, описанных в “Плаче... поруха десятая” страницю дале.
публикуется по изданию media-группы ‘Рык Зверомира’ | Тигр, ‘Не столь и пушистое, не так чтобы ласковое... Из меня раннего’

КОЕ-КАКИЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ И ЛЮБВИ

вещь должна быть стойной
зёщной
сугубой
быть искренне-девственной или
против того
с длинным прошлым
и конечно же –
абсолютно никчёмной
иначе это не вещь
а приспособление...
... но при чём тут любовь?

ДРАМА ФОРС-МАЖОР
в одном действии, одном акте, без эпилога

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Гений
идеи, низвергнутые Гением
злодеи, сгубившие Гения
родня, друзья и недруги
критики, хулители, просто знакомые
Страж у ворот при входе в БЕССМЕТРИЕ

Действие I
Акт I
Страж: А эти кто?
Гений: Они со мной.

ВАКАНТНАЯ МУЗА
была мила, чудна, в соку
была готова лечь в строку

строгают рамы
значит
кто-то готовит залить в них проём окна
или вставить иномерную дверь картины
или плоскость себя

выберите адекватный, на ваш взгляд, вывод:
• в любом случае — кто-то возводит стену
• кокон вашей тесноты — фаза проёма
• любая казарма — благо ибо копит прорыв

ДОГМА
светлое будущее неизбежно
это значит
от него некуда деться
о чём бы ты ни жалел
поэтому
сторожевые псы эволюции
по запаху распознающие классовую сущность
рыщут по обе стороны
широкого столбового этапа к счастью
шаг влево шаг вправо
считается побегом
от того
что неизбежно

СУББОТНЯЯ УБОРКА

она смахнула с зеркала
пыль прошлых лиц
мужских
и села рисовать своё лицо
неделя началась

ПРИЧИННАЯ ИСТИНА РЕВОЛЮЦИЙ

была ты пряма
как нож
была ты правдива
как ложь
была ты партийна
не трожь
но как ты красива
ядрёна вошь!

НАДУМАННОЕ

трёмоло-тело и сердце-торнадо.
Гранада – страна твоей плоти, Гранада!

но нет консонансом рядом камада:
Гранада – страна твоей страсти, Гранада!

и ты в сибирскую скучную стужу
рожаешь детей нелюбимому мужу.

и с пеплом в глазах затухаешь легато...
Гранада – страна твоей смерти, Гранада!

терпела девка береглась
да как-то враз и отдалась

не целомудрствуй! дайся вся!
мы здесь
сейчас
а что потом — нас *то*
забудет
и *та*
которая проснётся утром в твоём теле
стремить себя до новой цели
возможно *та* —
тебя осудит
себе вчерашней скажет *нет*
но здесь
сейчас —
есть только *лэзя*!
не целомудрствуй! дайся вся!
другого времени для нас
не будет

«нет!» – рвалось изнутри
но разбилось о ставни рта
зной «не знаю...» плавил язык
тогда тело сказало «да!..»

и я был функцией
этого роскошного тела
его звали Юлия
может и Люция
нет! Бэла

ПОРТРЕТЫ СТИХИЙ
из песенника “Циклический Бестиарий”

ЧЁРНЫЙ ДРАКОН СЮАНЬЛУН

В тёмных глубинах, где воды чудачат,
Где северных скал дном основанный трон,
Гармонию, мир, доброту и удачу
Познал сокровенный Дракон.

Ночь неизбежно сменяется Утром.
И каждый познавший — и штиль и тайфун,
Станет и веским, и щедрым и мудрым,
Как Чёрный Дракон Сюаньлун!

Правда любви может стать и законом
Для жизни, где более ценят бои...
Даруй же нам, Небо! — гений Дракона
И крепость его чешуи.

PS
Разумный предел и Дракону понятен.
Светило само — из света и пятен!..

СОКРОВЕННАЯ ЗМЕЯ | к образу Уробóроса

В том тёмном древнем, что не знало суть свою,
Когда вода была как твердь, а пустота – как ветер,
Придумал Некто сокровенную Змею,
И начертал: «Се змий. Теперь за всё в ответе!»

«Он жизнь и смерть, и между ними – грань,
Добро и Зло, и грех, и искупленье,
Непостижимость он, и он же – вразумленье,
Надрыв нарывов и целитель ран.

Он щит от бездны, но и в бездну – дверь,
Он змей измен и гений революций,
Он правда хаоса и кривда конституций,
Он свет небесный, но и он же – Зверь!..»

И змей скользнул – то ли в венце, то ли с рогами,
И хладнокровием рождённый новый мир укрыл.
И в хвост вцепился – в свой! – клыками,
Дабы тот хвост чего не натворил...

...
Ждут плуга пустоши, ждёт влаги соль земли,
Ждут слова города, и свежей крови – вены...
Но упаси нас, Боже! – сея перемены,
Забуть и о двоякости, и о хвосте Змеи.

всё повторится фарсом но в Начале была любовь

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука десятая. Протокол первый

- С возвращением!.. И как там у нас, на нетуристических тропах? Шумно да тихо, весело-лихо, да лаской наотмашь?.. Жаром да стúдой?.. Жизнь нараспашку, счастье в тельняшку – в полосочку с хúдом?.. Уж извини, ладóм-то не успела понапутствовать в дорогу, как тó у нас принято: “ни пуха, ни пера!..”

Зубосказила Рысь смачно, с наслаждением, отыгрываясь за “пропущенную шайбу” в последнем раунде.

- Кого видел, с кем знался? От кого весточку на хвосте принёс?.. Не от Снежного ли Нежного Барса, случаем? Он ваших дюже как любит!.. Да нет, Барс здесь не хáживает, Барс в южных пределах беспорядки дослеживает... Или на Лиса Патрýкия, озорника, нарваться сподобило? То может, этот повсюду рыщет. И пожíвным всегда озабочен. Но Лис-то: так-то бы запросто не отпустил! – дотла б оципал, вóкорень, дозгí, до костí! Ещё б и должен Лíсу остался. А ничего личного: жлобизнес – в правовом беспредельном поле, для лис и затеянном!.. А может, Самомú Белведю под лапу нырнуть угораздило Попугая? Под вертикаль-то власти – запросто: всюду у нас угодить возможно: а не залетай за буйки, не стой под вертикалью!.. Но нет: не по рангу честь тебе – претерпеть от Белведя! Мелковаст ты злочíном-то для Белведя, рыльцем не вышел!.. А уж не Тигру ль, аэду, ты подвернулся ко времени: когда стихóз его накрывает, а под лапой – ни пера, ни компьютера? Гуси-то все о ту пору и прячутся, знают: коли уж к Тигру муза нагрянула, жди перьев потрáту, с ними и жизнью – зарáди поэзии! Искусство требует жертв... Тигр, одним словом... – Вспомняв о Тигре, Рысь разом просветлела, аж замурныкала, а мурныканье этой огромной кошки гуще гуда электромоторного, кто в том понимает. – Кого-кого, уж его б и сама приветила радостью!.. Ты послушай, как он рычит, что он рычит! Что ни рык – то стих! Что ни стих – то песня! Что ни песня: душа тает! А коли сам замурлычет, всё нутро в истоме, всё тело сладостью ломит! – От волнения Рысь вскочила, затеяла быстро ходить по устúпным плитам своего остáнца, на ходу ж декламируя:

«... Ой, да Вишера,
песня-Вишера,
что невесела,
раскрасавица?
Горькой вйсою,
Горевóй горой
слёзы катятся
студенóй водой!..»

Попугай, однако ж, на ветке сидел невозмутимым, красотой тигриного слога ни разу не очарованный.

- Отстой вирши. Нафталин. Несмотря на зачётный реверанс в сторону скальдических вис... Вот стишки актуальные, продвинутые, в тренде:

«... я защищаю право среднего существа плевать в лицо гению, я за
право подлеца и мастурбатора!.. –
итожил некто Мюржé, агент русского царя, французской полиции и
ордена иезуитов...»

- Что за скúда такая – Мюржé? Что за тварь, почему не знаю?

- Никто не знает. Говорят, людянин какой-то, которых нет совсем. А по мне – хоть марсиянин: программа обозначена верно! Можно сказать, сама суть завроСвободы: ливерценности изложены доходчиво и концентрировано.

- Одно слово: мерзóта! Про Мюржé, видать, то словцо и говóрено было... Как ты только и смел: рядом с Тигриным такую гнусь рéчить?!

- А чего ж ты в замуж за героя такого – пушистого, сладкорычívого – не стремишь в припрыжку?

Рысь смолкла, задумалась. Устремила взор мечтательный – глаз дивных, зелёных – в закатные пределы: поверх всего суетного, спешного, бытность образующего... Задумался и Попугай.

Так помолчав: задушевно, прочувственно, Пúпа заговорил уж на полном серьёзе, не фигляря:

- Дура ты, девушка!.. Какой самец! какой ратник! как пишет!.. В твитах сплетничают: по тебе сохнет недетски. А ты его – пó борту!.. В замуж тебе надобно, девушка, в замуж: за Тигрушу. Хоть и недруг он нам лютый, а всё одно, спокойнее будет: и ты – не в рысках, а в предсказуемом быте, и мужик при делах: воин стреноженный, хозяйством отягощённый: не до тяжб уже, не до брани с нами! Глядишь, совсем мозгами поправится в нужную сторону: всё в дом, всё в семью, ипотека там, кредиты, карьера. Тут уж не до идей, не о чести мыслить да духе: о комфорте в гнезде! Бургером станет дородным, почитаемым: вот и весь наш, с потрохами! Мещанство – то главная кормовая база для Папы Сво. Обыватель – и есть наше секретное оружие массового поражения! Отнюдь не пятосбрóдники: те ж на виду, их же всего – кáтышек пахучий! А вот обыватель – он везде ровным слоем рассыпан... Державу мамки твоей, Софьи, Рыси Алой, мы именно так и раскатали – в ноль: организовав обывателя порезвиться всласть безнаказанно...

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука десятая. Протокол второй

- За державу матушки моей рódной не раз уже говорила: никто её не раскатывал! Обиделась матушка. Да в одночасье сама и ушла. После уже – оскáзники-неполжйвцы, ваши да наши, всё кривдою и замазали: враками да ливера́ками. Но зверомирцы в том твёрдо уверены: не погибла она, не сгинула: затаилась до времени, растворилась в грядущем. Будет ещё её, ох как будет!..
- Пусть так. Но согласись: Рысь Алая встала на путь всеобщей справедливости преждевременно: звероценоз не созрел для столь радикальной идеи. Зверяне есть звери – не переделать!
- И что? Если, предположим, роды и были преждевременными, дальше-то что? – засунуть младенца обратно в утробу, чтоб дозревал?!
- По сути, так с вами и поступили...
- В надежде, что вместе с плодом сдохнет и мать... Не случилось. Верно то говорю: не случилось! Скоро сами поймёте... Зверархический мир подходит к логической точке: к исходу. Завтра ли, послезавтра, век ли тому истечёт: но либо зверя́нства не будет вовсе, либо зверáрхии рухнут, и станет иное, проектом чего, может, эскизом, есть и была держава великая: Алая!.. Никому не удержать в вечной узде обездоленных, хоть и сделайте поголовно из них тупых потребителей. Разве что: вшить каждому чип управления. Так ведь выгрызут. С мясом и кровью – но выгрызут!.. Каждый раз, когда кто-то называет кого-то “быдлом”, он на шаг приближает зверя́нство к исходу.
- А знаешь что, Рысь? Соглашусь. Очень хочется верить. Сам-то я кто?– простая кархадская птица! Кроме вживлённых чипов да поощрительных чипсов – таким, как я, ничего не светит. Но и корм поощрительный – лишь за примерное поведение в клетках да стойлах, где мы: электорат – отбываем свой пожизненный срок ожидания. А ждём одного, утешаясь при том алкоголем, блюдом, травой да иллюзиями: разделки на перья и ресторанное мясо – для хищных гурманов: с мощной и чинами... Ещё и на запчасти их одряхлевшим телам... И не эволюционировать мне никогда, и в сотом даже поколении, до кого-нибудь с клыками. А мощну, если выпадет вдруг случай такой: лотереей, мезальянсной фортуной, неожиданным наследством: отожмут непременно! За мощной нужен глаз, хищный глаз! Мы же, едо́мые, смотрим на мир и себя взорами скорбей, глазами утрат... Так что, Попугай хоть сейчас – в красную гвардию! И перья в масть имеются!.. Беда в том, что наши хозяева повторно Алой державы никак не допустят. Всех в ядерном кáле утопят, но – не допустят!

Последнюю фразу Попугай кричал уже – во всю глоть, но и оборвался тут же, замкнув клюв наглухо, после – лишь булькал всхлипами: то ли от фатальной безысходности, то ли от страха за крамольные речи...

В гуще кустов, которых здесь не было, которые бежали, но ради такого уже и вернулись, Кто-то проникновенно наигрывал на рояле Марсельезу. Прокúдливо дерево насвистывало в такт Интернационал. На явочных норах в песчаных отрогах Барсук Троцкий, смахнув скупую слезу коммунара, удвоил паёк на откорм свирепой Свободы, коя до срока томилась в клéтях – в наморднике. Жалюзй паскудного быта на миг отвернули ламéли, и из щелей полезла адская сволочь, требуя всем по потребностям...

... только Эхо молчало, мудро прикрывшись профилактическими работами.

Но в объёме мирской суеты всё и затухло. Марсельезу взяли на работу гимном буржуазии. Интернационал устроился в профсоюзы – Большим Аргументом: теперь в школаде. Вождь Барсук неслабо пополнил счета. Мегера Свобода пошла на панель – в поисках смысла и содержания... Пу́па разом опомнился:

- Что проку в несбыточном? Безопасней о личном!.. – Попугай возвернулся к предписанной теме с явным облегчением: – За мужа нашего, зверюгу богатую, Рысь не хочет, то уже ясно... И молодец: овцой бы лохматой была, если бы клюнула: ведь активы того муженька – это что? Это чернила в гроссбухах, электронные импульсы да бумага зелёная, ничем не обеспеченная: мы ту бумагу печатаем в день по вагону! А твоё приданное – недра, просторы, вóды и вóздухи, и его муженёк оборотистый в миг бы отсвоил, к профиту приладил, а выдoив всё – разом развёлся б, после и выгнал: голой овцой, бесприютною нищенкой! Или сдал в зоопарк. То и вовсе – на мясо!.. Попугай говорит так от сердца, во все откровения. Кирдык ему будет за это в конторе.
- Да ладно, брось жутей-то нагонять! О том на каждом форуме гра́чат. Тоже мне, тайна!
- Забудь... Не хочешь за нашего, твоё право... что ж за Тигра-то не идёшь?
- Вредная я. И привередливая... От веку велось так у нас, Рысей: воздать должное героям земным – воздадим, да не шибко их балуем... Рысей всё больше к Небесному тянет...
- То-то óры-вопли ваши кошачьи всё окрест неистовством лютым смущают, спать не дают...
- Так всякое бывает. И всякие бывают. Кто от точки до точки живёт, а кто и Попугая сейчас загрызёт.
- Да хватит уже грозиться: Попугай и без того за правду претерпел немеряно!
- Ладно, живи! Тень истины в твоих речах имеется, уже немало... А Тигр, что Тигр? Оно конечно – Тигр! У него ж не только пасть, у него – тело!.. – Рысь снова мечтательно и густо замурныкала. – Но я ж его ради державного от себя оберегаю, можно считать: спасаю культурный фонд!

Сказать, что последняя реплика Рыси взорвала инет – ничего не сказать...

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха десятая. Протокол третий

... взпуски, вперегонки мчались по форумам
комменты смачных сабжей:

«... Рысь поступается личным ради культуры!..»

«... Тигр – жертва рысьего патриотизма
и рысьей упёртости!..»

— У нас ведь исстари как заведено: отнюдь не напасти, не козни – именно самки, любимые да любящие, собственнолапно сводят в могилы своих дюжих самцов: богатырей, мудрецов, аэдов, да не их одних – топят в пучинах семьи и бездумного быта! Не все, не всегда, но в целом:

«... Весь мир ему играет туш, а дома он объелся груш!..»

Любая – почти любая! самка рано или поздно встаёт на тропу Кабанихи Ху с её “гениальными рецептами” типа:

«... главное ваше оружие – любовь самца... страсть, вожделение... годы привычки и благодарности... превратите привязанность к вам самца в роскошную удавку на его шее!..»

Вот и берегаю я Тигрушу, и себя заодно, от непоправимого счастья!

— Попугай думал: это авторитарный режим гнобит и душит всё лучшее в стаде.

— Я тоже так думала, то и верно отчасти: самцам дюжим несладко уживается с любой властью! Не только ведь наша – и всякая держава усердием отметилась в потраве сынов великих. Но самки-то – чаще. Власть – она где? Она далеко громоздится, высоко гнездится! Ей до бытного, суетного ещё снизойти надо: повод сурьезный тому потребен. А самка супружняя – завсегда рядом... И декабристок из нас всегда – одна на десять: не любят самки находиться внутри подвига, вершить тот подвиг соратно с Героем... их дело: восхищаться уже совершённым, да профиты от того пользоваться. А чтобы соратовать долго да трудно в том, где исход ещё в целом не ясен, то уж увольте!.. Вот самой, в одиночку, “я-шамá” – пожалуйста: лося на ходу остановим, в горящую нору войдём! После и сетовать будем: где ж оно – хвалёное то, плечо-то самцовое?! Самец, мол, совсем измельчал!.. А подставь он плечо – загрызём, изведём: ты куда ж, самец, точно слон, – лезешь в наше самочье, хрупкое?! Жёнам ведь фиолетово, что мужик там космический корабль построил, “Войну и Мир” написал, Северный Полюс покорил: это он, типа, всё для себя, эго своё тешит! А вот понять простых бытовых очевидностей, подстроиться в унисон женскому ладу – не может, носорог толстокожий!..

Рысь занервничала, привскочила вдруг, затеяла бурно вылизываться, выкусывая при том клёпья жара, которого вокруг не было, но был в теле – и тревожил её, кусал... Успокоившись, внове попыталась улечься, подобрав сообразную вещаемым ею непростым бабыим истинам позу. Не получилось.

— Не все самки такие, не все! Я не такая. Но боюсь такой стать... Нравен он мне, дюже как нравен... Не морская ж вода в моих жилах – кровь горячая. Но и лютая: не удушить бы ненаглядного хищной самочьей верностью, не пожрать бы его крокодиллом любви... Пока я девушка, и себе и ему – в радование. А в замуже наступит быт: рутина с тяглым вперемес... Все мы, самки, сотканы светом и трауром: любить – до костей, разводиться вдребезги! Это тебе не ми-ми-ми в завитушках, это гибридная война-любовь полов, чуешь? Идеологии в сторонке завистью давятся.

— Попугай смотрит на Рысь, потом смотрит на свой хвост, и почему-то охотно верит!..

Неумная шутка, однако ж, не услышалась: унесло её прочь заблудившемся ветерком, и Пúпа погрустнел. Да не сник – напротив: приосанился в печальной, но гордой позе Чайльд-Гáрольда на обрывном краю.

— Впрочем, и в наших пенатах не всегда возвышенную личность самки должным образом ценят!..

Рысь зыркнула пристально на воссевшего Байроном Попугая, хмыкнула украдкой, да после вдруг и прочувствовала: изумрудные глáзы потеплели, уже не жáлили жалостью да насмешкою: лучистым глядели состраданием. И молвила далее Рысь вовсе нежно, ровно вешний ручей зажурчал, орошая былинку травяную, зацвести вознамерившуюся:

— Я тебя понимаю!.. Да ты красава!.. И ума выдающегося птица!.. Дуры они, эти ваши бабы щебечущие – в завитках ароматов, да к пустельгам порхающие!.. А как славно ты дурашливым “попкой” актёрствуешь, чуть было сама не поверила! Тебе бы в театр наш какой, где ещё артисты большого полёта: не тылами вертлявые – требуются!.. А в наших-то сказах “дурак” – самым умным выходит!

— Попугай всегда знал, что он – сгусток интеллекта!.. Рысь и вправду так думает?! Вот верно ж у вас говорят: где съедят, допрежь не узнаешь, где полюбят, наперёд не поймёшь!.. Ты ведь тоже – зверь чудный, самка красоты незабываемой! И за тобой – уж точно: за каменной стеной! Сам бы в замуж позвал, да понимаешь же – габариты кой-чего не совсем чтобы те, не рысьи, прямо скажем!.. Мне вот хватает, но тебе...

Рысь с наслаждением, громко, взапой рассмеялась чувственным, грудным, задорным смехом. Где-то в высях, в перламутрово-белом, отозвалось бодрым стаккато: волхвы небесных роялей распустили персты... Всё вокруг захохотало, взвеселилось, и непрочные камни уступов посыпались градом – прядали отбóями в такт по земле... Рысь же, сквозь приступы смеха, сурьезное вставить пыталась:

— Да я ж, ради мира во всём мире, и согласилась бы, но ведь кто ж допустит? – никто: ни наши, ни ваши!.. И миссия на мне, понимаешь: о гóрнем, высоком душа тоскует, куда бы тело не манило!.. А чúдная б из нас парочка случилась: ты б меня летать научил, я б тебя – кабана заваливать!.. По обе стороны Атлáнтовых Вод взвыли б все трёхэтажным сопрано!..

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха десятая. Протокол четвёртый

И верно молвила Рысь: не то что альянс там какой – брачный, дружеский, кружок ли по интересам, – просто потепление, просто чуть обозначившийся прогресс в согласиях меж Рысью и Попугаем – устраивали мало кого, да вернее сказать – никого. Никого, кроме них.

Птица-попугай Пупа кархадский был частью западного электората – народ, поголовье: едóмое большинство, хоть сам себя и относил к меньши́нам. Да ведь настоящие, не декларируемые меньши́ны – это синклиты управителей. Все иные – для отвода глаз и гнёвов. По типу заземления...

Рысь Русь и вовсе – душа Зверомира, олицетворение всего рóсского.

Что ж выходило? Народы – через головы управителей, контор-институтов, фондов-ассоциаций, горламентских ассамблей да Семёрок-Шестёрок, Трёхсторонних комиссий и Бильдербергских клубов – консенсус несанкционированный затеали? Приязненный диалог самочинно учинили?.. Непорядок! Такой плюрализм нам не нужен. Того и гляди, открытые фронтá замироточáт, а сколько средств безвозвратно вложили, чтобы те фронтá пооткрывать!.. И должные меры были приняты безотлагательно:

Где-то что-то подвинтили: “где-то” – напечатали, “что-то” – слили. Где-то в гетто кто-то выступил...

В других “где-то” заявили протест. Что могли – замазали, что не смогли – заврали, попутно поработали над интерьерами памяти. Интернеты гудели гра́чами, неполж́ивцы и совестливые верещали в три смены, под сурдинку разбомбили неких террористов и пять стран, оказавшихся рядом...

В тушканчиках обнаружили ГМО, на Светиле Соль – незапатентованные следы. В гигантском колла́йдере поймали за хвост нашкодившую давным-давно частицу, объявленную в международный розыск, но за гонимую кроху вступились правозащитники, и её отпустили. В начальных классах ввели предмет “Основы секстремизма”, несогласных же родителей съели: публично, под аплодисменты детей...

Королева Пингвинов срочно вышла замуж за бисексуальный айсберг. Рыбы кибер-у́ги совсем озверели: где стаями, где жидкими косячками стали выползать на берег и требовать политического убежища. В Космосе обнаружили величайшую бюджетную дыру: совсем чёрную, откуда не вернулся ещё ни один рубль. А ррэпер Епталды́к Ербо́хом-аглы выложил на “Ты-пень” эпический хит, собравший триллион просмотров, что стало новым рекордом Пня...

... и в сумбуре этой экстренно учинённой движухи, ещё и воспользовавшись кратким отсутствием Рыси, отлучившейся по нужде, Кто-то из кустов, обмотавшийся шкурой, долженствующей имитировать рысью, но больше напоминающую шкурку морского свинёныша Кúя, открытым текстом вырвал из хвоста Попугая перо – десятое в списке утерянных, при том оглашая окрестности лютыми писками злобы, неопровержимо указывающими на Рысь как агрессора.

После чего этот же Кто-то, в шкурке Кúя, раскланявшись на камеры, артистично швырнул перо-улику вниз: с обрыва, в пропасть, в бушующие мрачные воды гиблой и варварской реки, безнадёжно отставшей от мейнстрима цивилизации, текущей далеко в стороне от активных русел и анналов прогресса...

... и сиротливое перо чёрного цвета – плавно и атмосферно, крупным планом – заскользило по воздуху в прощальном вальсе: навстречу Оскару...

Перьев в хвосте Попугая осталось два: одно чёрное, одно красное. Всего два.

Кто-то, – не тот Кто-то, который был в кустах, а стал в шкурке Кúя, – кто-то с полей пропел хором:

«... То ли солнышко, то ли буря.

То ли счастья нам, то ли дуля!..»

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

поруха одиннадцатая

Рысь Русь и Попугай – оба ошеломлённые, онемевшие от въяве чинимого произвола, в коем же уготовили им, не спросясь, роли заглавные, – на миг и застыли, как во́пы усопших – в камне руин. Но только ж на миг:

Рысь вздыбила шерсти, напру́жилась, оскалилась люто... загудела студя́щим кровь рыком... Попугай, опомнясь, ветры пустил... да икнул... да всхлипнул надсадно... горлом прокеркал невнятное, мутное что-то, матерно-горькое... тут и зашёлся разом в исто́шном – купно всем, им когда-либо слышанным: во́ями-во́пиями, плачами-рёвами – птиц и зверей, и природных явлений, и не́житной жути, и людя́нских уны́вных рыданий...

... и взорвалась спонтанно безадресным бунтом обу́тая птица:
умом потемня́сь, сама же – клювом своим – перо из хвоста и повырвала: предпоследнее, то, что было когда-то, в хвосте полнопе́ром, одиннадцатым!

— Да подавитесь вы вашими перьями, ску́ды!..
Вам нужен бесхвостый, бесхвостый, бесхвостый совсем Попугай?! Он у вас будет!..

Обезумев насквозь, клювом вцепился уж было в перо и последнее, красное, да Рысь помешала: аки молния, быстрая, в броске феерическом – с камня на ветку – Рысь метнулась и мягкой лапой своею клюв отвадила: от пера, ещё не порушенного...

а при том – вот уж чудо! – сухая криву́лина ветки не хрустнула, не сломилась под тяжестью зверя немалого... уж воистину: чудо! хоть и не́житное... но добро, как и зло – есть привычка...

и сказало Проку́дливо дерево веско, но ласково:

— Рысь – дюже правильный зверь, уважаю!

В тот же миг, вдохновившись от рысьего подвига, и с кустами бесчинными дерево люто расправилось: с теми кустами, которых здесь не было, но на нервы давили исправно, и ведь так докучали, что и не́жити жить в той докуке совсем неуютно... тут и случай сура́зный – гнев свой явить – представился не́жити...

... но даром-то дереву дело благое с рук-ветвей не сошло: как-то вдруг на сучьях корявых обозначились почки... б́ухнуть затеяли... всем же известно: для дерева злого зазеленеть – что ославиться зорно!..

... и Кто-то, тот самый, что из кустов, – лишившись кустов: их напрочь не стало, – ровно крапивой ошпаренный, бегал по дро́мам таёжным да глухomanям: совсем нагишом, одно причиндалы прикрывши вето́хой, ранее бывшей шкуркой морского свинёныша Ку́я... да гнали ж его ото всюду, ко́лким шпыняли... даже местная лёшеть и прочая не́жить над ним изгалялась: швыряли вослед ко́мья грязи да рудные сгустки, из коих бериллы – для глаза красиво, но больно для тела – дюже торчали... да заблудила та лешеть изгоя вконец, безвозвратно... в том заблуде, однако ж, он и обжился: растворился в глубоких пещерах, где долго пугал гулким квóхтом туристов настырных...

Что ж до Рыси – обняла бережно Рысь Попугая могучею лапой, коей не раз подминала всякой крупности зверя, но здесь – обымáла словно кро́хкость саму, нежно касаясь плеча поруганной птицы, обезумевшей в горе, мерой которому: море! И мурлыкала Рысь и турлыкала, ворковала да напевала:

— Злая судьба тебе выпала, птица!.. На меня ж не серчай, коли слово какое, к пернатости злое, и молвила: говорила в запале. Ты же, как тать, заявился: без упрежденья... Знать мне откуда же было, что ты за птица?! Вот и молвила резко, что думала, дура я рыжая... Не серчай на Рысь Русь, птица га́рная: Рысь по жизни всегда – зверосердная, кроткая, коли ж к ней – не клыком, а душою открытою!

— Зачем же ты так говоришь, что как думаешь? И без того Попугай знает, что Рысь о нём думает. Рысь тоже знает, что о ней думает птица. И оба мы знаем, что знаем, кто что о ком и как думает... Зачем же об это-то – вслух?.. Разве ж нельзя – о лазо́рях, что в небе, о лепых закатах?.. Не тебе говорю – всем говорю: и нашим и вашим... раньше б так не сказал – теперь говорю: да! не способствует настрою ликующему текущая вместе с нами эпоха: скупа на го́рнее, обильна вычурным... и зла немеряно, в тогу прогресса, якобы до́лжного, ряженного... мир злеет, то да... но зачем злеем мы?..

Рысь обомлела: от красоты парадигм, от мудрых глаголов, явленных птицей... Сама ж к тем словам-валунам не приспéшила даже – и вскользь, и ящеркой речи сопутной, дабы ничем не смутить, не порушить величие слога, возводящего лёствицу в небо от дна: от нас, от скомканных бытом... Восхищённо молчала.

В сумерках таял последний день августа високосного шестнадцатого года в бесславном пока ещё XXI веке...

Так и сидели – в обнимку, в молчбé. Ро́сская Рысь и карха́дская птица.
Дни, вечера – шелестели мимо. И опадали. Подобно жухлой листве и высохшей хвое.
Продолжение следует.

... непременно следует, ибо от горизонта – от ско́ла окоёмного, от предела лезвийного – куда сей только миг и скатилась последняя капля Светила – сверкнул Луч Зелёный: Свет живой, цвет Надежды.

О вётре, ветри́ло!
ты пе́рья зачем уносило?
попугаевы пе́рья, рулящие,
хвост чудо-дивный перя́щие!

А и было тех перьев двенадцать: славная дюжина!
А осталось одно перо, алое, да кручинушка дюжая.

Тут и Первому Сказу конец.
Кто слушал, читал –
молодец удалец!

Но для порядка-сурázия
есть у нас Послесказие:

Послесказие

1. Молвы о Птице надмирной | дайджест
2. Стяги Зверомира
3. Рысь Русь: откуда рысь пошла
4. Зверомирцы, о коих в следующих Сказах поведано будет

Послесказие 1. Молвы о Птице надмирной | дайджест

«... не в вотчинах отчих, не в коренных, не в землях соседских и не в иных... братских ли, вражних... и не в соседних галактиках даже... не в пыльных межзвёздных пустынях, Бездну сосущих за тёмное вымя... нигде – где хоть йота чего-то, хоть всплеск, хоть шёпот, хоть ропот! – нигде, где удел именам и вещам... но и не там – где не-тьма и не-свет, и материи – нет: нет смыслов, рутин, а в рутинах – живущего: где на сущее – вето... – нигде!.. ...а всё ж таки – где-то...»

... мол, где-то – в малопредставимом селенском континууме – живёт сама по себе да вольно плывёт дивность эпическая: Янтарь-Острова, Стольным Островом Янтр предводимые...
... и явлен архипелаг сей одномоментно во всех параллельных Мирах Мультивселенной...
... да служба ему назначена: корпеть сингулярной – единственной, стало быть, точкой пересечения бытий...
... и точный адрес пересылочного меж Мирами пункта также известен: Сокровенное Озеро Плазмы, что на Острове Янтр, Пуповиной Миров ещё прозываемое...
... редкие избранные там бывали, янтарные мёд-пиво пивали, во иные Миры проникали, да Сказы скáзные о том нам завещали – те, кто вернулся, вестимо...

... Мудрецы ж всех стезей, зверософы зверомудрые – и те, что провидлевы в розмыслах, и те, что ританские (науки неймут, а гранты вкушают) – о тех же материях так заявляли – хитро́, умозрительно-как-бы, “предполагая”:

«... если такое и есть, –
почему б и не быть? – всякие дивности в неисчислимой Селенной доступны дерзости мозга! – то логично бы предположить, что Янтарь-Острова те – обиталище Птицы мифической: Славы... той самой, что верховодит над всем в столь же мифическом Мире Высших стихий, Энергий и Смыслов...
... впрочем, всё это – мало-научно... почти невозможно... разве что: дерзости мозга доступно!..
... но если ж, тому вопреки: статистической физике, термодинамике, феноменологии в целом, – Птица надмирная – “такو бысть, тако есть, тако буди”, – то, по всем вероятиям, существо это быть бы должно зукари́отом из надцарства (домена) живых организмов... а ещё вероятней: оно (существо) – есть субстанция не-органической масти... то и совсем: “не-материя” вовсе... нечто иное: инакобы́тующая сущность, суть над сущью иных – инако бытующих там же!..»
Те мудрецы заверяют, что понимают, что говорят. Верим.

... А поэты (рапсоды, аэды) – такое вещали:

«... Янтарь-Острова – сурáзны гармонии, коя же есть золотая секвенция собóрных по́мыслов мыслящей плоти... да восходит секвенция та – в Вёрхи: то ль в небеса, то ль в за́пределье... а длится то с ветхого – со времени оно, нигде не кончаясь, ибо всё – бой, а ко́да лишь снится!..» – и дале такую плели диатонику, в благозвучиях коей сами тонули – вместе со смыслами... блюз, да и только!

... А креаклы (с ними ж – зверяклы) Янтр – Стольный Остров – себе представляли тотальной клавишей Зевса, реально крутой: superEnter на клавиатуре Зверенной... при том что публично – ни в Острова, ни в Славу (Птицу) не верили... как и в иное во всё, кем-то другим, кроме них, почитаемое... зверы ж любые – трóллили зло и подсмехали... но – ничтоже сумняшеся, без дискомфорта в органах смысловарения, – уверены были: стоит лишь только удумать им дюжим своим креативом кчёмность какую иль сервис, да с помощью оных добраться до клавиши Зевса... нажать! – с непременной, понятно, трансляцией подвига стримом в инете – мир фазово разом изменится к лучшему:
все станут скопом и враз позитивными, светлыми, на всё бесппроблемными... а в бесппроблемности той – дюже затейливыми!.. сласть власти правления будет делиться меж одними креаклами!.. самим же креаклам в стопятьсот раз увеличат зарплаты, при том – освободив от работы, бо: «...мы рождены не работать, а быть не такими, как все!..» а вот ватники-нищebroды-нормалы и противный-противный-противный весь Зверомир – исчезнут, изникнут, избудут сами собой: в никуда... навсегда... совсем отовсюду: с улиц, пляжей, картин, из бюджетов, из интернетов, бу́тíков, стильных салонов, продвинутых тус и борделей, клубов, баров, кафе, туалетов и педивикий!.. и будет всем мир и полная Вро́па!

... Официальная же доктрина За́падла (накерканная, разумеется, Папой Сво, завроящером) гласила: отрицание несуществования цитадели зла – Янтарь-Остров, равно и кровавого Чудища авторитарного: Птицы Славы – преследуется Законом и всем/всеми, кто способен держать в лапах дреколье, гасило, кистень, или же просто кусаться – с диванов и нор! откуда и пакостить, троллить, чморить, изводить да губить!..
... но источники верные бают: сам же курвяжищo Сво – для своих, по секрету (чтоб слили) – и намекал: мол, типа того что-то есть... но существует не в дискурсной яви, не в соборном сознательном... даже не в стадном подвальном, крепко запрятанном!.. а симулятивно: как бы в абсурде, в безумии, как-бы-в-игре... а кто у нас в игры-то верит на полном сурьёзе? – верно! лишь фишки, карты, игрушки... кегли, ворота, мячи... трусики Барби, чупсы и чипсы... да так-то и есть: играть-то можно, но не снюхать, не съесть... не вдуть, не отнять, не продать!.. – симулякр, пропаганда, масты́рка... морковка, дурь, леденец для “забитых зверей” Зверомира!..

... Чаше ж всего предстаёт Птица Слава в телесном обличии любимцам своим – зверомирцам: обликом вельми прекрасным, возвышенным: исполинских размеров густо пернатая птица, осанкою – царственна, ликом – грóзкая,

но строгость не злая – благáя: ибо добро и должно быть с мощным острастным клювом, загнутым к бою, да дюже когтистыми сильными лапами, металлы крушащими, дабы зло и всякая погань издали зрели, на что посягают!

И для нас, зверомирцев, – для всех: кто и мудр, кто не очень, чтоб дюже, но со здоровыми смыслами дружен, и для тех, кто больше живёт в ощущениях: чуём, – Птица Слава и всё, с нею что связано, – и несомненно, и непреложно. Заветное и сокровенное!..

Слава – наша идея породная.

Если же кто, вдруг, – из заметливых, бдительных, – насторожится к предъявленным фактам:

о влечении Славы в быт зверомирский, да не узором мишурным – фоновой нитью! – а нет ли тут, дескать, в оном антропоморфизме, – тотемного тёмного, поклонения тварям и духам (всяко: грех анимизма!..)

да не явственен ли вовсе – приторный с горечью запах неоязычества?! – так успокоим: вздор же! пустое... по́лох напрасный: языческой яви, а ра́вно яви хтонической – наша Птица надмирная – вовсе не ровня. И не родня.

И – не в соседстве... не в заединстве.

И – не в приязни...

Даже просто мо́лчбным согласи́ем зверомирская Слава не причастна к разно-язычествам!

... о чём – и не раз! – толковано нами и было: в Энциклопедии Большой Зверомирской...

да вот, хоть в разделе 2-3 «Зверосмыслие», в коем статья есть: 2-3.01 «Картина Смысла».

Стяг Рыси

Стяг Белведея

Стяг Сестры Победы

Стяг Тигра

Стяг Тура

Стяг Барса

Стяг Лиса

Стяг Барсука

Козлостяг

Стяги Зверомира

Послесказие 2. Стяги Зверомира

«... взбошно стяга не стави... поставив – не бзди!..»

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’
| статья 2а4-ст. ‘Стяги Зверомира’

Наиболее чтимые звéросы Зверомира владеют наследуемыми родо-именными Стягами –

сиречь Воинское знамя, возносимое на древке, к которому крепится широкой стороною клин яркой ткани, коя для всякого Стяга крашена своим – родовой геральдики цветом, с нашитою на тот клин о двух сторонах эмблемою нынешнего наследного держателя стяга,

узкий же конец клина – очень длинный, из-за чего полотнище как бы струится, “стелется по ветру”,

на верхнем же конце Стяга: металлический острожок – наверхие в виде наконечника копья, под которым укреплена чёлка – крашенный пучок пушной космы, хвоста или гривы.

Издревле – со времён, ещё памятных, Золотого века, когда Стяги первые и учинялись, и делались – на полотнища для них брали ткани особые:

золотниковые, сиречь драгоценные – тончайшие льняные пряжи: Сказский – он же царский – виссон, ещё прозываемый Златорунною тканью или: “Золотое руно”,

и сотканы те полотнища были в древней Колхиде, многославной державе:

по сказам одним – находилась она в Приазовье, в устье, дюже обильном, реки Танаис, наречённою позже: река Дон...

по сказам другим – на берегах реки Риони, что в Хрúзии – ныне робкой окраине, коя славу предков и процветание в славном союзе со Зверомиром на подвладычность кархадцам сменила, да разом поблекла и оскудела...

А пряжи эти имеют тонкость – танину – от №5000 до №10000.

Для несведущих в сём, но пытливых, отметим: танина́, сиречь метрический номер пряжи — есть в метрах длина одного грамма нити.

К примеру:
нить бытовая №40, коя для ста́вления пуговиц предназначена, так истолковывается: сорок метров означенной нити грамм и весят...

Метр же квадратный ткани, прозываемой “сотканый воздух”, коей танина́ №5000, – весом своим изумляет: пять граммов!..

Иные ж за пряжу золотниковую готовы были платить – и платили! – чистым золотом: за один только грамм ткани подобной, сообразно её номеру тонкости – золота от десятины кило до килограмма отвешивали.

Надевают же Стяги на древки токмо прежь битвы – уже неминуемой!

Не зря же пращуры зверомирские, ма́теры ратники, горячечную мо́лодь так наставляли:

«... взбошно стяга не ста́ви... поставив – не бзди!..»

И речение: “стяг поставить” – то и значит: “войну объявить”.

Речение ж: “не поставиши стяга” – “врасплох быть застигнутым вражею силой”...

... Оттого-то ныне зверомирские Стяги соборно и распущены:

ибо война есть нам всем, зверомирцам: от стороны За́падлой, –

буде война та и гибридна, буде и “стылым миром” прозываема: от того не менее лютая, коли не более, ибо без чести, без правил, без доблести, но подлостью, изветом – по-та́тски и зля́тски – та война учиняется!..

Полагают, что Стягами Зверомир одарила Птица Слава, да ведают то достоверно – сама она, ещё Сказский Тур, –

ибо Стяг переходит из поколения в поколение, меняясь лишь именною эмблемою на полотняном клине,

а откуда те Стяги взялись наперво, потомками уж и забыто... коли и помнится, то боле – легендой, мифом, преданием...

Даже Козёл имеет козлиный свой стяг – козлостяг, поелику формально Козёл – зверомирец.

Но флаг свой Козёл не унаследовал от героических предков –

тот славный “Стяг Мархура и Козерога” хранится до поры у самой Птицы Славы: на Острове Янтр, – а свой “козлостяг” он заказал в модной салоне, у зеряклов вихлявых, те и сдюжили “восхитительно стильный такой флажок”:

на коротеньком древке приторочена синтетическая тряпица, коя оканчивается двумя хвостами, именуемыми также косицами,

и крашена та тряпица гламурная в ЛГПТ-шечку, сиречь – шестью актуальными ЛГПТ-красочками.

Собственно, полотнище козлиного стяга – по форме и по раскрасу – воспроизводит до точности символ-эмблему “Мандала Пёстрых”,

а наверхием древка является символ-эмблема “козло́пис”...

Сказ отдельный – Стяг Барсука, именуемый также: “Сакральная простыня Революции”.

Видом же Стяг сей чуден изрядно:

на древко насажен неотъёмный та́вровый штык, в сечении – буквою «Т», для полотнища взята раритетная “Сакральная простынь”, кою, по слухам, Барсуку подарила людя́нская революционная буржуазия,

тем самым демонстрируя как-бы-преемственность революционных традиций и круговорот революций в Мирах... но злые языки уверяют: простынь сия – уж коли и есть раритет, так бурной юности мэтра, ходока-то известного...

а идею попользовать простынь в качестве зна́мени и знаме́ния бунта – Барсуку подсказали в Кархадских озверяющих Центрах, то и вовсе – сам Папа Сво, он же одобрил дизайн...

... если же следовать официальной, сиречь барсуковой, версии – данная простыня явилась Разномирам в Людя́нии – на баррикадах трёхдневной революции июля 1830 людя́нского года во Франции,

где все классы и кассы, да с ними и деклассированные – кто вовсе без денежной массы – объединились в задорном и ливера́стном порыве: сменить одного тирана-монарха – Карла X Бурбона, который делиться ни с кем не хотел, на “вовсе-другого” – Луи-Филиппа Орлеанского, родственника Карла Бурбона, который делиться всем обещал и ливера́тию – поощрял...

да делился недолго: дней пять... отчего замаячили призраки революций последующих – кои и сбылись!

недаром же “простынь Сакральная” – убрызгана кровью да в пятнах вся подозрительных – биологических явно:

утверждают иные: сия простыня принадлежала одной из самых яростных “фурий” восстания, то́ – по совместительству, на постоянной же основе – была она известной “работницей” на тех же парижских улочках, где и вознеслись баррикады, мастерицей-ударницей в древнейшей из известных профессий... да подробно о сём поведано там, где и должно: в Энциклопедии нашей – Большой Зверомирской, в статье “Барсук Троцкий”.

Славные Стяги Зверомира, до того или иного звéроса относимые, описываются нами в конце каждой статьи Энциклопедии, кои статьи повествуют о зверомирцах – нынешних предводителях своих родо́в-звёросов,

принявшие Стяги – по наследству, по преемственности, а имя своё к ним вписавши – по заслугам:

держаще те Стяги не клонимыми врагу поганому, но к вящей Славе Отечества – взнесёнными!

Послесказие 3. Рысь Русь: откуда рысь пошла

Не пора ли нам, братья, допрежь Сказ повершаты, о деве самой, о дивой Рысь-Руси повести?!
И по вымыслам ветхим: по делам предтеч её – предков-рысичей славных,
и по былям нынешним: взору Мира явившим девицу с норовом.

фабула первая: Согласие верховому правлению и россский бунт

Вéдомо:

«... Рысь Русь была девушкою правил строгих: владеть ею никто не владел, волю её никто не безволил, а кто и пробовал – тех кости в земле, чернеют-тлеют, да имена рассеяны в пыль...»

Писано так в “Тайных Сказах о Птице Славе”, да кто есть: Рысь Русь?

Откуда она рысть пошла?

Рысь Русь из Славного Рода рысичей есть собирательница земель Россских: предводительница и хозяйка просторов.

В отличие от Правителя Рóси, коему по должности вменена вся ёмность официальной верховной власти,

Рысь Русь не наделена полномочиями вовсе: ни чинами, ни должностными мóгами.

А и каковую табель удумать возможно для той, кто есть – душа Россских просторов?!

То ведь недаром:

“согласие главное” верховому правлению – власти верховной –

в Рóси исходит отнюдь не от доблестных ратников, хотя и от них тоже,

не от сословия служилого да сословия оборотистого, хотя и от них также,

и не от властителей дум даже – от мудрецов-зверóсофов да поэтов-аздов, хотя без них не обходится!

тем уж более – не от матёрых прожжённых татей-патриотов, подобных Лису Патríкию, хотя и они при делах, ибо везде – первые, –

согласие верховому правлению – в первую очередь, и последнюю –

должно исходить от Рысей, воплощающих Волю Великой Россской Ёми.

Коли ж такого согласия нет:

не сразу, так погода – но быть беде: рóсскому зверобунту,

который беспощаден, а для взора предвзятого – бессмыслен.

На самом же деле: всё там “со смыслом”, и почему да зачем – тоже всем ясно:

ибо *мессиджу* меньшему, чем “в глотку клыком да хребтом об оглоблю” –

самозваная, ли несправедная, ли зарвавшаяся власть не внемлет...

... и все злоречения о “бессмысленных бунтах”, буде и с пруфами –

на солнцеликого Александра Сергеевича, мудреца-и-поэта людянского, во всех Мирах одинако

великого, однако ж:

к властьудержающим вплотную стоящим был, да и сам: от крепостных владений частью кормился,

(... к слову ж: “души” те крепостные, родню да семью поэта частично кормящие,

коль скоро он стал помещиком-барином, –

прежь того буйным нравом своим бунтовским дюже славились!..)

— все те речи лукавы, цель же их однакая:

заболтать ловким словом поруху – смуте причинную, несправедность – мятежу предстоящую, несправедливость, в закон возведённую, да неизбежно к бунту ведущую!

... Лукавы те речи о гневах народных, в бунты рíнутых. И лгут же – ссылаясь на поэта великого,

вырвав сочное слово – одно лишь! – из сказа, в коем деяния злые, к смуте ведущие, и обозначены.

Сами ж бунты, и верно: дело паскудное, дюже кровавое!

И несправедны – чаще всего – много больше исходного,

ибо движет бунтом в зачале не рóзмысл, а перезревшая ненависть, и уж после – коли бунт не раздавлен,

сам ли в крови да бесчинствах не захлебнулся, – лишь после: месть накормив до кровавой отрыжки, –

после только и вспомнят о справедливости, ради которой и зачиналось...

Но пока иного пути – к ней, к справедливости – явлено не было.

Посему уж пора бы иным вразумиться на опыте горьком: минувших замятен –

ибо клыков да оглоблей в державе меньше не стало.

фабула вторая: Узурпация власти, возрождение Зверомира и вопрос без ответа о рысью справедливости

Однако ж:

нередко, более чем нередко! именно вопреки тому “согласию главному” –
верховую власть узурпируют проходимцы, тати, то и вовсе – изменники да отступники: ренегаты,
кои враги есть и ненавистники лютые: всего отчего,
кои Западлу денно молятся да на идолище звероидное – Завроящера Сво,

что приносит беды неисчислимые зверомирцам, порою ж – сокрушительные, гибельные,
до, казалось бы, полного изникновения Зверомира.

Но каждый раз Зверомир восстаёт, возрождается:
под сенью крыльев Птицы Славы и является –
ведомый неистребимой отвагой и могúтой Рóда рысичей,
и шествует триумфом –
под стягами Сестры-Матери Победы да под грозный рык единённого воинства
тигров-барсов-белведей-бурведей...

... стремимый волею чтимых предков...
... правимый мудростью тысячелетий культуры...
... ведомый глубинной памятью о заветах Создателя и волею к Жизни –
жизни в согласии с совестью, в ладу с душою и Миром.

И каждое такое восстание из пепла, возрождение из безвременья –
заскрижливает бездонная память древнейшего из старейшин зверомирских:
Сказского Тура с золотыми вёками,
чьи золотые рога успокоили навечно не одну тьму погани всякой,
в том числе – и управляющей несуразно: той,
что власть творит по-воровски, зазорно, пакостно.

А задайся вопросом:

бывает ли такое, случается:
что неправую Рысь Русь сама предстаёт?..
а предки Рысины славные –
всегда ли пути верные тóрили?..
всегда ли одними благими помыслами велись,
руководствовались? –
что до соседей близких касаемо,
что до иных чужеземцев тако же...
А и своим – заединщикам преданным,
и детям своим: кровным ли, названным,
и властям преходящим,
кои правят с их же, Рысей, согласия:
и свите верховной, и даже Правителю –
всегда ли Рось отвечает взаимностью:
справедливой хвалою да воздаянием,
должной любовью
да заслуженной верностью?

Всегда ли Отчизна сама и очёслива, и справедлива?

Умный вопрос, да глупо любое в ответ –
ответа и нет.

О деяниях да судах неправедных,
о злобё да люте несправедливых,
о беззакониях и самодурствах диких,
о гневе напрасном да вражде беспричинной
— вроде ж и вёдомо,
да вёдомо то с горьких слов самих же обиженных,
да по свидетельствам, дюже сомнительным:
их предъявляют враги рода рысичей,
— грош цена тем свидетельствам!
Что там было всамделе,
сколь много неправедно, да какою причиною,
что о том поведано исто,
что облыжно да пáсквильно, –
то сказать теперь можно всякое. И говорят.
Да больше-то те говорят, кто нам враг
и на вражьем прикорме которые...

Сами же рысичи: деили
трудовое да ратное – более,
нежели что разъясняли напыщенно – слогом,
казуистикой вскормленным...
Не приучены рыси оправдываться
да инакому мнению кланяться!

Такова же и Рысь – предводительница нынешняя...

Может, и зря – такой-то вот политес невропейский:
зря для кисы какой мур-мúрной, вихлявистой.

Но то не Рысь Русь!

фабула третья: Обличие

Рысь Русь –

дэвица дівая: неручная, таёгая, дикая,
но и дівная, скáзная:
стати чúдной, грации редкостной.

Да изрядно наделена могу́тами разными:

ловка́ да резка́, в ры́сках – резва́, в мыслях – трезва́, но порывиста,
затейна, но дельна, а в делах тех затейных – непредсказуема.

Чужакам же – и вовсе не внятна: ни умом, ни чуем!
а и дюже страшна им она лютым норовом,
боевою мощью наследною!..

Летами ж чуть старше, чем юная: то недавно с отрочества вышедши.

С точки же зрения мудрецов зверяньских, кои всё что ни зрят – разом в заумность облечь пытаются,
да во всём – соккрытые смыслы размыслить, –
Рысь Русь олицетворяет собою новый – зачинающийся – Третий Рóсский суперзвёрос.

Суперзвёрос, так суперзвёрос. Третий, так третий. Пусть будет.
Лишь бы был: ныне и во веки!

Людянскому ж взору обличием Рысь наполнила б разом:

и рысь обыкновенную *Lynx lynx*,
и каракала – рысь степную *Caracal caracal*.

Но и различий узрилось бы также немало, взять хоть окрас:
окрас Ры́син, вельми затейливый, – слов умных да восторженных стяжал немало:
не менее, чем глаза её дивные. Так есть от чего!..

Коли ж слогом строгим окрас тот описывать, не поэзией, выйдет так:

рыже-бело-чёрный с золотистыми пятнами и отблесками,
с выраженными полосами на голове и фантазийными линиями по всему телу.

На груди, с заходом на шею – треугольник белого меха, соотносимый по форме с буквицей **V**
латинянской, что есть символ Победы: тот символ у многих из зверомирцев в облике место имеет:
им та символика – в гордость!.. иных же – Козла, например, иль Ули́ту – отсыл такой беленит,
пароксизм, ибо образ их жизни – “с выгодой сдать”...

Также Рысь мехом белá на животе да частью – на лапах.

Уши же – чёрно-рыжие, с чёрными длинными кисточками, а лапы оканчиваются чёрным мехом
с золотисто-чёрными когтями и золотистыми пучками меж пальцев.

Особая ж краса да гордость Ры́сина – “баки георгиевские”:
с двух сторон по щекам рысьим – длинные пряды,
в коих чёрные полосы чередуются с рыжим мехом, в мех белый преходящим.

Глаза ж при том: янтарно-зелёные, с белыми на вынос бровями-ресницами.
Да о глазах толк особый: он будет.

Окрас Ры́син изменчив – в зависимости от настроения и обстоятельств:
волнистые линии не статичны и перемещаются по телу в произвольном порядке. Иной раз –
превращаются в замысловатые тексты на языках непонятных.

Природу данного явления никто, даже Сказский Тур, не ведает. Но восхищение всеобщее
сей волшбе сопутствует... Сама же Рысь гордилась по-самочьи скромно таким своим шармом:
“шубкой крутою”, но о сокровенной значимости сего до поры и не задумывалась...

... Не словца красного ради, не напрасно – яркий рысий окрас родовой, переливчатый красным да
золотом, с белоснежным соседствуя, – молвою увязан с ликом Светила да его светлым промыслом:
род рысий – с незапамятной древности соотносит себя со Светилом,
“всея́ бытности Свет несущим”.

Рысичи те – без околичностей, без ложной скромности, прямо – называли себя “детьми Света”,
иной раз – “детьми Яра”.

Ибо Яром звали Светило древние предки.

фабула четвёртая: Рысий глаз

Рысь ко всему – тончайшим обладает слухом, рассказывающим ей об отстоящем на десятки да сотню вёрст, и запредельно острым зрением, проникающем не только сквозь дали-просторы, но в глúби душ, и даже – как считают иные, сами изведавшие, – сквозь преграды.

Оттого и рекут о всяком, кто лишь чуть в зоркости с рысью схож: «рысьи глаза заимел».

Цвет переливчатой зелени Рысьих глаз Тигр, зверомирский мудрец-и-поэт, камням равнял самоцветным да драгоценным. Малахитам, аквамаринам, изумрудам–смарагдам.

Или тем минералам редкостным – нефритам, жадеитам, хризобериллам да турмалинам, – из-за скользящего по ним блика именуемым “кошачьим глазом” – то у людей, в Зверомире же – “оком рыси”.

Коли ж случается Рыси насторожиться, или озлиться, или в охоте:

рысьи глаза – до того лишь с искоркой беглою, да в целом: лукаво-лучистые – начинают “гореть”, “раскаляться”, сверкать зелёно-огненным зырком: Рысь “сверлит огненным глазом”.

Ночью ж и вовсе: глаза рысьи – два раскалённых úгля.

Только úгли те в лучении своём – не обычным огнём: зелёным огнём пламенеют, ввергая в тоску, да жуть, да смертный холод...

В засаде же таясь или кого дослеживая рыском – Рысь свой огненный взор тушит – и как нет её, сколь ни вглядывайся:

не узрить Рысь Русь, пока сама того не возжелает, нутром только и чуешь:

здесь Русий дух, здесь Рысий дом, здесь всяко может обернуться...

И тот, кто рёк:

«... зeníцы – зерцáло души...» – тот видел глаза рысьи!

фабула пятая: Славные предки и Созвездие Рыси

Людяне на своём небосклоне выделяют тождественное “созвездие Рысь”.

Но для людян то созвездие – сравнительно новое, никаким сакральным смыслом не оделённое,

а введено в обиход и поименовано людянским мудрецом-звездочеем *Яном Гевелием* в их, людянском, 1660 году.

Иным же мудрецам *Гевелий* так объяснил:

«... *В той части неба – лишь мелкие звёзды, нужны рысьи глаза, чтоб их распознать...*»

В обоих Мирах к Созвездиям Рыси относят 92 звезды, острым глазом зримых.

Сие созвездие – северного неба, северного полушария, в окружении звёздных кúпностей, именованных много ранее:

Близнецы, Возничий, Жираф, Большая Медведица, Малый Лев, Рак.

Созвездие Рыси – одно из ближайших к северному полюсу мира, сиречь воображаемой точки *небесной сферы*, вокруг которой – для взора планетян – и вращаются звёзды.

Но нет никаких *небесных сфер*, есть лишь вращения планет и есть иллюзия вращения звёзд – и мироздания в целом – вокруг взирающего на звёзды снизу планетянина-центропúпа.

И есть *вымышленные полюса небесной сферы* – там, куда указывает ось вращения планеты.

И Белведь, например, забредя на *географический северный полюс*, видит *северный полюс мира* прямо над головою – в *зените*,

а южный полюс мира расположен для него снизу – в *точке надира*.

Обитатели же *экватора* видят *полюса небесной сферы* на *горизонте*.

Нелишне добавить: *северный полюс мира* находится в созвездии Малой Медведицы, *южный полюс мира* – в созвездии Октант.

Все эти мудрённости имеют самое прямое отношение к событиям, začínающимся на Зелёной планете.

Созвездия Рысей доступны для посвящённого взора на всех территориях Росских просторов круглый год, кроме Скáзии, где летом оно частично скрывается за горизонтом.

Послесказие 3 | ‘Рысь Русь: откуда рысть пошла’

Рысь Русь – дочь и преемница Алой Рыси Софьи, коя путь прошла взросления: от Сарской до Красной.

Софья же, в свою очередь – наследница Светлой, или Кыйской, Рыси.

Сама Рысь Русь мало что помнит или делает вид, что мало: и об истоках своих, и о Славе предков, – дурачить-то демонов, беспамятною притворствуя, да иной раз и лиходеям-историкам подмурлыкивая – Русь дюже горазда: особливо допрежь броска прицельного в глотку оскáзнику поганому.

На самом же деле: не только помнит, но и тайн хранит немеряно.

Оттого и реакция у неё – молниеносная, однакая, особливо – на недруга: на обидчика и посягателя.

«... Не грозись Рыси, не ходи на Русь – костей не соберёшь!..» – то не только соседские, то и заморские супостаты с лихом отведали.

Отчасти и поэтому стороннему оку Рысь Русь видится одиночкою:

своим рыщет рыском, свой торит путь, а пути чужие да чуждые – лишь дослеживает!

Но устремляет при том за собою всех зверомирцев, тем яря вражён – “учителей” иноземных да прикормышей их домородных: пятую свору.

И всеславные рысичи-предки таковыми же были – чужому не кланялись:

только ради приличия или ж силы копя: для броска, гибель несущего врагу, что явился невежливым.

Главное ж,

что вёдомо Рысь-Рúси о родительнице своей – Алой Рыси, чьё исчезновение окутано кривдами, враками да ливераками, то и есть:

Алая Рысь не умерла, не погибла, не издохла, но покинула – ставший “скопом бесславным” Зверомир,

покинула во Времена Большого Помутения, исполненная горечи и стыда за помутившихся обитателей, обезумевших да превратившихся разом:

в обживателей и проживателей, лавошников да мещанчиков, озабоченных пúзром да гúзном едино, да кружавчатым хлúпиком,

кои державу – просторов безмерных, богатств несочётённых, Славы бессмертной, культуры и духа неиссякаемых –

державу ту вдруг колбасами ливерными да своими шкурами мерить затеяли: на империю духа стали пялить рейтузы демократии брюха...

... как ранее – по схожим, вероятно, причинам – состоялся исход и родительницы её: Рыси Светлой Кыйской...

Куда ушли Алая и Светлая Рыси, то никому не ведомо, но есть предания, гласящие:

их приняло Небо и стали они двумя Путеводными Созвездиями.

Но созвездия те сокрыты от недостойных – невидящих и неслышащих, коих – немало.

Сокрыты от глаз, но вёдомы сердцам Славным.

Сокрыты до поры, но однажды они воссияют, сольются воедино, и Светлая Рысь-Русь София вернётся на крыльях Птицы Славы – в восставший и вновь ставший “Славным” Зверомир.

Сокровенная тайна путеводных Созвездий Рысей в том и есть, что они – суть одно: одно созвездие.

Но тот, кому дано их увидеть –

кто чист помыслами и целями ведóm праведными, или кому даровано зрение особое: острое, всепроникающее – рысьи глаза, рысий взор, или кто завладел камнем чудодейственным: “оком рыси”,

тот увидит лишь то, что хочет увидеть:

либо – мерцающее красными звёздами Созвездие Алой Рыси,

либо – блистающую белым золотом звёздную россыпь Созвездия Рыси Светлой.

фабула шестая: Рысь Русь и Белведь, Правитель Рóси, а также свита

Рысь Русь храбра и отчаянна – безмерно, велико́:

«... Победа или смерть!...» для неё – единственный выбор в схватке.
Пред нею может спасовать – и пасует! – всякий зверь Зелёной планеты.
Даже Тигр. Даже Белведь.

Рысь – единая, кто может первой напасть на бурведя или белведя,
буде из них кто и в ранге Правителя... коли, правда, на то причины веские обозначатся.

Но на текущий момент меж Рысь-Рўсю и Белведем Воли́телем – согласие полное!
Взаимопонимание, дружба, почти обожание.

То кроме нюансиков, до внутридержавной справедливости относящихся:
до твари́фного беспредела да ценового мироедства,
до злопроце́ния ссудного да скотоколлекторства,
до зверархии расплодившейся, коя наследственной стать вознамерилась,
до алчбы ненасытной жлобизнеса и бесчинства свитского облого.

Но о том покуда и терпится – за иные деяния верные...

... веря покуда, что нюансы и впрямь что: покуда.

А вот Славные предки Рўсины не единожды грызли правителей, коли тех не туда заносило.

Ещё более скоры на расправу Рыси со свитой-челядью, властью кормящейся,
да с их кумовьями-зятьями бессче́тными.

Песцов прожорливых, да лис ненасытных, да куниц пронырливых,
да вра́новых – воров хитромудрых –
Рысь давит просто так, не то чтобы съесть –
она таким не питается, брезгует –
давит за паразитство, за тягу поживиться да проедаться на чужой сче́т.

А для того и заманивает их –
всегда мотивированных на дармовщину алчбой непомерной да наглостью бесстыжей –
обольщает их охотой прибыльной, заваливши в надрыве дичь знатную:

те и ско́ры на запах поживы:
слетаются ватагами, сворой сбегаются...

знают они про неприхотливость Рысь-Рўси, умеющей малым обходиться в еде и во всём:
где Л́ису на укус – Рыси на три дня...

... и кружа́т окрест, ще́лкая зубьями да клювами хищными.

Рысь же, затаившись до срока – в прыжке от пира-приманки,
да выждав, как бросятся с дракою-склоками гости незваные жрать-делить не своё, –
является смерчем карающим для захребетников:
мало ж кому случится избежать когтей смертоносных, молниеносных зубов да лап,
крушащих хребты да закорки...

... а порушенных трупы – с презреньем бросит обглаживать уцелевшим,
когда те обмогнут-очухаются,
да ещё тем – кто родня с кумовьями для тех, кто добирает от объедков объедки...

Так – в пожирании трупов предшественников –
зачинается новая свита кормящихся властью...

Так-то всё так, да так-то в предании: в славной истории рысичей.

В отношениях же с ныне правящей да хозяйствующей стаей – молодая Рысь Русь до срока не проявила
свои дюжие доблести, кои многожды демонстрировали Славная мать её – Алая Рысь, Славная бабка её –
Светлая Рысь, да куда боле древлие Рыси.

«... Всему своё время, каждому – срок!...» – ухмылялся по сему поводу Тигр, ожидая весточку от любимой,
разминая когти и лукаво поглядывая в сторону разъедающейся свиты...

Белведь Воли́тель так-ж хитро́ подмигивал с белых вершин в хмари сияющих ледяных торосов...

А падалью Рысь Русь и вовсе не питается... И козлов не ест!
Не её то мо́дусэ чйбус: образ питания: давить – давит, когда допекут, то бывает.
Вот кабанятину жалует. Хотя и риск великий. Но Рысь обожает и риск, и рыск.

Послесказие 3 | ‘Рысь Русь: откуда рысть пошла’

Белведь Воли́тель

... Не зад Белведя управляет льдиной.
Белведь движется вместе со льдами...

«... Волей не торгуем. Просторы не сливаем.
В тылы не имаем... Консенсусом в тыл –
это Вропейская ценность, не наша...
Нам – рósичам – тысячи лет,
и ровно столько же нас “увещевают” –
где клыком, где консенсусом.
Но мы – вот они, где те, кто “увещевал”?
И покуда Белведь жив – тако ж будет!..»

Барсук Троцкий

... Эпической силы, эпохальных масштабов сей персонаж рождён в Зверомире, в Росских просторах, сам же себя почитает “зверянином Миров”, да не простым: означенным миссией, избранным, о чём и сказует прямо, без ложной скромности:

«... я – шило в заднице континуумов, зуд Миров, родильная горячка грядущего!..»

... чистопородный смутьян-радикал, профессиональный нигилист, воспринимающий повседнев и рутинное обустройство жизни как скуку смертельную, дело низменное, высоких натур недостойное:

«... или ты по колено в дерьме пашешь и строишь, или ты весь в белом, на белом коне – идеалы носишь!..» – так говорил Барсук...

«... культурная дискуссия без мордобоя нам не интересна...»

... О Барсуке можно писать романы – и не сказать ничего, будет всё ложь, и будет всё – правда...

... есть Революция – как Веление, Воля, как неизбежность, как единственный способ, пусть и болезненный, борьбы с энтропией, с хаосом быта, с разрухой, со злом – кои зверянина делают зверем, живущим одно лишь кровью да плотью другого – более слабого, или не шибко фартового, или породой не знатного, или же просто – не подлого, то и подлого, да зазевавшегося... и даже не столько кровью да плотью, сколь грабежом – неприкрытым да крытым Законом, ещё мироедством, обманом, поборами, и угнетением, и притеснением, – кое всё вкупе мудрецы бородатые нарекли “эксплуатация”, – та Революция – плавит хаос, в плавильне рождая металл идеалов, стремлений, смыслов, порядка... и справедливости – хотя бы в Законе означенной, дабы сия пардигма обрести могла в поколениях – как модус вивенди и операнде: образ жизни, а в жизни – деяний!..

Вождей имена *таких* Революций благодарная память потомков хранит и лелеет – от хулителей, врателей, ливерастов да злобников, коих немало, как немало всегда вокруг света благого слетается погани...

... и есть рреволюция – как módусэ чйбус, образ питания, как способ насыщенно жить, собой восхищаясь, при том – не созидая, только круша:

та рреволюция – хаос лишь множит, она – и зубило, и лом, и кайло эффективное в лапах кормящихся от геополитики.

для Вождя Барсука: рреволюция – módусэ чйбус...

Лис Патрикий

«... невидимая лапа рынка – вещь, доложу я вам!..
и её никто не видит, и что она там курочит,
тоже никто не видит... сказка!..
а воры да тати – были всегда... и будем!..»

... В защиту Лиса отметим: всё ж таки он, Патрикий, – патриот да широкой души зверь, который желает светлого рыжего будущего всем поголовно. И когда-нибудь – оно непременно случится, придёт. Но пока счастье идёт, пусть будет – хоть у кого-нибудь, чтоб другие-то знали, чего они ждут. И чем, собственно, плоха для того кандидатура именно Лиса?..

Барс – воин-мыслитель, много учён и в знаниях – алчуш...

... сведущ изрядно в преданиях, сагах, сказах, легендах да эпосах, но особо – в писаниях и откровениях, из коих черпает истую силу и вдохновение.

... потому – как знаток архетипов, мотивов и алгоритмов деяний – Барс блестящий психолог и футуролог... в том же качестве Барс почитает Сказского Тура, коему друг не случайный – не ради застольного трёпа...

... считает себя – и есть к тому основания – потомком прямым и законным наследником воинов-барсов – барсов-хурритов: одного из древнейших, таинственных звéросов, что истории памятны... который отсвоил частично – просторы Азии и в целом – всю Скáзию... и возвёл государства, зверосмыслием полные и державным величием... в коих культура, искусства, науки, ремёсла, закон, образование, демография, геополитика и даже попытка-проект справедливого быта – явлены были задолго до тех, кто ныне кичится величием, особливо же зáпадлым...

... звероречие барсов-хурритов по сей день остаётся загадочным самым и неопределимым в истоках...

... но известно доподлинно (так мудрецы уверяют): именно барсы-хурриты составляли костяк – военный и правящий – великих *шумéров*... те хурриты себя называли “чёрноголовыми”...

... пришли они – из ниоткуда... и возвели: древнейшую из древних известных держав – *Шумёр*... свой *Шумёр* в каждом Мире Мультивселенной имеется!..

... позже барсы-хурриты дерзко явили царство *Митанни*... последней державой в списке великих, кои основаны были хурритами, стало могучее государство *Урárту*, кое со временем – растворилось без шума в веках и соседях...

... но пассионарный остов героического звéроса воинов-барсов, воинов-мыслителей – сохранил себя сквозь времена: в суровых теснинах, неприступных отрогах Скáзии скáзной...

... и Снежный наш Нежный Барс – тó и есть!..

... Было “местечко” любимое в “*письме митаннийском*”, кое Барс не просто “цитировал” – пел: раскатисто, с рокотом, рыком, внезапно переходя на урчание... заканчивал смачным хрустом:

«... ветошью рóсы сказаться горазды, не впервой уж! – до поры... пока не наступает момент истины... Взять хоть снежного барса – любимый – средь прочих любимых – зверомирцами зверь (о чём многие вражины – себе на беду – и не ведают, тупо считая, что барсы с рóсами – в ссорах от веку): барс вельми хитёр, может и мёртвым разом сказаться, да затем и броситься на возомнившего и утерявшего бдительность врага, тут и – хрясть!.. Наши управители, кто не дурак, знают сие да понимают. И враги умные – также... К сожалению, те и другие – редкость изрядная... Но на крутых изломах исторических судеб Провидение нам посылает достойных, как правило, лидеров, врагам же – тупит мозги. Что происходит и ныне...»

Нежный Барс

Сказский Тур

Сказский Тур – древнейший из старейших bestia sapiens – великих размеров, ума и силы создание, кое людянским мудрецам-зверовёдам напомнило бы уже вымершего в Людянии быка первобытного Bos primigenius, но грудь – могутнее, тело – трапецевидней, от зада к переду нарастая, а рога на мощном кóлке – костяном кóмле – длинней да весомей, да расходятся вельми изящно – на минойский манер.

Окрас тóрова тела: “сокровенный чёрный”, с золотистыми отливами да переливами: утверждают, что именно таков – цвет янтаря чёрного.

Тем “сокровенным” – окрашены шкура и кудрявая шерсть на груди, и на шее, и на загривке.

На груди же – под шеей – шерсть пылает золотою буквицей V – символ Победы. И хвост – золотой, и копыта – золотые, и рога – золотые, да острия у них – чёрные. А и мех на ушах тóровых – чёрный, с золотистыми провалами, и глаза – чёрные, с золотыми обводами вкруг: то и есть в Сказах воспетые золотые тóровы веки.

Тона золотые, что на тóлове Тура играют, взоры пленяют – словно всполохи вечности, мерцания хроноса в безбрежности бездны: многоцветны и многосмысленны...

Сказский Тур древен настолько, что помнит само Золотое время: сам он и есть – часть его, последний реликт из живущих!

Однако ж, невзирая на тысячи лет им бытого:

«... Тур стар, да дюж: и свеж, и гожд. И я́ром – то ж!..» – утверждает зверомирская присказка. Утверждаем и мы...

И нельзя не упомянуть об одной из самых сокровенных тайн, оберегаемых бездонной памятью Тура, выдавшего и обитаемые ныне тысячелетия, и то, что было до них. Возможно, именно он воочию видел тех, кто был “перед”: Тех-кто-ушёл. Не то, чтобы Тур молчит о том. Напротив – рассказывает охотно да пространно, но оттого и сомнительно, где в сказах тех – были-былицы, да где они начинаются, а где кончаются, оборачиваясь былинами вперемес с небылицами да нёбылью... да не разом ли все те повести Туровы “о предшествующих”, о Тех-кто-ушёл – педагогическая литература: воспитанки для пока не окрепших духом и разумом?.. Но сказывает Тур сказно – то не отнять!

... Тур же чаще молчит, нежелъ вещает. Коли уж скажет – слово каждое: злато! Тому в подтверждение – пара цитат из трактата, вельми могучего смыслом, коя книга – «Так Тур говорил» – всякому зверомирцу ведома, кто хоть что-то читал помимо СМС-сообщений:

«... кто сказал, что войне необходим Победитель?! – войне вовсе не нужен победитель: нужны кровь да мясо... да убранство огнём... а Победитель – самоиллюзия!.. война же иллюзиями не страдает...»

«... хорошо там, где тебя нет... поэтому, туда направляясь, себя туда не бери: и там нехорошо станет!..»

«... стыдно, ребяташки, стыдно! Вроде и штанишки приличные, а в них – ливераст!..»

«... мудрец и чаще и страстнее ведётся на чушь, чем иные...»

«... дружат нас, единят – не одни только беды, не одни лишь общие ли́хи: наперво радость обща и согласие в нравах на дру́жество сводит!.. и друговщи́на наша – не против кого, она “за” – за приязнь, за приязненный лад – мирный, согласный, на любви, на добротолубии да на доброжелательстве зиждимый...

только в дружбе такой – в единении братском – правда и сила!.. мы – не ватага кархáдская: за́падлая, мы – братство: нас дружат согласные мысли, не нужда, не гешефты корыстные...

и не дру́жни мы – не стая, не прайд обвыкших друг к другу животных, скотов, падших тварей, подельников, свыкшихся с собственной низостью, и низостью в ближнем, как с непреложным и данным...»

Литературно-художественное издание

Василий Смелянский

Птица Слава: тайные сказы

Свод первый:

Янтарные Острова и Рось

в десяти Сказах, поведанных Георгиевским Тигром

Сказ первый:

Рысь Русь и Пúпа, Попугай кархáдский.
Встреча на Вишере

книга впервые опубликована в электронной версии
в декабре 2016
на сайте Проекта «Птица Слава»
www.ptitsaslava.ru

графика | оформление | дизайн | вёрстка оригинал-макетов
Василий Смелянский
Маргарита Заря-Языкова

редактор, корректор
Евгения Теплых

IT координатор
Алексей Заря

финансовый координатор
Надежда Рудых

издатель
«РИГ Персона®»
/ИП Смелянский В.Ю./
г. Челябинск
www.persona-rig.com

производство:
Мастерская Василия Смелянского «РИГ Персона®»

При реализации Проекта «Птица Слава»:

использованы комплекты шрифтовых гарнитур,
регламентируемые на момент использования
открытыми или публичными лицензиями:

OpenSans,
автор Steave Matteson, Apache License v. 2.0;

Philosopher,
автор Jovanny Lemonad, SIL Open Font License 1.1;

TeXGyrePagella,
TeX Gyre Project, The LaTeX Project Public Licence (LPPL);

Lato,
Lukasz Dzedzic, SIL Open Font License 1.1;

GNUTypewriter,
Lukasz Komsta, SIL Open Font License 1.1;

Zhizn,
Пётр Жарнов, SIL Open Font License 1.1.

Все шрифтовые гарнитуры принадлежат их авторам,
все права сохранены.

использовано лицензионное программное обеспечение,
произведённое компаниями:

Microsoft Corporation;
Adobe Systems, Incorporated.

Контент сайта «Птица Слава», включая данную книгу,
предоставляется для безвозмездного некоммерческого использования
при согласии пользователя со следующими УСЛОВИЯМИ:

УСЛОВИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ сайтом «Птица Слава» (www.ptitsaslava.ru)
и контентом, на нём размещённом

1.1. Данный документ является юридическим соглашением (именуемым далее по тексту “Лицензия”) между вами (далее по тексту – “Лицензиат”) и Смелянским В.Ю. (далее по тексту – “Лицензиар”), который является владельцем web-сайта «Птица Слава» (далее по тексту – “Сайт”) и владельцем исключительных прав на графические, текстовые и иные материалы (далее по тексту – “Контент”), размещённые на Сайте.

1.2. Лицензия определяет условия использования всего Контента, кроме материалов, размещённых в специальном разделе Сайта «Магазин».

1.3. Используя Контент, Лицензиат признаёт, что прочитал, понял и принял перечисленные в Лицензии требования и ограничения.

2. Права пользования Контентом

2.1. Весь Контент является ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ Лицензиара и защищён действующим законодательством, если иное не оговорено специально по отношению к той или иной части Контента.

2.2. Лицензиату предоставляется БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ НЕИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО НЕКОММЕРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ Контента, ограниченное следующими условиями:

2.2.1. Для личного и некоммерческого использования Лицензиату разрешается:

a) ПРОСМАТРИВАТЬ Контент;

b) для личного использования в некоммерческих целях КОПИРОВАТЬ любые фрагменты Контента, если иное специально не оговорено относительно этих фрагментов;

c) в некоммерческих целях ЦИТИРОВАТЬ любые фрагменты Контента, если иное специально не оговорено относительно этих фрагментов; при этом цитируемый фрагмент должен быть атрибутирован обязательным указанием на оригинальный источник цитируемого фрагмента и автора (авторов) этого фрагмента, а в случае цитирования в Сети – также снабжаться прямой активной гиперссылкой на оригинал;

d) в некоммерческих целях ПУБЛИЧНО ИСПОЛНЯТЬ любые фрагменты Контента, если иное специально не оговорено относительно этих фрагментов; при этом исполнение должно сопровождаться обязательным указанием на оригинальный источник исполняемого фрагмента и его автора (авторов);

e) для личного использования в некоммерческих целях СКАЧИВАТЬ файлы с пометкой “СКАЧАТЬ”;

f) в некоммерческих целях РАСПРОСТРАНЯТЬ скаченные файлы на условиях Лицензии (“распространение на тех же условиях”); при этом запрещается изменять любым способом содержимое этих файлов; при этом распространение скаченных файлов должно сопровождаться обязательным указанием на оригинальный источник скаченных файлов и снабжаться прямой активной гиперссылкой на оригинал.

2.2.2. Каждый раз, когда Лицензиат РАСПРОСТРАНЯЕТ файлы или фрагменты Контента любым способом, не противоречащим закону и условиям данной Лицензии, Лицензиар предлагает получателю файлов или фрагментов Контента лицензию на тех же положениях и условиях, что и данная Лицензия.

2.2.3. При осуществлении ЦИТИРОВАНИЯ или ПУБЛИЧНОГО ИСПОЛНЕНИЯ Контента допускается сокращение или перекомпоновка текстовых фрагментов Контента, но только в той мере, в которой это не приводит к искажению смысла указанных фрагментов. Любая иная ПЕРЕРАБОТКА Контента, в том числе перевод на другие языки, возможна только с письменного разрешения Лицензиара.

2.2.4. Любое использование Контента иначе, чем уполномочено данной Лицензией и действующим национальным законодательством, – ЗАПРЕЩЕНО.

3. Другие аспекты Лицензии

3.1. Использование Контента с нарушением любого из условий Лицензии означает, что Контент используется без разрешения Лицензиара, что является нарушением исключительных прав Лицензиара на Контент.

3.2. Негативные результаты, полученные вследствие использования Лицензиатом Контента, не влекут за собой ответственности Лицензиара, в том числе не могут являться основанием для судебного преследования Лицензиара.

3.3. Если какое-либо положение Лицензии становится недействительным в связи с изменениями в действующем законодательстве, это не влияет на действительность остальной части Лицензии.

3.4. Лицензиар оставляет за собой право изменения условий Лицензии без дополнительного уведомления Лицензиата, при этом такие изменения не могут иметь “обратной силы”, то есть распространяться на действия, уже совершённые Лицензиатом. Продолжение использования Лицензиатом Сайта после изменения условий Лицензии означает согласие с обновлёнными УСЛОВИЯМИ ПОЛЬЗОВАНИЯ Сайтом.

16+

НЕ ЗА ШАНЬСКИМИ ГОРАМИ, НЕ ЗА ИНДСКИМИ БЕТРАМИ, НЕ НА НЕБЕ, НЕ НА ДНЕ, НЕ В ЗАМОРСКОЙ ГЕЙ-СТРАНЕ, НЕ В ЭДЕМЕ, НЕ В ТАРТАРЕ, А НА СЕВЕРНОМ УР-АЛЕ:

ГДЕ ДО СЕВЕРА ДВЕ ТУЧИ И ДВЕ НОЧИ ДО ЖИВЬ, ГДЕ ДОЖДИ, ЗАЙДЕСЬ В ПЛУЧЕЙ, ВОДЯТ ХМАРЫ КОМАРЬЯ, ГДЕ ТУМАН, МЕЖ СКАЛ ОБВИСИЛ, ВЯЗЯТ НЕБОМ ОБЛАКА: ПО ГОРАМ ТАМ КОСА ПЫШНЫЕ ПЛЕТЁТ ВИСЬЕР-РЕКА.

скала Говорящий Камень
скала Камень Ветер
скала Писчий Камень

река Висьера

река Злато Камень

река Туземный Камень

река Чума

река Висьера

гора Мучилие-Туман

скала Писчий Камень

скала Говорящий Камень

скала Камень Ветер

скала Писчий Камень

скала Говорящий Камень

скала Камень Ветер

скала Писчий Камень

скала Говорящий Камень

скала Камень Ветер

